ПИОНЕР

4
1988

ISSN 0130—8009



НА СТАРТ... ВНИМАНИЕ... МАРС!

Первое приглашение к полету

В июне 1988 года начинается невиданная прежде космическая экспедиция. Специалисты утверждают: ее план смелее и сложнее недавнего сенсационного полета аппаратов «Вега» к комете Галлея с заходом по дороге на планету Венера. Экспедицию назвали «Фобос», и участвуют в подготовке к ней 12 стран.

В XVII веке великий итальянский ученый Галилео Галилей изобрел телескоп. Этому изобретению мы обязаны появлением астрономии как науки. Телескоп для астрономов оказался не менее важен, чем микроскоп для физиологов и химиков. И сразу же его окуляр повернулся к Марсу. В общем-то вполне понятное человеческое желание: узнать, что творится по соседству. Хотя Марс и находится от Земли за миллионы километров, но сосед-то он ближайший. Да к тому же еще и весьма загадочный.

Но, пожалуй, наибольший интерес вызывал Марс на рубеже нынешнего века. Астроном тогда обнаружил на Красной планете геометрически правильные каналы. Их моментально приняли за ирригационные сооружения погибающих от жажды марсиан. Какое возбуждение охватило тогда весь цивилизованный мир! Астрономическая проблема окрасилась чисто человеческими эмоциями. Как хотелось нашим прабабушкам и прадедушкам верить, что до собратьев по разуму рукой подать! Но, как известно, скоро сказываются только сказки...

Не отставали от Марса в подкидывании всевозможных загадок и оба его спутника — Фобос и Деймос.

Ученые убеждены, что там, в районе Марса, настоящая кладовая открытий. Если удастся проникнуть в нее, то мы узнаем много важнейших событий из прошлого, а значит, биографию самой Земли. Ведь и у нас хватает «белых пятен»...

Итак, летом с космодрома Байконур с интервалом в несколько дней возьмут старт две советские межпланетные станции. На них будут установлены уникальные, прежде еще никогда не создававшиеся приборы, способные уловить самые «тонкие» характеристики планет. Первый этап экспедиции — изучение Марса. Работы будут вестись по последнему слову науки. Астрономы надеются ответить на многие вопросы.

Но Марс, как ни заманчив он, все-таки лишь промежуточная остановка. Сразу сблизиться с Фобосом станциям не удастся. Наши представления о траектории движения спутника еще недостаточно точны. Около месяца продлятся тщательные навигационные измерения, и только потом...

Сначала расстояние до спутника составит десятки километров, но постепенно оно сократится до 50 метров. И лишь тогда — самый важный, кульминационный этап: на Фобос будет сброшен «десант» — посадочные зонды поведут научный репортаж прямо с поверхности загадочного спутника. Разрабатывается сложнейшая аппаратура, которая в зависимости от условий будет просвечивать Фобос длинноволновым облучением, лазерными и ионными пучками.

Некоторые эксперименты по замыслу и смелости исполнения можно отнести к разряду экзотических. В эксперименте «Лима», например, лазерный луч с энергией около джоуля, направленной с космического аппарата, будет сфокусирован точно на поверхности в не видимую глазом точку диаметром в один миллиметр. Произойдет микровзрыв, ионизи-



Рисунки И. ПАНКОВА.

рованное вещество разлетится, и часть попадет в чувствительную ловушку на аппарате.

Или другой эксперимент — «Дион». Специальная «пушка» с борта космического корабля обстреляет грунт тяжелыми ионами криптона. Они выбьют с поверхности частицы вещества, которые зарегистрирует на борту особый прибор — масс-спектрометр. Предполагается, что грунт Фобоса будет исследован примерно в ста точках.

Дата старта с Земли на Марс выбирается с учетом минимального расстояния между планетами. Но все равно перелет займет ни много ни мало 200 суток. А вся экспедиция рассчитана на 460 суток. В последние дни удивительного эксперимента Земля и Марс с кружащими вокруг него аппаратами будут находиться на противоположных сторонах от Солнца. Это даст возможность поставить еще один редкий эксперимент по наблюдению центров солнечной активности на невидимой стороне светила и их сопоставление с видимыми.

Второе приглашение к полету

В то же время, когда со знаменитого космодрома Байконур отправятся к Фобосу две космические станции, стартует еще одна экспедиция — экспедиция «Пионера». Причем примерно в том же направлении.

ВНИМАНИЕ!

В ИЮНЕ СЕГО ГОДА СО СТРАНИЦ ЖУРНАЛА «ПИОНЕР» БУДЕТ ДАН СТАРТ ПЕРВОМУ В МИРЕ «ПИОНЕР»СКОМУ ПУТЕШЕСТВИЮ К ПЛАНЕТЕ МАРС!

К СТАРТУ ДОПУСКАЮТСЯ ВСЕ ЖЕЛАЮЩИЕ, ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ПОДПИСАВШИЕСЯ НА ЖУРНАЛ «ПИОНЕР».

РАСЧЕТНОЕ ВРЕМЯ В ПУТИ — 18 МЕСЯЦЕВ.

В ПУТЕШЕСТВИИ МОГУТ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ ЭКИПАЖИ И ОТДЕЛЬНЫЕ КОСМОНАВТЫ.

ПОДГОТОВКА В БАРО-СУРДОКАМЕРАХ НЕОБЯЗАТЕЛЬНА.

ОБ УСЛОВИЯХ ПОЛЕТА БУДЕТ ОБЪЯВЛЕНО ОСОБО!

*СООБЩЕНИЕ О НАЧАЛЕ ЭКСПЕДИЦИИ **«ПИОНЕР» — МАРС** ЖДИТЕ В ИЮНЬСКОМ НОМЕРЕ ЖУРНАЛА!*

Выходит с 15 марта 1924 г.



ПИОНЕР

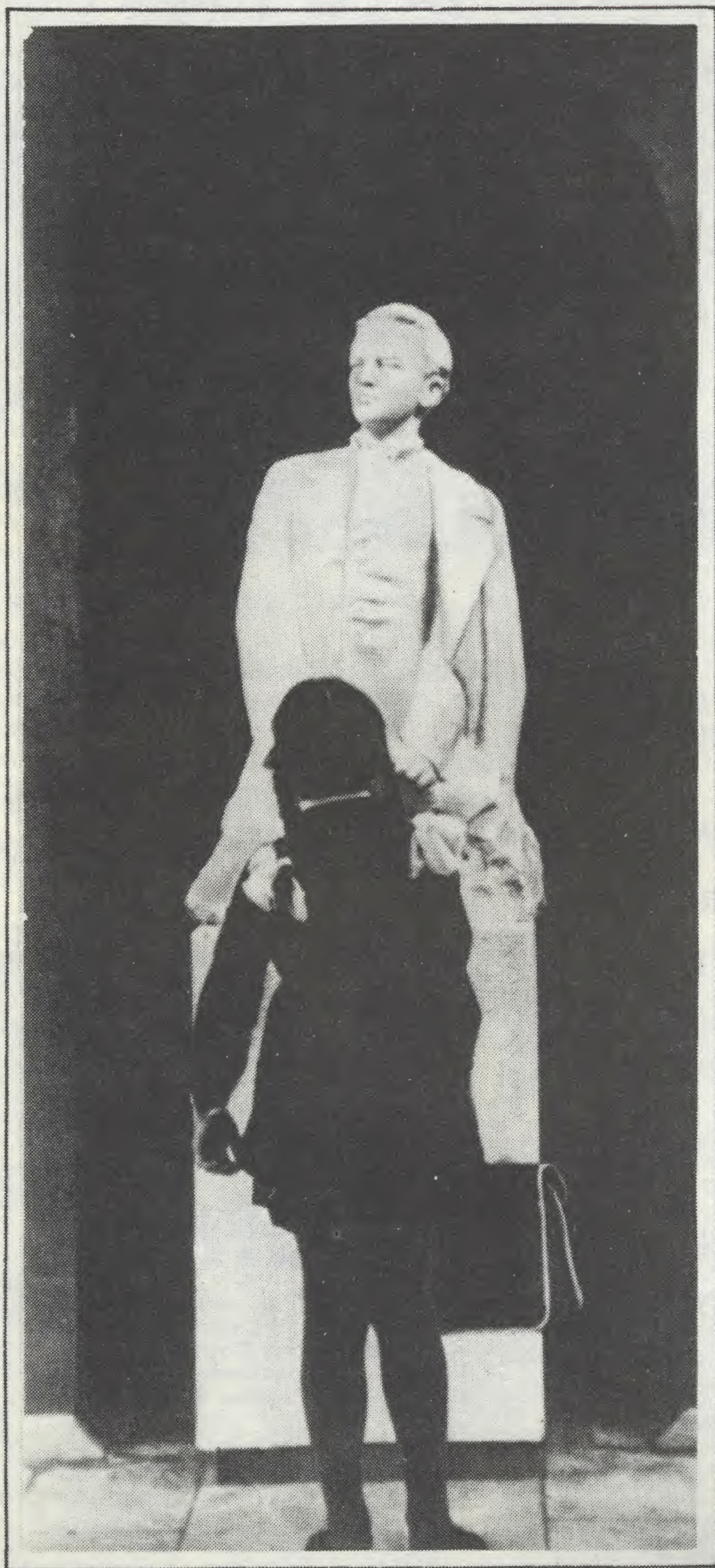
Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

АПРЕЛЬ 4

Москва, 1988 г. • Издательство «Правда»

Егор ЯКОВЛЕВ

ДЕНЬ И ЖИЗНЬ



...Поднялись на столе, выстроились в ряд двенадцать томов, и в них закладки. Стоят прочно: страниц шестьсот — семьсот в каждом. «Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника 1870—1924» — здесь день за днем, час за часом, а порой минута за минутой собрано все, что известно о жизни Владимира Ильича: о каждом принятом решении и совершенном поступке, о каждой написанной им строке и прочитанной книге, о состоявшихся встречах, заседаниях, выступлениях. Уникальное издание, вобравшее в себя труды не одного поколения советских ученых.

А закладки в томах оттого, что стараюсь взглянуть сквозь годы — каким был апрель в жизни Ленина, что происходило, какими событиями на протяжении десятилетий был заполнен весенний день его рождения. Но почему именно 22 апреля? Можно было бы сосредоточиться и на других датах. Разумеется! Согласитесь, однако, по тому, как из года в год встречает человек свой день рождения, где оказывается и чем занят, можно судить о многом — можно в какой-то мере составить представление и о всей его жизни. Ее предопределяет каждый наш день, а из них — этих дней — и слагается жизни неповторимый путь.

Владимиру Ульянову исполнилось семнадцать, если кто и поздравил его в этот день, то лишь младшие — сестры и брат: старшие — брат и сестра — были в тюрьме, а Мария Александровна хлопотала об их судьбе в Петербурге. Как раз в это время гимназист Ульянов пишет сочинение «Причины благосостояния народной жизни». Просмотрев его, директор Симбирской гимназии Ф. М. Керенский недовольно заметил: «О каких это угнетенных классах вы тут пишете, при чем это тут?»

Кто мог тогда предвидеть, предположить, подумать, поверить, что ровно тридцать лет спустя, тоже весной — но 1917 года — бывший симбирский гимназист Ульянов выступит на I Всероссийском съезде Советов, требуя, чтобы «...власть была всецело и исключительно в руках большинства рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Станет утверждать: «Вся земля должна быть собственностью всего народа». Заявит: «Мы приближаемся быстрыми шагами к тому времени, когда не будет в России никакой власти, кроме власти крестьянских и рабочих выборных». А министр, потом и глава Временного правительства — сын все того же директора Симбирской гимназии — А. Ф. Керенский, выслушав эту речь, лишится чувств. «Кто-то потом рассказывал, что Керенский после этой речи пролежал без сознания три часа»,— писала Крупская.

Восемнадцатилетие встречал в деревеньке под Казанью, в Кокушкине — исключенный из университета, пережив свой первый арест, отбывая свою первую ссылку. Спустя три года — 22 (10) апреля 1891 года, в Петербурге, в малом конференц-зале Академии наук, сдавал экзамен по политической экономии и статистике. Получил за ответ высшую оценку — «весьма удовлетворительно». После исключения из Казанского университета добился разрешения на сдачу экзаменов экстерном по юридическому факультету университета Петербургского. И получил свидетельство о высшем образовании одновременно со своим прежним курсом.

Книга Е. Яковлева «День и жизнь» выйдет в 1988 году в издательстве «Детская литература». Мы публикуем отрывок из этой книги.

Минуло еще пять лет, и свое двадцатишестилетие встретил в одиночной камере Петербургского дома предварительного заключения: писал первомайскую листовку. Вспомнит ли об этом двадцать три года спустя, когда в свой день рождения в 1919 году, в Кремле, в своем кабинете, просматривал проект лозунгов к первомайским праздникам? «Под красное советское знамя, против черного знамени Колчака, генералов, капиталистов, помещиков!.. Рабочий не хочет командовать мужиком: он хочет помочь мужику и получить от него помощь». Пометил на полях — «Я за».

О многом свидетельствуют эти апрельские дни в жизни Владимира Ильича. И все-таки иной, возможно, заметит совпадение. Ну что же, историю они никогда не смущали. Она позволяла себе такие совпадения, на которые не решится и самый отчаянный фантазер: подумает, что непременно упрекнут его в выдумке — так, мол, в жизни не бывает. Историю же попреками не остановишь.

...Дни рождения свои, скорей всего, не праздновал, не было к тому возможности и не вошло в привычку. Исключение и, надо сказать, против воли Владимира Ильича, было сделано в двадцатом году, когда ему исполнилось пятьдесят. Напомним еще раз заголовок через всю страницу, под которым вышла в тот день газета «Известия ВЦИК»: «50 лет назад, в 1870 году, за год до Парижской коммуны родился великий мститель за священную кровь коммунаров — Ленин». Ниже публиковалась заметка: «Редакция «Известий ВЦИК» в день 50-летия вождя русского и мирового пролетариата Владимира Ильича Ленина вместо приветствия приводит две телеграммы, дающие надежду на быстрое улучшение нашей хозяйственной жизни». Из Петрограда передавали, что в Ревель прибыла первая партия приобретенных в Соединенных Штатах паровозов — «в количестве 200»; Саратов сообщал о нефти, которая стала поступать с грозненских промыслов в Астрахань и Царицын. «Редакция уверена, что эти известия о нефти и паровозах больше всех поздравлений обрадуют дорогого товарища-юбиляра».

Номер газеты смотрелся празднично, и Владимир Ильич прочел его, очевидно, утром в своем кабинете. В дни юбилеев принято оглядывать пережитое. Но было ли тому время? Начался и пошел без остановки рабочий день Председателя Совнаркома. Телеграмма от председателя совнархоза Украины: «Вышлите 500 миллионов рублей для выдачи зарплаты рабочим угольной, металлургической промышленности». Телеграмма в Пермь — принять необходимые меры для вывоза соли с верховьев Камы. Указание председателям губисполкомов Тамбова, Саратова, Самары, Уфы, Челябинска, Казани, Вятки, Пензы, Покровска, Бароякса, Оренбурга, Омска, Екатеринбурга, Воронежа — усилить подвоз продовольствия. Вопрос о снабжении рабочих и служащих почты, телеграфа, радио, телефона — передать всем губпродкомам: снабжать наравне с фабрично-заводскими рабочими. Протокол Малого Совнаркома — на подпись. И постановление Совета Труда и Обороны о войсках внутренней охраны республики — тоже на подпись. В приемной представители Туркестанского фронта. Пожаловали в связи с юбилеем? Нет, пришли с жалобой — они доставили в Москву эшелон хлеба. Тогда придется принять...

«Было решено провести отчисления из пайка красноармейцев, добавить к ним кое-какие «экономии» отдела снабжения и отправить Ильичу ко дню его 50-летия в подарок от имени Туркфронта и гражданских организаций Самары... целый поезд хлеба»,— рассказывал приехавший в Москву с этим составом комиссар И. О. Дик. Добирались с трудом: то горели буксы, а то загорелся паровоз, на одном из перегонов состав потерпел крушение. И все-таки оказались к сроку в Москве.


Охотничий домик в Костино. Теперь это подмосковный г. Калининград. Здесь в 1922 году жил В. И. Ленин.

На первом вагоне был плакат: «Красноармейцы Туркфронта — первому красноармейцу революции В. И. Ленину». Но и это не помогло: представители Наркомпрода и слышать не хотели ни о каком подарке — решили «обезличить» состав, забрать его к себе. С жалобой на такую невиданную несправедливость и пришла делегация Туркестанского фронта к Владимиру Ильичу. Он соединился с Наркомпродом.

— Потрудитесь сами достать хлеб, а не являться на готовый,— сердился Владимир Ильич.— Красноармейцы сделали мне подарок, и я хочу распределить его среди голодных пролетарских детей наших центров, которые особенно страдают

Но и работники Наркомпрода не хотели отступать от своего решения. Наконец сошлись на компромиссе: 10 вагонов хлеба — рабочим торфоразработок, а десять — для детей Москвы, Петрограда, Иваново-Вознесенска.

Быстро прошел день. А с шести вечера Владимир Ильич председательствовал на пленарном заседании СТО — в повестке дня 17 вопросов. Закончилось и началось заседание Совнаркома, снова председательствовал. И уже несколько раз напоминали: очень просят приехать на коммунистический вечер, организованный Московским комитетом партии в честь пятидесятилетия Ленина. Ответил, что не поедет — не хочет слушать никаких речей о себе. Но все равно продолжают настаивать.

«Обширный зал Московского комитета переполнен,— писала газета «Коммунистический труд».— Но Ленина нет и, говорят, не будет: на 8 часов нарочно созвал заседание Совнаркома. Досадно, так хочется его видеть в этот день».

Открыли вечер. Выступил Горький, ради этого

случая он специально приехал в Москву. Говорил о Владимире Ильиче:

— Я думаю, что, сколько бы ни говорить нам о нем красивых слов, нам не изобразить, не очертить то глубокое значение, которое имеет его энергия, его проникновенный ум для всего человечества — не только для нас.

Взял слово Луначарский:

— О своем идеале, о слепой вере в человека, о своей бесконечной любви к человеку Владимир Ильич никогда не говорит и не любит, когда говорят другие. Он считает, что это вещь, которая сама собой понимается, он об этом так мало думает, только иногда в той или иной его речи, в той или другой статье отмечаются слова горячей любви и веры в человека.

Выступили другие ораторы. А Ленина все нет. Объявили перерыв. В буфете на длинных плоских блюдах — бутерброды, а в граненых стаканах чай — его пили с леденцами.

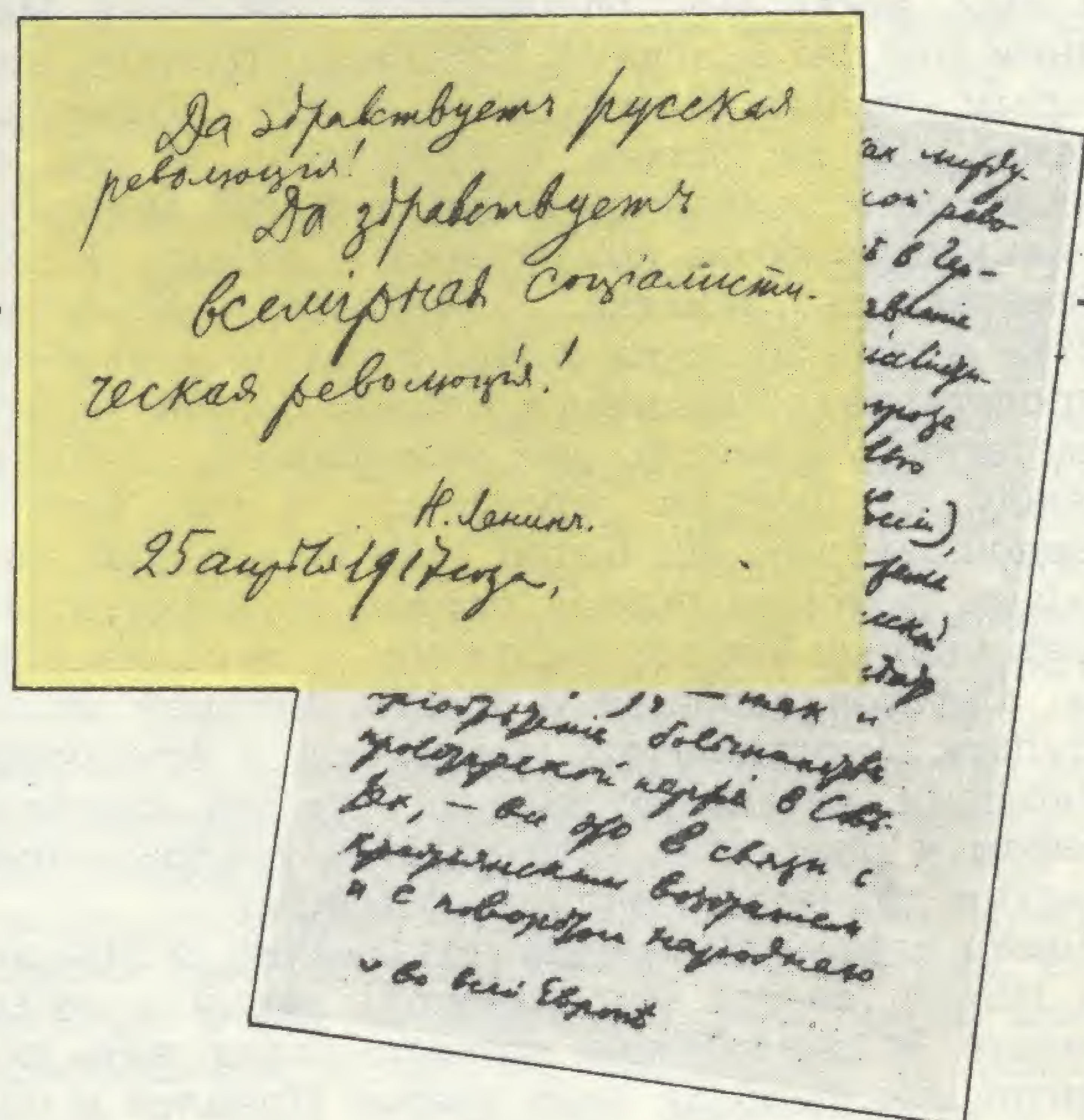
Снова звонили Владимиру Ильичу, вновь просили приехать. Он опять повторил, что никаких речей о себе не желает слушать. «...но когда я ему заявил,— вспоминал председательствующий на этом вечере старый большевик А. Ф. Мясников,— что мы приглашаем его на концертное отделение, на котором будут присутствовать его любимые артисты — Шор, Крейн и другие, он тогда рассмеялся, согласился и вскоре был у здания Московского комитета. Мы гурьбой вышли ему навстречу, окружили его и привели на сцену, а масса собравшихся, неожиданно увидев товарища Ленина,— неожиданно, ибо знала, что он не придет на свое «чествование»,— устроила ему самую теплую, дружескую бурную овацию и заставила сказать несколько слов...»

— Товарищи! Я прежде всего, естественно, должен поблагодарить вас за две вещи: во-первых, за те приветствия, которые сегодня по моему адресу были направлены, а во-вторых, еще больше за то, что меня избавили от выслушивания юбилейных речей. Я думаю, что, может быть, таким образом мы постепенно, не сразу, конечно, создадим более подходящий способ для юбилея, чем тот, который практиковался до сих пор...

Произнес лишь несколько слов, исключив саму возможность юбилейного многословия. И следом, не затрудняя себя подыскиванием какого-либо перехода, заговорил о другом:

— Затем мне хотелось несколько слов сказать по поводу теперешнего положения большевистской партии...

...Ленинская скромность. Тема эта — одна из ведущих в воспоминаниях современников, в про-


Да здравствует русская революція!
Да здравствует всемирная соціалистическая революція!
Н. Ленинъ.
25 апреля 1917 года.

изведениях публицистики и художественной литературы, во всей, почти необозримой ныне, Лениниане.

Само собой разумеется, скромность находит выражение в любом проявлении личности, в каждом поступке человека. И все-таки, стараясь прежде всего отдать дань скромности Владимира Ильича, не заслоняем ли мы порой другие, не менее важные особенности его характера?

По первому требованию часового Ленин предъявляет пропуск. Объявляет строгий выговор управляющему делами Совнаркома за самовольное повышение заработной платы Председателю Совнаркома — ему, Ленину. Поразительный документ, не грех и повторить.

«23 мая 1918 г. ...

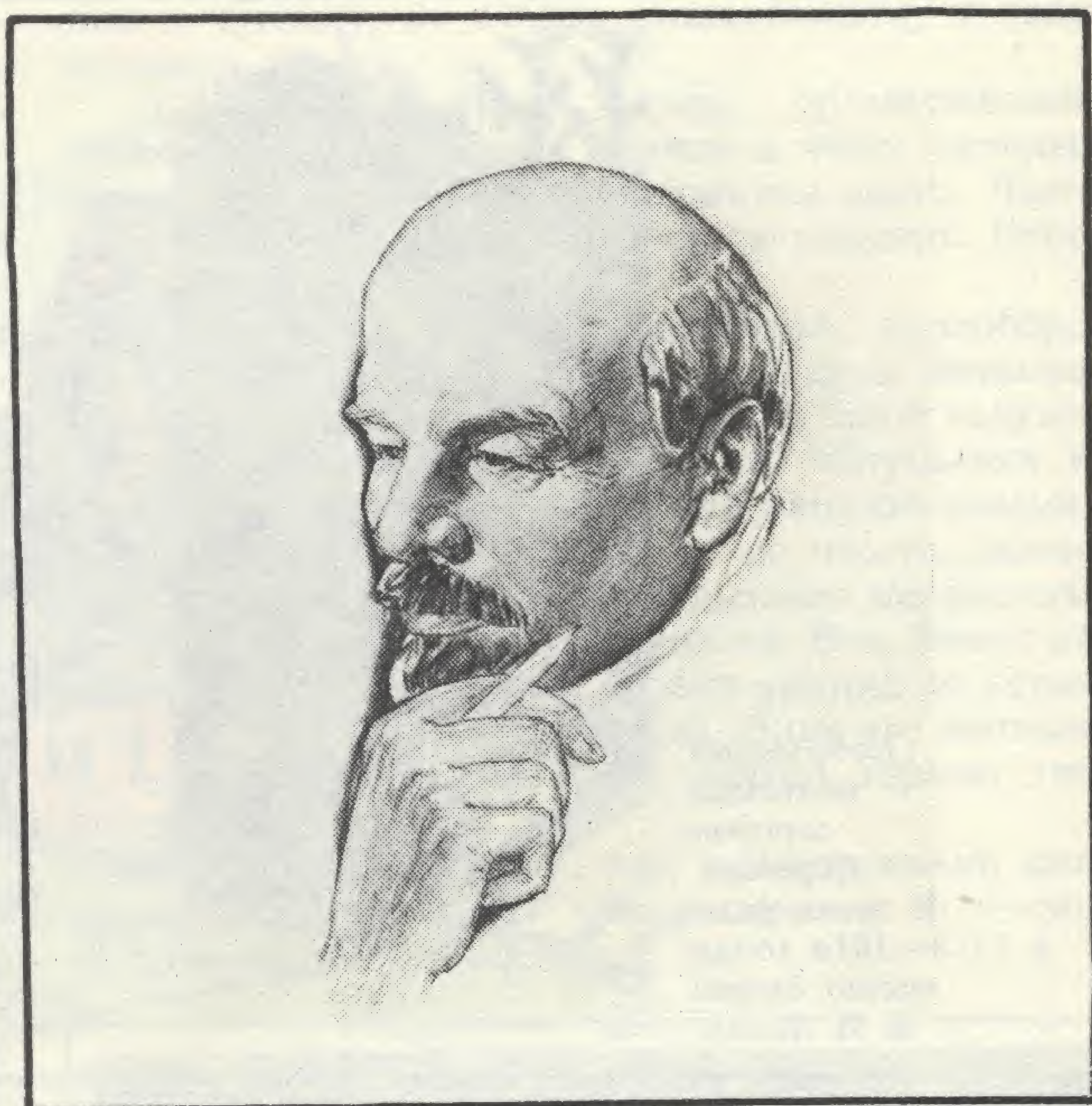
Ввиду невыполнения Вами настоятельного моего требования указать мне основания для повышения мне жалованья с 1 марта 1918 г. с 500 до 800 руб. в месяц и ввиду явной беззаконности этого повышения, произведенного Вами самочинно по соглашению с секретарем Совета Николаем Петровичем Горбуновым... объявляю Вам строгий выговор».

Примеров — множество. Но как осмыслить их? Привычно говорим — скромность. Скромность? А не выдаем ли мы самих себя при этом, полагая, что вопреки нравственным законам нашей партии коммунист может достичь такого служебного положения, при котором принятые для всех установления ему не обязательны, а соблюдение их — свидетельство скромности. В основе эпизодов, о которых шла речь,— суровая, чрезвычайно жесткая требовательность Ленина к неукоснительному исполнению существующих законов и порядков, глубочайшая убежденность, что закон остается таковым до тех пор, пока он обязателен для всех. Эта убежденность обострялась временем — широким разливом революционного законотворчества. Тем важнее было строго соблюдать то, что установленное вчера и сегодня должно войти в силу.

Но и закончив это отступление, не хочется ставить точку. Надо осмыслить истоки ленинской скромности, соотнести ее со всей жизнью, всем обликом Владимира Ильича. Мне кажется это необходимым, поскольку черты характера не существуют сами по себе, вне связи с другими. И, увлекаясь одной из них, выделяя и абсолютизируя ее, мы нарушаем живую ткань целого. И то, что было естественным, вдруг становится труднообъяснимым. Как осмыслить и оценить ту же скромность, не зная, чем порождена она? Кто-то, например, скромно довольствуется тем, что имеет, не представляя иного существования и потому не испытывая в нем потребности. Существует скромность по расчету: когда-нибудь да воздастся за нее.

Вот как пишет о скромности Владимира Ильича американский журналист Альберт Рис Вильямс: «Своей личной жизнью Ленин показывал пример той железной дисциплины, которую вводил в общественную жизнь...

Я жил в гостинице «Националь», когда Ленин поселился там в комнате на втором этаже. Новый, советский режим прежде всего отменил здесь изысканные и дорогие блюда... Можно было получить либо суп и мясо, либо суп и кашу. Это все, что мог иметь любой, будь он народным комиссаром или чернорабочим, иными словами, в полном соответствии с требованием: «Ни один не должен есть пирожных, пока все не получат хлеба». Но бывали



дни, когда людям не хватало даже хлеба. И все же Ленин получал ровно столько, сколько получал каждый. Временами наступали дни, когда хлеба совсем не было. В эти дни не получал хлеба и он...»

Скромность образа жизни находила естественное продолжение в скромности политической, в безукоризненно скромном отношении Ленина к себе, к партии, им созданной, к победам, ею одержанным. В беседе с одним из старейших большевиков, М. С. Ольминским, Ленин заметил: «Вы не можете представить себе, до какой степени неприятно мне постоянное выдвигание моей личности». В этих словах — одно из многочисленных подтверждений той исключительной взыскательности, с которой относился Владимир Ильич к упоминанию своего имени, к оценкам своей роли в судьбах революции, делах партии и государства.

«...Ни на заседаниях, собраниях, съездах, ни в печати Ленин не допускал какого бы то ни было восхваления, возвеличивания его личности и его заслуг, восставал против чуждого марксистам культа личности и всегда искренне негодовал по малейшему для этого поводу...— писал А. А. Андреев.— Люди, которые с ним работали, боялись допустить в отношениях к Ленину что-либо похожее на восхваление, ибо немедленно получили бы от него отпор».

Итак, против «выдвигания» своей личности выступал с негодованием человек, который возглавил Великую Октябрьскую социалистическую революцию и дал глубочайший анализ ее всемирно-исторического значения. Реалист из реалистов, трезвый политик — и уже потому не отягощенный ложной скромностью, когда, слушая похвалы в свой адрес, без конца повторяют: «Ах, что вы, ах, я и подумать такого о себе не мог...»

«Владимир Ильич прекрасно знал себе цену и понимал свое значение,— писала М. И. Ульянова,— и простота и скромность, отличавшие его, были не признаком недооценки им этого значения и не преуменьшением своей роли, а проявлением подлинно высокой, гениальной культуры». И именно в силу этой культуры Ленин не терпел, когда говорили то, что произносить вслух не следует,— например, похвалы в его адрес...

Революционеры-профессионалы, десятилетия-



Небольшой польский городок Поронин. В этом доме в 1913—1914 годах часто бывал В. И. Ленин.

ми испытывавшие одиночество ссылки и эмиграции, для кого цели борьбы никогда не шли в сравнение с собственным благополучием,— этих людей с победой революции ждали немалые нравственные испытания. Они мгновенно стали властителями дум и жизней, были подняты на руки в переносном, а очень часто в прямом смысле слова.

О чувствах, которые испытывал Ленин, оказываясь в подобных ситуациях, как переживал их, знали, скорей всего, лишь близкие Владимира Ильича. Например, Мария Ильинична — младшая сестра, живущая вместе с Ульяновыми в их кремлевской квартире. Лишь два эпизода, откомментированные ею.

Сын старого большевика Кедрова, впоследствии известный ученый Б. М. Кедров, 1 мая 1918 года был на Красной площади, слушал выступление Владимира Ильича. Кедров видел, как Ленин спустился с трибуны, сел в машину, где его ждали Надежда Константиновна и Мария Ильинична. Машина уже тронулась было, как возник неизвестно откуда худющий молодой человек. Подбежал к автомобилю, вскочил на подножку и принялся кричать. Владимир Ильич пытался в чем-то урезонить молодого человека. Но тот продолжал кричать, размахивая фуражкой. Тогда Ленин положил ему руки на плечи, очевидно, чуть нажал, и молодой человек соскользнул с подножки. Машина сразу же уехала... На другой день Кедров — он работал в «Правде» секретарем Марии Ильиничны — спросил: что же происходило на площади? «Там был какой-то ненормальный,— ответила Ульянова.— Вы знаете, что он придумал? Вскочил на подножку и приказывал шоферу: «Поезжайте, а я буду кричать: «Да здравствует вождь мировой революции!» Посудите сами, кто, как не сумасшедший, мог вообразить такое».

И другой случай, который произошел двумя годами позже в Большом театре на концерте Ф. И. Шаляпина. Свидетельницей его была писательница Софья Виноградская. Свет в зале уже погас, концерт едва не начался, когда в шестом ряду партера кресло занял Владимир Ильич. И все пришло в движение, по залу понеслось: «Ленин в театре!» Шаляпин уже выходил на сцену. «И вдруг ... отступил, стремительно подался назад, словно его отбросило ударом. Это звуковая волна: «Ле-е-ени-и-нин» — достигла певца». И в тот же миг кресло в шестом ряду оказалось пустым. Ленин уходил из зала, наклонив голову, подняв плечи. А вслед ему несся «подлинный ураган приветствий, аплодисментов, оваций, криков восторга... любви»,— пишет Виноградская. Следующим утром она была в редакции «Правды» и разговорилась с Ульяновой. Мария Ильинична была расстроена тем, что произошло в Большом театре:

— Ильич вернулся домой взбешенный. «Наша публика,— сказал он,— совершенно не умеет вести себя в концерте. Идут слушать Шаляпина, а устраивают овацию Ленину... Это неуважение к артисту!»

Пишу — и все ощутимей чувство неловкости, все больше связан опасениями: не произнести бы лишнее слово, не написать бы неуместную фразу. И все потому, что веду речь о том, что не совпадает для кого-то с твердо сложившимися представлениями: Ленин всякий раз, именно всякий раз, решительно выступал против любой попытки выделить его из числа других революционеров и всегда добивался своего. А если есть факты, которые требуют дальнейших размышлений,— так просто не втиснешь в утвердившийся образ мыслей? Порой мы стараемся не акцентировать на них внимание, словно бы опасаемся набросить тень на прошлое. А значит, и подразумеваем тем самым: такое может произойти. На самом же деле мы сами возвели свои представления о скромности Владимира Ильича в абсолют, не оставив места для полутонов, не считаясь с условиями жизни, особенностями времени, уровнем сознания общества. Ленин между тем никогда бы не позволил себе отринуть настроение массы, не обращать внимания на чувства людей: об этих чувствах надо не только знать — с ними приходится считаться.

Нас восхищает, когда глава государства, человек, пользующийся огромной любовью, всегда и гневно прерывает любые оды в свою честь. Но посмотрим на это же чуть иными глазами: руководитель, получивший признание народного вождя в стране, где еще недавно безраздельно господствовало самодержавие,— может ли этот руководитель всегда и при всяком упоминании своего имени

Рисунки А. ЗУБОВА.

возмущаться, протестовать, гневаться? Не обернется ли это все тем же повышенным и исключительным вниманием к своей личности, все тем же диктатом по отношению к тому, как следует упоминать о твоей фигуре, а как не дозволено? Можно требовать, скажем, чтобы всякое упоминание о тебе писалось непременно с большой буквы,— и это, всем ясно, будет насилием над людьми и грамматикой. А если добиваться прямо противоположного, к тому же еще наказывая в случае ошибок,— всегда и все должны упоминать о тебе лишь с маленькой буквы? Разве это не одно и то же, разве людям и грамматике от этого будет легче?

Сегодня мы не спеша анализируем, спокойно судим о том, что когда-то требовало большого такта, реальности взгляда да и просто добросердечия. Как часто, например, прибегал Владимир Ильич к шутке, стараясь с ее помощью необидно для других передать то, что думал.

Приходит, например, на имя Ленина письмо от ткачей, а с ним и подарок — отрез сукна. В письме же говорится: «Дорогой наш Ильич! К пятой годовщине пролетарской революции мы, рабочие Стодольской суконной фабрики, решили назвать нашу фабрику твоим именем. По этому случаю мы посылаем тебе к празднику наше сердечное поздравление и скромный подарок нашей выработки...».

Владимир Ильич писал в ответ: «Дорогие товарищи! Сердечно благодарю вас за приветствие и подарок. По секрету скажу, что подарков посылать мне не следует. Прошу очень об этой секретной просьбе пошире рассказать всем рабочим».

И совсем другим тоном, в иных выражениях говорил Владимир Ильич с теми людьми, которые были призваны утверждать правильные взгляды на роль личности в истории, а между тем употребляли свои знания и способности на сохранение неверных представлений.

В 1920 году Ленин резко осудил публикацию статьи Горького «Владимир Ильич Ленин» в журнале «Коммунистический Интернационал». Очерк Горького, проникнутый чувством искренней любви к Ленину, был в то же время написан с позиций культа личности, содержал идеалистические, по сути, оценки роли Ленина, русского народа, характера революции в России. И Ленин сам пишет проект постановления Политбюро ЦК РКП(б), предлагает признать крайне неуместным выступление Горького, «ибо в этих статьях не только нет ничего коммунистического, но много антикоммунистического».

А почему, собственно говоря, я так тщательно перебираю факты, стараясь лишний раз убедиться сам и доказать другим, что при жизни Ленина вокруг его имени не существовало обстановки исключительности? Наверное, потому, что привычна мысль: исключительность в упоминании имени ведет к исключительности положения в партии, государстве. Но для Ленина такой взаимосвязи не существовало. Для нас служат примером принятые им нормы в работе, в обсуждении решений, в общении с людьми.

Это — равная и неукоснительная обязательность для всех государственных и партийных установлений.

Это — постоянная и непременная коллегиальность, потому что голосовать без коллегиального обмена мнениями, по замечанию Ленина, дико, пошло и вредно.

Это — доброжелательное, непредвзятое отношение к чужому, не всегда совпадающему с твоим, мнению.

...Коммунистический вечер, организованный Московским комитетом партии в честь пятидесятилетия В. И. Ленина, продолжался долго. Выступил Владимир Ильич. И начался концерт. Исполнялось трио Чайковского.

Ленин сидел подле музыкантов, вполоборота к залу. Наблюдавшая за ним Софья Виноградская рассказывала: «Глаза Ленина были задумчиво-сосредоточенными, словно он обдумывал какую-то мысль. Потом они стали напряженными — казалось, Ленин вслушивается во что-то, пытается разобрать невнятное, расслышать неслышимое в разговоре смычков и клавишей. Вот Ленин разнял обе руки и закинул, словно уронил от усталости, одну руку за спинку стула. Лицо его постепенно становилось спокойным, черты теряли твердость».

Так закончился день, тот, единственный, когда праздновался юбилей главы первого Советского правительства...



Знаменитые подмосковные Горки. Владимир Ильич гуляет с племянником Виктором. 1922 г.



Грише ЕМЕЛЬЯНОВУ 9 лет, учится он в 4-м классе; Гриша из Подмосковья, живет в поселке Биокомбинат Щелковского района.

Буря

Тучи черные сошлись.
Молния! Молния!
С дерева слетает лист,
Все водой наполнено!

Воет ветер в небесах,
Гнет березкам спинки,
Как слезинки, на кустах
Звонкие дождинки.

Вырвет ураган дубы
Бросит на дорогу.
Огородные бобы
Подняли тревогу.

Сильный ветер напролом
Пролетел через кусты,
И сорвал одним рывком
Он со всех кустов листы.

Дождь

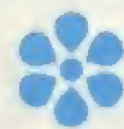
Подгоняем ветром, дождь певучий
Вдруг на землю с высоты упал.
Я в дождливый день стоял над кручей,
Дождь меня прохладой поливал.
И когда срывал я веточку сирени,
Бубенцами звонкими звеня,
Дождевые утренние капли
С верхних веток пали на меня.
И, холодным душем закаленный,
В этом ливне я не чувствовал себя,
И назвался я, потоком упоенный:
«Ясный Сокол, Вольный Ястреб, Сын Дождя».

Тимуру ДЖАЛИЛОВУ 12 лет, он москвич, учится в школе № 1130, в 6-м классе «А».

* * *

Жизнь — вопрос очень сложный.
Кто поймет — отчего, почему?
Жизнь — вопрос очень сложный,
Не понять мне его одному,
Но я знаю, что мира судьбу
Не решить одному никому.

Я походную сумку на плечи накину
И в далекие горы уйду,
Там расскажет мне ветер
Про жизни кручину
И зачем я на свете живу.



«Ю. А. ГАГАРИН»,
Володя НИКИТИН, 14 лет.





«ПЕТУШИНЫЙ БОЙ»,
Вася КАСЬЯНОВ, 13 лет.

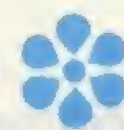
Можно рисовать так: точка, точка, два крючочка... Это умеет каждый. А можно — по-другому. По-настоящему. С игрой света и тени, с композицией, с перспективой... Такое рисование получается далеко не у всех. То линия вкривь пойдет, то вместо лошади корова получится... В общем, нелегкое это дело — рисовать...

У ребят из кружка декоративно-прикладного творчества московского Дома культуры «Высотник» работа еще труднее. Потому что сначала им приходится задуманный сюжет аккуратно и точно изображать на бумаге, а потом не менее аккуратно и точно переносить на металл, чтобы получить чеканку. Тут уже неверную линию ластиком не сотрешь...

У чеканщиков мастерство должно быть помножено на терпение и усидчивость. Ну, мастерству руководитель кружка А. С. Буданов приходящих ребят берется научить. И учит. А вот остальное... Остальное зависит от самого начинающего чеканщика. От его упорства. От его целеустремленности. И, конечно же, от его таланта... Но если все эти свойства налицо, их обладателя ждет удача. А всех нас — встреча с такими чеканками, которые вы сейчас видите.



«ОХОТНИК»,
Женя ХЛУДОВ, 13 лет.



Дима ДУДКИН учится в 6-м классе московской школы № 353 имени А. С. Пушкина и занимается в кружке сценаристов Московского городского Дворца пионеров и школьников.

Весна на астероиде

СКАЗКА

Началась весна на планете Гизбун. Вернее, это была не планета, а астероид. Жило на нем небольшое существо, похожее на блоху. Утром оно встало, точнее, выползло из-под земли, и воскликнуло: «Хоромбул! Хоромбул!», что на языке планеты Гизбун означало: «Весна! Весна!»

Существо подставило лестницу к розовой тучке и несколько раз облетело свой астероид. Когда оно вернулось к дому, оно воскликнуло: «Хору ви баймагуниум!», что на языке планеты Гизбун означало: «Как она прекрасна!»

Существо всегда ждало весны, хотя она и бывала на его планете каждый день. Ведь каждое время года занимало здесь шесть часов. Существо ложилось спать и знало, что, когда оно проснется, снова будет весна, и оно снова воскликнет: «Как она прекрасна!»

Сергей АЛЕКСЕЕВ

РАССКАЗЫ О ЛЕНИНЕ

Рисунки В. МОЧАЛОВА.

Про дрова и печку

Владимир Ильич не любил сильно натопленных помещений. Работая в своем кабинете, он просил секретарей следить за тем, чтобы температура не поднималась выше 14 градусов.

Точно следили за термометром секретари. Чуть побежит ртутный столбик вверх, тут же приоткрывали печную заслонку.

Хорошо работалось Ленину при умеренной температуре.

— Появляется дополнительный стимул. Злость к работе,— говорил Владимир Ильич.

Зайдет порой в кабинет Ленина посетитель. Поеживается. Прохладно ему при такой температуре.

Заметит Ленин:

— Потерпите, батенька, потерпите.

Был как-то на приеме у Владимира Ильича крестьянин Иванов. Приехал он из Владимирской губернии, из Судогодского уезда.

— Владимирский я, Судогодский, из Милиновской волости,— представился Иванов.

Были у Иванова к Владимиру Ильичу вопросы по крестьянским делам.

Доволен остался Иванов встречей с товарищем Лениным. Простился. Уехал.

— Передайте от меня привет товарищам крестьянам,— сказал, расставаясь, Ленин.

Вернулся Иванов в свою Милиновскую волость. Передал крестьянам привет от Ленина. А потом рассказал о ленинском кабинете.

— Мерзнет Владимир Ильич,— сказал Иванов.— Работает в плохо отопленной комнате. Трудно, видать, у них, городских, с дровами.

— Да, не наши места,— откликнулся кто-то,— лесные, владимирские.

Известие о том, что Ленин работает в холодной комнате, поразило крестьян.

— Как так в нетопленой!

— Почему не следят?!

И вдруг:

— А не послать ли нам товарищу Ленину дров?!

— Послать!

— Послать!

— Конечно, послать!

— Сами напилим!

— Сами наколем!

— Выбирай лишь одних березовых!

Кто-то сказал:

— Может, печка у них плохая?

И вновь голоса крестьянские:

— Может, и печка.

— Конечно, печка!

— Извелись на Москве печники хорошие.

— Нашего бы. Дядю Федю к нему послать!

Обсудили вопрос крестьяне. Кто-то посоветовал предложения оформить решением Милиновского волостного исполкома. Оформили.

Вот оно: «Послать Ленину вагон дров на средства исполкома, а в случае надобности поставить железную печь руками своего кузнеца».

Необычное постановление. Деловое. Сердечное.



Казенное имущество

Нарком продовольствия Александр Дмитриевич Цюрупа получил от Владимира Ильича Ленина записку. Развернул Цюрупа записку. Читает: «...Вы становитесь совершенно невозможны в обращении с казенным имуществом».

Покраснел Цюрупа — записка суровая.

Вспоминает Цюрупа, какие грехи на совести. В чем виноват. Что могло вызвать такое неудовольствие Ленина. Перебирает в памяти всевозможные случаи.

Где-то под Казанью на Волге затонула баржа, шедшая за зерном. Видимо, это имеет в виду Владимир Ильич. Так ведь речники уже наказаны. Баржа поднята. И так ли уж здесь велика вина самого Цюрупы?

Где-то под станцией Ртищево был совершен бандитский налет на продовольственный поезд. Были угнаны и взломаны два вагона. Факт безобразный. Факт возмутительный. Так ведь органы ВЧК разыскали грабителей. Похищенное возвращено. Вагоны отремонтированы. За что же ругать Цюрупу?

Вспоминает Цюрупа и совсем недавний слу-

чай. Где-то на юге страны вспыхнул пожар на продовольственных складах. Случай непредвиденный. В одно из строений ударила молния. К счастью, строение оказалось пустым. Продовольственных потерь не произошло.

Конечно, и баржа, и вагоны, и здание склада — все это государственное казенное имущество. Конечно, беречь и охранять государственную собственность надо. И все же — так ли уж во всем виноват Цюрупа? Почему столь сурова записка Ленина? Цюрупа вновь начинает ее читать: «... Вы становитесь совершенно («Совершенно»!» — повторяет про себя Цюрупа) невозможны в обращении с казенным имуществом».

У Цюрупы мелькнула мысль: возможно, кто-то в неправильном или преувеличенном виде обо всем рассказал Ленину. Решил он объясниться с Владимиром Ильичем.

Принял Владимир Ильич Цюрупу.

Заговорил Цюрупа про баржу. Мол, действительно затонула. Мол, был, к сожалению, такой случай. Но теперь уже баржу подняли.

Слушает Ленин.

Заговорил Цюрупа про бандитский налет на железной дороге. Но ведь грабители схвачены. Вагоны возвращены.

Слушает Ленин.

Заговорил Цюрупа про пожар, про молнию.

— Все, все,— прервал Цюрупу Владимир Ильич.— Все! Срочно на капитальный ремонт!

Посмотрел теперь Цюрупа внимательно на Владимира Ильича. Кого на капитальный ремонт? Баржу? Вагоны? Здание склада?

— Вас на капитальный ремонт,— рассмеялся Ленин.

Оказывается, когда Владимир Ильич написал Цюрупе записку с упоминанием о казенном имуществе, то под словами «казенное имущество» он имел в виду самого Цюрупу или, точнее, состояние его здоровья.

Нарком продовольствия Цюрупа был одним из самых самоотверженных работников молодого Советского государства. Врачи не раз предупреждали о необходимости длительного лечения и отдыха для Цюрупы.



Цюрупа игнорировал эти предупреждения.

Владимиру Ильичу пришлось вмешаться:

— На капитальный ремонт вас. На капитальный ремонт. И никаких возражений!

Настоял Ленин.

Отправился Цюрупа на лечение, на капитальный ремонт. Ехал в вагоне. Незаметно для других то до своей головы дотронется, то руки, то грудь потрогает. Усмехался Цюрупа:

— Казенное имущество.

Музыкальная студия

Было это в Петрограде в первые месяцы после Великой Октябрьской революции.

Размечтались путиловские рабочие. Решили при заводе организовать детскую музыкальную студию.

Появились энтузиасты.

— Верно. Пусть музыке дети учатся. Развивают свои способности.

— Не одним буржуйским детям играть на роялях и скрипочках.

Стали детей записывать:

— Машу мою не забудьте.

— Пиши Петю Куклина.

— Пиши Федю Дуклина.

— Клаву и Саню пиши Сорокиных.

Нашелся музыкальный педагог — Михаил Александрович Плотников.

Необходимо было помещение.

Рояль.

Струнные инструменты.

Обратились в районный Совет. За музыкальную студию районный Совет.

Обратились в отдел народного образования. «За» — отдел народного образования.

Однако тут же:

— Время тяжелое.

— С топливом плохо.

— Придется годик-другой подождать.

Огорчен был Плотников. Огорчены путиловцы. Нашелся среди рабочих-путиловцев слесарь Фомин. Человек он решительный. Говорит Плотникову:

— Пойдем, Михаил Александрович, в Смольный, к товарищу Ленину.

— Не примет.

— Примет. Примет,— уверяет Фомин.— Мы же по рабочему делу.

Собрались. Поехали. Разыскали приемную Ленина.

— По какому вопросу? — спросил секретарь.

— По рабочему делу,— сказал Фомин.

— По какому? — переспросил секретарь.

— По рабочему делу,— вновь повторил Фомин.

Говорил он, видимо, громко. Услышал Владимир Ильич голоса в приемной. Приоткрыл дверь. Узнал, что пришли путиловцы.

— Проходите, товарищи, проходите.

Прошли Фомин и Плотников в ленинский кабинет. Смотрят — они не одни. Еще какие-то люди на приеме у Ленина.

— Путиловцы,— представил путиловцев Ленин. Обратился к Фомину и Плотникову: — Чем могу вам служить?

Рассказали они быстро свою историю.

— Студию организовать. Музыкальную? — переспросил Ленин.

— Музыкальную. Детскую.

— Это же прекрасно,— проговорил Ленин. Повернулся Владимир Ильич к тем, кто находился в комнате: — Вы слышите, что путиловцы хотят? Они хотят создать свою трудовую интеллигенцию, а им говорят: «Подождите!» Нет, нет. Никаких промедлений. Студию надо немедленно организовать.

Снял Владимир Ильич телефонную трубку. Позвонил в районный Совет, позвонил в отдел народного образования.

Нашлось для студии помещение, нашлись инструменты и все остальное.

Узнал секретарь, по какому вопросу приходили к Владимиру Ильичу путиловцы. Покачал головой.

— Слукавили они, Владимир Ильич. Ведь сказали, что по рабочему делу.

Посмотрел Владимир Ильич на секретаря.

— Нет, нет — верно сказали, как раз очень верно сказали путиловцы,— ответил Ленин.— Забота о будущем, забота о детях — прямое рабочее дело.

Возникла при Путиловском заводе музыкальная студия. Разрослась она вскоре. Прошли годы. Стала она первой детской музыкальной студией Ленинграда.

Борис УКАЧИН,
лауреат премии Ленинского комсомола Алтая

Заодно с большинством человечества...

Заодно с большинством человечества
Эту землю я мерю пешком.
Заодно с меньшинством человечества
Иногда разъезжаю верхом.

Заодно с большинством человечества
Жизнь люблю: землю, солнце, траву.
Заодно с меньшинством человечества
Я в горах поднебесных живу.

Заодно с большинством человечества
На детей своих нежно гляжу.
Заодно с меньшинством человечества
Не голодным, а сытым хожу.

Заодно с большинством человечества
Я надеждой живу и дышу.
Заодно с меньшинством человечества
Я стихами про это пишу.

Здесь мой дом, и семья, и Отечество.
И долины, и горы в снегу...
Заодно с большинством человечества
Я от гибели мир сберегу!

Перевод с алтайского Ильи Фонякова.

Виктор ВИКТОРОВ

Вечное движение

В лесах дорогу люди проложили,
работая лопатой и киркой.
Дороге надо, чтоб по ней ходили,
дороге вреден отдых и покой.
А сделаешь дорогу недотрогой —
дорога перестанет быть дорогой.

* * *

Мы часто говорим: «Сраженье», «Бой»,—
когда следим за шахматной игрой.
Как мы грешим сравненьями иными...
Игра вничью кончается порой.
А войны
не кончаются
ничьими...



В № 10 нашего журнала за прошлый год в разделе «Юнкоровский пост «РВС» было опубликовано письмо Михаила С. из г. Орла «Пишу не о веселом». Массу откликов вызвало это письмо. И многие наши читатели прислали свои предложения, что бы им хотелось изменить в пионерской организации. Вот выдержки из этих откликов.

*«Я — за кандидатский стаж для будущих пионеров, но третьеклассники еще не подготовлены для этого. В пионеры тогда надо принимать в **шестом** или **пятом** классе».*

Саша Фурман,
ученик 8-го класса,
г. Новосибирск.

«Предлагаю в 3-м классе давать самым лучшим октябрятам звание кандидата в пионерскую организацию, а затем в течение 4-го класса, а может, и 5-го отмечать его стремления к званию пионера. В течение этих лет человек может хорошо продумать, может ли он быть пионером, хочет ли этого и нужна ли ему пионерская организация».

Надя Григорьева,
председатель совета дружины
школы № 20 г. Воткинска,
Удм. АССР.

«Ребята должны сами предлагать, что им хочется провести в дружине. У нас, например, в школе делается так: все пионеры пишут на листочках те пионерские дела, которые им бы хотелось провести. У нас все ребята заинтересованы в делах дружины».

Пионеры II звена 7 «А» класса
средней школы № 17
пос. Николаевки
Хабаровского края.

«Я думаю, каждый вступающий в ряды пионерской организации должен индивидуально рассматриваться (как при приеме в ВЛКСМ), и решать, достоин ли он быть пионером, должны его товарищи, шефы, а не классный руководитель. Хватит принимать «кучей».

Лариса Молоткова,
г. Кировск, Мурманская обл.

Такая же точка зрения в письме Лены Киш, г. Серпухов.

А письмо Дмитрия Курбского нам показалось таким интересным, что мы решили привести его целиком.

«Пионерская организация школьно-классного типа давным-давно дискредитировала себя. Будущее имеют только отряды типа «Каравелла», «Солярис» и им подобные. Иначе пионерская организация так и не получит того, без чего не может существовать ни одна организация: цели своей деятельности.

Предлагаю:

1. Уничтожить привязанность отрядов и дружин к классам и школам, каждая дружина должна иметь определенное направление (например, насколько мне известно, «Каравелла» — парусно-спортивно-фехтовально-юнкоровское объединение), каждый отряд — свою специализацию. Разумеется, отряды исключительно разновозрастные.

2. Сократить число взрослых в советах пионерской организации (вплоть до центрального) до минимума и ограничить их права совещательным голосом. Выборы в советы для пионеров проходят всеобщим тайным голосованием.

Так как многие авторы писем подвергались критике со стороны редакции за то, что они не указали своих имен, сообщаю свои данные:

Курбский Дмитрий Николаевич,
1974 года рождения, ученик 8 «Б» класса средней школы № 72 города Казани. Пионер с 1983 года. Адрес: 420072, г. Казань, ул. Новаторов, д. 9, кв. 49».

Интересные предложения, хотя не все продуманные до конца. Как, например, проследить, стремится кандидат получить звание пионера или нет? И кто будет следить? Старшие пионеры? А хорошо ли они знают жизнь третьеклассников? Вот если бы отряды были разновозрастными, тогда пионерам было бы видно, как работают кандидаты, желающие попасть в их отряд. В «Каравелле», «Солярисе», «Синем крабе», «Пламени» так и есть: прежде чем тебя примут в отряд — надо пройти кандидатский срок.

А как, например, проводить выборы пионеров в советы всеобщим тайным голосованием? Как голосовать за пионера, который живет в другом городе и которого ты не знаешь?

Сложно предложить толковую идею, которую можно было бы тут же воплотить в жизнь. И тем не менее не надо отчаиваться, а надо искать и думать. Ведь пионерская организация — ваша организация, и именно вам решать, что и как в ней менять.

Ждем ваших предложений. На конверте укажите: **«Банк идей».**





ЮНКОРОВСКИЙ ПОСТ

Размышляем,
Вникаем,
Спорим

ПИОНЕРСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

7 апреля — Всемирный день здоровья.

Кто над партой изогнулся,
Кто в тетрадь с утра уткнулся,
Кто по душным коридорам
В школе ходит, как старик,—
Знай: сегодня — день здоровья,
День прыжков, футбола, бега,
Выходи на свежий воздух —
Пусть ты к спорту не привык.
Разогнется спина,
Укрепится рука,
Ленка скажет: «Петров, неужели?».
День здоровья — ура!
Пусть он будет всегда!
А не только седьмого апреля.

12 апреля — День космонавтики.

Информация для тех пионерских отрядов и дружин, кто борется за присвоение или уже носит имя Ю. А. Гагарина: в Оренбурге действует ***школа юных космонавтов имени Ю. А. Гагарина.*** *Ее адрес: г. Оренбург, Высшее военное авиационное краснознаменное училище летчиков имени И. С. Полбина, школа юных космонавтов.*

22 апреля 1870 года РОДИЛСЯ ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН.



ОБЗОР ЮНКОРОВСКИХ ПИСЕМ

Внимание, родители!

В № 8 «Пионера» за прошлый год вы вынесли на «Спор-площадку» важную тему, над которой я задумалась: а ведь и правда, у нас в классе почти все ругаются матом. Почему они так делают? Да чтобы не отстать от других. А этих «других» развелось уже так много! Нужно приучать ребят не бояться быть самим собой, не подражать разным гадостям. И родители тоже должны показывать хороший пример детям, не ругаться матом!

Люба Власова, юнкор журнала «Пионер», г. Маркс, Саратовская область.

Мы поступили правильно

Учусь в седьмом классе и три года была председателем совета отряда. Меня хотели выбрать и на этот год, но я отказалась. Я поняла, что не у всех ребят пользуюсь авторитетом, отряд за мной не идет. В этом году в актив отряда мы выбрали мальчиков, среди которых три друга — они не очень хорошо учатся, зато в отряде заводилы. Учителя, родители не одобрили наш выбор. Но мне кажется, мы поступили правильно. Почувствовав ответственность за отряд, за его дела, эти мальчики будут учиться лучше.

Оля Левшина, г. Жанатас, Казахская ССР.

Как будто курильщики читают «Пионер»!

Мне захотелось откликнуться на письмо Светланы Бабкиной в «Юнкоровский пост «РВС». Письмо мне кажется просто глупым. Потому что у нас курит почти вся школа. Ха, как будто эти курильщики выписывают журнал «Пионер»! Их и «Пионерскую правду» еле-еле заставили выписать.

Марина Самохина, г. Тюмень.

Чем занимаются пионеры, а чем тимуровцы?

Пионерская организация существует для пионеров. И главной ее задачей является воспитание ребят через конкретные полезные для общества дела. А чем занимаются у нас пионеры? Проводят линейки, сборы, праздники, часто неинтересные, а главное, никому не нужные.

А дел для сегодняшних пионеров вокруг много. Стоит только выйти из школы, и сразу бросится в глаза неприглядный вид наших улиц, дворов, скверов. И многим старым людям требуется помощь пионеров.

Я думаю, что нельзя разделять слова «пионер» и «тимуровец». Каждый пионер должен приносить радость окружающим. А что у нас получается? Мы «спихиваем» всю эту работу на небольшую группу ребят, которых называем тимуровцами.

В Краснопресненском районе мы объявили в этом году операцию «Звезда «Тимура». Мы хотим, чтобы все пионеры стали хозяевами своего района. Для этого мы начали создавать разновозрастные отряды в школах, эти отряды проведут рейды по району и начнут работу там, где нужны наши руки.

Лена Петрова, г. Москва.



ВОЗНИК ВОПРОС

В статье «Говорить или делать?» очень правильно написали, что своих прав мы не знаем. И дело не только в том, что нас «зажимают» учителя. У нас в школе — абсурд: права нам дают, а что с ними делать, мы не знаем.

Вот свеженький пример. Выбирали мы на сборе дружины совет дружины. Ну то, что выдвигал кандидатов не отряд, а неизвестно кто (за другие отряды не ручаюсь, но у нас было так), это естественно. Ладно. Вышли эти кандидаты на сцену. И нас спрашивают учителя: «Кто «за»? «Против»? Воздержался?» Большинство «за», несколько воздержавшихся. Я в числе последних. Наш завуч по внешкольной работе спрашивает: «Кто хочет объяснить, почему он воздержался?» Я объясняю, что большинства кандидатов я не знаю, а как я могу выбирать тех, кого я не знаю? Учителя говорят: «Давайте поверим всем на слово».

А потом ребята мне говорят: «Зачем ты выступила, скажи спасибо, что учителя вообще позволили выбирать(?!)».

Таня Луговская, ученица 6 «А», школа № 101, г. Одесса.



ДАЙ СПИСАТЬ, ИВАНОВА! — *Автор Олег ЗИНКОВЕЦКИЙ. Он занимается в фотостудии Харьковского Дворца пионеров имени П. П. Постышева.*



ДВА МНЕНИЯ.— *Автор Сергей САСОВ, 13 лет, занимается в той же студии, что и Олег.*

КОММЕНТИРУЮТ СТАРШИЕ

На письмо Тани Луговской мы попросили ответить вожатого-методиста московской школы № 526 Марата КУТНАЕВА.

Не так уж вам много прав дали, Таня, если кандидатов в совет дружины предлагает неизвестно кто, читай — учителя, если учителя дирижируют на сборе совета дружины.

Расскажу, как выборы в совет дружины проходят у нас.

Кандидатов начинают обсуждать загодя — еще на поверке звеньев. Потом на сборе отряда решают, кого же отряд выдвигает. Причем каждый отряд предлагает столько кандидатов, сколько хочет, сколько есть у них авторитетных ребят. На дружину набирается кандидатов 30—35.

Но ведь этих пионеров знают только в их отрядах, а как сделать, чтобы вся дружина с ними познакомилась?

Каждый отряд готовит о своих кандидатах «боевой листок»: фотография, короткий рассказ о человеке (какой у него характер, за что его уважают в отряде, какие поручения ему доводилось выполнять...). Целый стенд получается из «боевых листков» — «Наши кандидаты в совет дружины».

Но с кандидатом, наверное, и поговорить хочется и вопросы ему задать? Правильно, поэтому перед выборным сбором дружины мы проводим встречи с кандидатами. Пожалуйста, смотри на него, спрашивай, что он предложит совету дружины, если его выберут, и что ему в работе дружины нравится, а что нет. Спрашивай и думай, будешь ты голосовать за этого человека? Совет дружины у нас — не представительство, а орган управления. Поэтому ребятам не все равно, кто будет управлять их дружиной.

А потом на сборе дружины — выборы. Опять каждый отряд четко и кратко представляет своих кандидатов, и голосуем. В счетную комиссию у нас входят старшеклассники из комитета комсомола. В совет дружины проходят 19 кандидатов (так дружина решила), набравших наибольшее количество голосов, лучшие из лучших.

И у нас не с первого раза выборы получились красивыми и четкими, были сначала ребята, тянувшие руки «как все», или которым все равно, за кого голосовать. Но со временем наши пионеры увидели, что дружина живет самостоятельнее и ярче, если в совет попадают заводилы, неравнодушные к пионерской жизни ребята, и те, кто пользуется авторитетом в своем отряде.

Через месяц придет пора очередных выборов. Что можно посоветовать вам, Таня? Обратитесь за помощью в комитет комсомола и в партийную организацию школы. Комсомольцы и члены партии помогут вам провести выборы грамотно и неформально.

А учителя, какова их роль на сборе, можешь ты спросить. Мы в дружине классных руководителей приглашаем на сбор: хотите — приходите, хотите — выступайте, но, конечно, учителя не могут голосовать, выдвигать кандидатуры и руководить сбором. Они только наши гости.



ЮНКОРЫ! ОБЩИЙ СБОР!

Сегодняшний выпуск «Юнкоровского поста «РВС» — последний. По предложению делегатов и участников IX слета и с одобрения наших читателей на страницах «Пионера» будет выходить газета «Вперед!».

Но мы не говорим вам «прощайте», дорогие юнкоры, мы предлагаем вам продолжить наше сотрудничество. А чтобы газета «Вперед» вобрала в себя все лучшее, что было в рубрике «РВС», все, что вам дорого в этом разделе, заполните нашу анкету и пришлите ее в редакцию.

АНКЕТА «ЮНКОРОВСКОГО ПОСТА «РВС»

1. Твои имя, фамилия, домашний адрес ____________________

2. В какой школе, в каком классе ты учишься ____________________

3. Какие заметки в рубрике «Юнкоровский пост «РВС» за 1986, 1987 и 1988 годы помогли тебе и твоим товарищам в работе звена, отряда, дружины? ____________________

4. Какие ПИОНЕРСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ты хотел бы обсудить в юнкоровской газете «ВПЕРЕД» в 1988 году? ____________________

5. Предложи темы:
- **заметок** ____________________
- **фотографий** ____________________
- **комиксов (из жизни твоего отряда, твоей дружины)** ____________________
- **карикатур** ____________________

6. Твои вопросы (в неограниченном количестве) сотрудникам «Пионера», которые отвечали за выпуски «Юнкоровского поста «РВС» ____________________

До свидания, «Юнкоровский пост «РВС»!

1 РАЗМЫШЛЯЕМ

СОВЕТ ДРУЖИ 10 тон

2 ВНИКАЕМ

КАК УЛУЧШИТЬ ПИОНЕРСКУЮ РАБОТУ?..

МОЖЕТ ЛИ БЫТЬ 6 „А" ПРАВОФЛАНГОВЫМ ???

3 СПОРИМ

А ЧТО ДАЛЬШЕ?

4

ВПЕРЁД!

ЧИТАЙТЕ ГАЗЕТУ ВПЕРЁД! ОНА БУДЕТ ВЫХОДИТЬ В ЖУРНАЛЕ „ПИОНЕР"!

Рисунок Н. ШЕВАРЕВА.

Тимур ГАЙДАР

ГОЛИКОВ АРКАДИЙ ИЗ АРЗАМАСА

(ДОКУМЕНТЫ, ВОСПОМИНАНИЯ, РАЗМЫШЛЕНИЯ.)

Продолжение. Начало в № 3.

Рисунки М. ПЕТРОВА.

Аркадий Гайдар вспоминает:

«Учили меня: Константин Федин, Михаил Слонимский и особенно много Сергей Семенов, который буквально строчка по строчке разбирал со мною все написанное».

Сергей Семенов был старше Аркадия Голикова на десять лет. Роман «Голод», рассказы о Петрограде уже принесли ему широкую литературную известность. Он был признанный, авторитетный писатель, ответственный редактор «Ковша». Но получилось так, что почти с первой встречи у него с Аркадием Голиковым возникли теплые, дружеские отношения.

«Сергею Семенову. Командарму литературного фронта. Лучшему другу»,— написал Аркадий Голиков 22 марта 1925 года на сигнальном экземпляре «Ковша» с первой частью своей первой повести.

«Аркадию Голикову. В знак веры в совместный и долгий путь»,— написал Семенов в ответ на фотографии.

«В знак веры в совместный путь...»

Когда читаешь эти слова, начинает казаться, что он предвидел многое.

Та часть жизненного пути, которую Сергею Семенову и Аркадию Голикову довелось прошагать до их первой встречи, действительно во многом была совместной: оба участвовали в гражданской войне, были ранены, в литературу пришли из Красной Армии. И, может быть, закономерно, что одинаковой для них оказалась и солдатская дорога в Великую Отечественную.

Военный корреспондент Сергей Семенов погиб на Волховском фронте в январе сорок второго года, пережив Аркадия Гайдара на два с небольшим месяца.

...Да, за полгода сделано немало. Крепко поработал над «Днями поражений и побед». Написал несколько глав «Последних туч». Правда, это — отложено. Зато опубликован рассказ «Патроны». И вот теперь лежит на столе законченная «Р. В. С.»... Что дальше?

Весной 1925 года Аркадий Голиков уезжает из Ленинграда.

Куда? Главное — тронуться в путь. Там будет видно...

Он любил дорогу. Она лечила, возвращала уверенность, вливала силы. «Нигде я не сплю так крепко, как на жесткой полке качающегося вагона, и никогда не бываю так спокоен, как у распахнутого окна вагонной площадки»,— написал он.

Возвратившись из странствий в Москву, Аркадий встретил Александра Плеско. Была осень 1925 года, как раз шел призыв в армию молодежи 1903 года рождения, и Александр Плеско, который работал в Перми заместителем ответственного редактора газеты окружкома партии «Звезда», тоже переводили в военную печать.

Александр Плеско посоветовал Аркадию ехать в Пермь. Газета хорошая, коллектив молодой, дружный, кроме того, в «Звезде» сотрудничает Николай Кондратьев, их общий друг по Арзамасу.

Пермь — так Пермь!

Аркадий Голиков приехал в Пермь в самый канун годовщины Октябрьской революции. Через несколько дней в праздничном номере «Звезды» появился его материал. Под газетным подвалом стояла подпись — Гайдар.

Седьмого ноября двадцать пятого года впервые появилось на страницах это имя.

Но когда Аркадий Голиков нашел, придумал свой литературный псевдоним?

На размышления наводит письмо, которое Аркадий послал отцу из Красноярска в 1923 году. Он сообщал, что пишет и даже «зарабатывает небольшой корреспонденцией». Кроме того, есть запись в дневнике Аркадия Гайдара:

«17 лет тому назад.

Все прошло. Но дымят пожарища,
Слышны рокоты бурь вдали.
Все ушли от Гайдара товарищи.
Дальше, дальше вперед ушли».

Запись сделана в 1940 году. «17 лет тому назад...»

Получается, что стихи тоже написаны в двадцать третьем. Настроение понять можно: Аркадий предчувствует близившуюся разлуку с Красной Армией. Но важно другое — уже тогда прозвучало в четверостишии — Гайдар. Может, если полистать подшивки газет, выходивших в Красноярске в то время, то вдруг и обнаружится этот псевдоним?

Но почему в таком случае и над повестью «В дни поражений и побед» и над первой публикацией «Р.В.С.» он поставил — Арк. Голиков?

И откуда возникло слово «Гайдар», звонкое и раскатистое?

Аркадий Гайдар на такой вопрос не отвечал. Если приставали, отделывался шуткой.

Уже после его гибели стали возникать догадки. Автором версии, получившей широкое распространение, стал писатель Борис Емельянов. От него

и пошло: «По-монгольски «гайдар» — всадник, скачущий впереди».

Версия красива, романтична и для многих неразрывно слилась с образом Аркадия Гайдара. И имен похожих на Востоке немало. В Индии, например, есть даже город и штат — Хайдарабад.

«Судя по произношению, фамилия Гайдар — татарская, и если вы татарин...»,— так начиналось письмо, на которое Аркадий Гайдар ответил в одном из фельетонов в газете «Звезда».

Для чего же все-таки вздумалось девятнадцатилетнему Аркадию Голикову брать иноплеменное, хотя и звучное имя?

Ну, конечно же, не потому что — «всадник, скачущий впереди». Во-первых, в монгольском языке слова «гайдар» в подобном значении не существует. А во-вторых, не был Аркадий хвастлив и нескромен.

Зато всегда, с детства, был большой выдумщик.

Мальчишкой Аркадий часто пользовался своим шифром: «Любезад здегатофал» — «Написать стихи», «Базрор тонай» — «Отослан домой». Видимо, за какую-то шалость.

Вспомним еще, что с детства Аркадий учил французский язык, знал его сносно и потом всю жизнь пользовался им, правда, довольно своеобразно.

Ну, а теперь напомним, что во французском языке приставочка «д» или «де» указывает на принадлежность или происхождение. Например: д'Артаньян — из Артаньяна.

Дальнейшее — просто.

Он взял первую букву своей фамилии. Добавил первую и последнюю буквы своего имени. Соединил их приставкой «д» с двумя первыми буквами названия родного города. Г-АЙ-Д-АР: Голиков Аркадий из Арзамаса.

Так и возник псевдоним, в котором слились и зазывное детское «айда!» и вольное слово «гайдамак», да еще перекатывается под барабанной палочкой любимое Аркадием «р-р-р-р». Возник, придуман и... оставлен про запас.

Он извлек его из памяти в Перми, начав работать в газете, как обнажают саблю перед кавалерийской атакой.

Гайдар проработал в этой газете с ноября двадцать пятого по январь двадцать седьмого. За это время опубликовал в «Звезде» четыре повести, тринадцать рассказов, двенадцать очерков. Но главный жанр — фельетон. За год с небольшим появилось 115 фельетонов, подписанных — Гайдар.

Подшивки «Звезды» листаю в одной из комнат новенького нарядного здания на высоком берегу Камы. Река отсвечивает малиновым цветом. За острие телевизионной башни зацепилось розовое облачко. Наступил тот особый для редакции час, когда работа над газетными полосами в основном завершена, но телетайп может еще отстучать какую-нибудь важную информацию.

Напряжение спало, можно побеседовать.

Об Аркадии Гайдаре здесь вспоминают, разговаривают несколько иначе, чем обычно. Тоже с любовью, уважением, но как-то теплее и непринужденнее. Так говорят о коллеге, пусть он даже и очень знаменитый.

Вспоминают здесь и мою маму — в те годы семнадцатилетнюю девчонку в пестром сарафане, темноволосую, веселую, живую, с широко поставленными карими глазами.

Моя мама, Лия Соломянская, работала закройщицей на кожевенном заводе, училась в совпартшколе и была первым командиром легиона пермских пионеров. По пионерским делам часто забегала в редакцию «Звезды». Здесь они с отцом и познакомились.

...Не знаю, как считают специалисты, но думаю, что в пробуждающемся сознании малыша весь мир олицетворен в маме. Затем возникает для него пространство, и то лишь потому, что мама время от времени куда-то исчезает и откуда-то появляется. Да и время тоже начинает свой бег вместе с ритмом ее приходов и уходов. Все другое, люди, предметы имеют значение только в той степени, в какой они связаны с мамой, ей сопутствуют.

Постепенно выделяется из большого мира отец: жестковатые, ласковые руки, запах табака...

Но в моей памяти отец возник разом и запомнился ясно и отчетливо. Мы жили в Архангельске. Мама заведовала губернским радиовещанием.

Когда я родился, отец был в Перми. Прислал телеграмму: «Сына назовите Тимуром».

Почему такое имя? Трудно сказать. Может быть, вспомнилось ему путешествие по Средней Азии, откуда он недавно вернулся, Самарканд, гробница Тамерлана, может, понравилось сочетание — имени и фамилии... В нем опять дробь барабанов... Да и вообще он любил необычные имена. Вспомним хотя бы со́лдата Бумбараша или Чука и Гека.

«Тимур Гайдар кругом пожар в окно не лазь не безобразь» — одна из его телеграмм той поры.

В Архангельск он приехал в ноябре двадцать восьмого года, закончив повесть «На графских развалинах» и уже с первыми главами «Школы». Начал работать в газете «Волна». Снова писал очерки, фельетоны.

Помню, как легко и уверенно справился отец с моими капризами. Недовольный чем-то, я привычно брякнулся на пол и начал колотить по нему руками и ногами.

Отец выдворил маму из комнаты. Закрыл дверь. Сел на табуретку. Молча, с доброжелательным интересом наблюдал за моими действиями. Заметив, что я начал уставать, посоветовал:

— Ты лупи с толком. Сначала ногами, потом руками. Или лучше так: правой рукой и левой ногой. Потом наоборот. Попеременно. Понял? Ну давай, действуй!

Но вообще-то Архангельск я помню весьма смутно. Кунцево живет в моей памяти.

Недавно я снова побывал там. Все теперь не так, все по-иному. Многоэтажные дома, залитые асфальтом улицы... Узнавание началось с пруда. От него прямо через девятиэтажные дома побежала к железной дороге тропинка, еще немного вниз, поближе к берегу Москвы-реки, да вот где-то здесь, пожалуй, даже внутри этого огромного корпуса, между его подъездами и стоял наш домик...

Когда шли с отцом на пруд, обязательно останавливались у железнодорожной насыпи и ждали. Какой поезд пройдет первым? Товарный — хорошо, если скорый, дальнего следования — замечательно. Значит, во всем жди удачи! Дачные поезда не жаловали, за исключением вечернего, на котором возвращалась с работы мама.

Частенько мы шли встречать ее на вокзал. По дороге распевали: «Скоро мамка придет, табаку привезет, э-гей, э-гей, табаку привезет...» Были и другие варианты. Если замолкал наш двухламповый радиоприемник, песня звучала по-иному: «Скоро мамка придет, батарей привезет, э-гей, э-гей, батарей привезет...»

Временами жили туго. День за днем на стол

ставилась пшенная каша с подсолнечным маслом. Однако по волшебству отца она принимала облик разнообразных экзотических блюд. Если из каши, скажем, сделать на тарелке горку, проткнуть на вершине ложкой дыру и туда влить масло, то будет «по-мексикански» или «вулкан Попокальтепек»...

Вокруг отца всегда возникала радостная атмосфера игры, сказки, приключения. Она захватывала и меня, и всю ребятню по соседству.

Приходил из издательства денежный перевод. «Вулкан Попокальтепек» скрывался в туманной дымке. К воротам домика на Большой Кунцевской улице подкатывал сверкающий «линкольн» — были такси такой марки. Множество мальчишек и девчонок набивались в нарядную, просторную, с откинутым верхом машину. Ехали в Москву, катались по городу. Потом — пирожные.

В дождливый день он уводил ребят в лес. «Кто сумеет так разложить костер, чтобы он загорелся с одной спички?»

Своим маленьким друзьям он делал настоящие мужские подарки, вещи, которые с удовольствием покупал и для себя: компас с светящимся циферблатом, перочинный нож из хорошей стали...

Учил обращаться с оружием. Не мог равнодушно пройти мимо тира. Отлично стрелял сам и насыпал ребятишкам в пригоршни свинцовые пульки для духового ружья, после которых ладони оставались восхитительно черными...

Но это не значит, что Аркадий Гайдар был с детьми неизменно добр, неизменно щедр и ласков. Он мог быть строгим, суровым и, что было еще хуже,— уничтожающе насмешливым. Терпеть не мог трусов, хвастунов, ябед.

Заметив, что какой-то мальчишка обижает малыша, взял его за шиворот, поднял и долго, внимательно разглядывал. Тот замер в ужасе, даже не барахтался.

— Неужели же природа трудилась столько миллиардов лет, чтобы на свет появилось вот такое создание? — сказал Аркадий Гайдар, спустив, наконец, мальчишку на землю.— Иди и подумай о добре и зле и о категорическом императиве Канта!

Вокруг него кипела игра, множество игр, но в каждой были свои непреложные правила. Было у нас Слово. Не «честное слово», не «честное-пречестное», а просто — Слово. Свои обещания он выполнял свято, но и ты попробуй не выполни...

Никогда не торопился отказать мне в какой-нибудь мальчишеской просьбе. Подумает, прикинет: «Да, можно». Но если уж «нет», значит, излишни и просто унизительны для твоего же собственного достоинства дальнейшие разговоры.

Заглядывали к нам в Кунцево друзья отца. Откуда-то из Рублева приходил Сергей Салтанов. Он был тогда вторым секретарем ЦК РКСМ. Однажды пришел вместе с Александром Косаревым, генеральным секретарем ЦК комсомола. Сначала сидели на веранде, потом пошли к волейбольной площадке, заняли очередь. Игра шла «на вылет».

Не только ребят, но и своих товарищей втягивал Аркадий Гайдар в веселый розыгрыш.

Константин Паустовский вспоминает:

«Гайдар любил идти на пари. Однажды он приехал в Солотчу ранней осенью. Стояла затяжная засуха, земля потрескалась.

Ни о какой рыбной ловле не могло быть и речи. На то, чтобы накопать жалкий десяток червей, надо было потратить несколько часов.

Все были огорчены. Гайдар огорчился больше всех, но тут же пошел с нами на пари, что завтра утром он достанет сколько угодно червей — не меньше трех консервных банок.

Мы охотно согласились на это пари, хотя с нашей стороны это было неблагородно, так как мы знали, что Гайдар наверняка проиграет.

Наутро Гайдар пришел к нам в сад, в баньку, где мы жили в то лето. Мы только что собирались пить чай. Гайдар молча, сжав губы, поставил на стол рядом с сахарницей четыре банки великолепных червей, но не выдержав, рассмеялся, схватил меня за руку и потащил через всю усадьбу к воротам на улицу. На воротах был прибит огромный плакат: «Скупка червей от населения».

Этот плакат Гайдар повесил поздним вечером...»

К воспоминаниям Константина Георгиевича можно добавить и непубликовавшуюся часть его рассказа.

Вскоре возле дома, к которому в обмен на рыболовные крючки ребята таскали банки с червями, появился милиционер. Прочитал плакат. «Так писать нельзя! Скупкой у населения могут заниматься представители организаций. Придется снять»,— сказал он. «А как можно?» Милиционер задумался. «Ну, если бы срочно куплю червей, тогда, пожалуй, можно. И то — через контору горсправки...» — «Так что, снимать?» — «Червей-то у вас теперь хватит?» — «Вроде хватит».— «Если хватит, снимайте!»

В поведении Аркадия Гайдара была та свобода, раскованность и нестандартность поступков, которые нередко ставили людей в тупик.

Хорошим весенним днем он шел по московскому бульвару, опять при деньгах и в отличном настроении. Увидел продавца воздушных шаров, купил сначала один шарик, а потом, подумав,— всю связку: «Ребят во дворе много, пустят наперегонки, то-то будет праздник».

Но если по бульвару идет человек с пестрой кучей воздушных шариков, за кого его примут прохожие?

— Почем шарики?

— Не продаются.

— Мне голубой, пожалуйста!

— Не продаются.

— Шары почем, гражданин?

Долго так, естественно, продолжаться не могло. Симпатичным покупателям Аркадий Гайдар начал раздавать шары бесплатно. Несимпатичным — отказывал.

Позвали милиционера.

Есть очень хорошие фотографии отца, однако иногда лучше просто закрыть глаза, и увидишь, как он входит, сдергивает папаху. Большой, в последние годы даже чуть погрузневший, делает несколько шагов по маленькой комнате, будто она и не тесна ему вовсе. Если все хорошо и ладно, если «елки-палки, лес густой, кончен творческий простой», светлая, с лукавинкой улыбка освещает доброе круглое лицо.

— Как будем жить, уважаемые товарищи?

И «уважаемые товарищи» начинают жить веселее, чем минутой раньше. Хозяйка, правда, озабочена.

— Аркадий! Какие гости? У меня только вчерашние котлеты. Да и то немного.

Котлеты, к общему изумлению, вновь пропущены через мясорубку. Добавлено масло. Нашинкован лук. Все это приправлено перцем... Через несколько минут паштет, украшенный зеленым листочком салата, стоит на столе...

Любо ему было то же самое, что обычно любят добрые люди.





Аркадий Гайдар среди сотрудников газеты «Звезда». 1925 год. Пермь.

Много ездил, однако по-настоящему хорошо себя чувствовал в родных местах.

«Скучаю уже по России. Где мой пруд? Где мой луг? Гей, вы цветики мои, цветики степные!» Всех я хороших людей люблю на свете. Восхищаюсь чужими долинами, цветущими садами, синими морями, горами, скалами.

Но на вершине Казбека мне делать нечего,— залез, посмотрел, ахнул, преклонился, и потянуло опять к себе в нижегородскую или рязанскую».

Петь любил. Особенно вторить хорошему голосу. «Гори, гори, моя звезда»...

Смотрел задумчиво на костер, на то, как улетают, закручиваясь к черному небу, красные полосочки искорок. Хмурился, если кто-нибудь начинал петь слишком громко.

Был по привычкам солдат, но, как все люди, тянулся к теплому человеческому житию.

«В сущности, у меня есть только — три пары белья, вещевой мешок, полевая сумка. Полушубок, папаха — и больше ничего, ни дома, ни места, ни друзей.

И это в то время, когда я вовсе не бедный, и вовсе никак уж не отверженный и никому не нужный.

Просто как-то не выходит».

Это записано после возвращения с Дальнего Востока. Позже все несколько устроилось, стало получше...

И не подумайте, пожалуйста, что был он несчастлив, таил в себе какую-то беду или обиду. Несчастливые люди не пишут такие книги, какие написал он, и уж, конечно, не совершают такие веселые и даже озорные поступки.

Как многие физически и духовно сильные люди, он был добр. Как почти все добрые — легко раним. Не боялся боли, холода, жажды.

Совершенно не мог выносить грубости, хамства. Тогда — срывался. Тогда темнели глаза, начинал подергиваться левый уголок губы. Тогда он мог быть даже опасен.

Как-то вечером шел по улице Воровского. Остановился разжечь трубку. На стене особняка поблескивала в фонарном свете полированная дощечка с латинскими буквами.

— Эй, ты! — раздался окрик.— Чего встал! Проваливай!

Аркадий Гайдар уважал дисциплину. Понимал обязанности и ответственность лиц, несущих дежурство. Но вот так обращаться к нему все равно не следовало. Поглубже засунув руки в карманы шинели, он направился к будке.

— Бомбу, браток, велено бросить. Вывеска же, смотрю, другая. Не ошибиться бы!

Ну выскочили, увезли... Потом, разобравшись, пожурили и отпустили. Да он и сам понимал, что поступил неладно. Но я уже говорил — срывался.

Пишу и немного опасаюсь, как бы у читателя не сложился образ экстравагантного чудака, совершающего неожиданные поступки. Ведь суть как раз и заключается в цельности его натуры.

«Существовал в повседневной действительности так же необыкновенно и задушевно, как в своих книгах»,— сказал Константин Георгиевич Паустовский.

По-иному, но о том же написал Самуил Яковлевич Маршак:

«Слово у него не расходилось с делом, мысль с чувством, жизнь — с поэзией».

Думаю, что здесь во многом и лежит объяснение характера судьбы и творчества Аркадия Гайдара.

* * *

Летом сорок второго года мы встретились в Москве с Семеном Гудзенко. После ранения он выписался из госпиталя, ему шел двадцать второй год, в кармане шинели носил сложенную пополам тетрадку со своими тогда еще не изданными стихами.

Стихи и баллады были до жестокости правдивы, нежны и мужественны. В ту пору так о фронте еще не писали.

Мне шел шестнадцатый, ни стихов, ни прозы я не сочинял, работал слесарем на авиационном заводе. Попробовал поступить в комсомольскую школу, готовившую радистов для партизанских отрядов, она помещалась на Пушкинской площади, но по молодости лет меня отчислили.

Превосходство Семена было очевидным, он не считал нужным его подчеркивать, и, несмотря на разницу в возрасте, мы подружились.

Когда в сорок третьем году я уехал в военно-морское училище, он послал вдогонку письмо: «Тимур, если появится возможность выбирать факультет, поступай на пиратский!»

Поступил я на основной факультет, который готовил артиллеристов, штурманов, минеров, короче — офицеров корабельной службы. Будущие надводники и подводники учились тогда вместе.

Как только Ленинград освободили от блокады, наше военно-морское училище вернулось из Баку в свое старинное здание на набережной лейтенанта Шмидта. Мы уже проходили морскую практику на

Каспии, побывали в Иране. Теперь отправились в Кронштадт на торпедные катера.

Отбивая шаг по чугунной мостовой — это не метафора, некоторые улицы и площади Кронштадта были вымощены чугунными плашками,— курсантская рота слушала Юру Малышева:

Сквозь ночной туман плещет океан,
Мичман Джим угрюм и озабочен...

Голос Юры, высокий и, как у всех настоящих запевал, чуть пронзительный, легко прорезал зелень парка, улетая к гавани, где к одной из стенок была пришвартована корма разорванного пополам линкора «Марат». Строй подхватывал:

Еще немного, держи на норд,
Ясна дорога, и близок порт...
Ты будешь первым, не сядь на мель,
Чем крепче нервы, тем ближе цель...

Почему вдруг — песня? Почему рассказываю об этом?

...После тридцатилетнего перерыва я вновь сидел в читальном зале Центрального архива литературы и искусства. За эти десятилетия ушли из жизни многие друзья Аркадия Гайдара, и его фонд в архиве пополнился, хотя все равно остался небогатым.

Неожиданно на одной из страниц мелькнули слова той самой песни о мичмане Джиме, который «не может быть не точен». К содержанию рукописи песня не имела ни малейшего отношения. Но в 1924 году в Ленинграде Аркадий Гайдар переписал все куплеты в свою тетрадку.

Он действительно когда-то мечтал стать моряком.

История получает обобщение только в книгах. Живая ее ткань сплетена из человеческих судеб. Если в семье нити памяти оборвались, то обеднен и не очень понятен сегодняшний день.

В Югославии на горной дороге, что сверкающей змейкой взлетает от голубой Адриатики к древнему Цетинье, шофер корпункта «Правды» в Белграде пожилой черногорец Йова Велимирович притормозил нашу «Волгу». В машину сел мальчишка лет тринадцати, темноволосый, светлоглазый, вежливый и степенный. Тоже черногорец.

За полчаса пути собеседники установили, что их семьи в родстве, хотя и отдаленном, обменялись именами предков, которые могли сражаться против турок в одних и тех же боях. Возле сел Порохового, Сторожевого, у стен Подгорицы... И в том, что мальчишка говорил, как соглашался или очень вежливо, но твердо возражал, крылись какие-то иные, не школьные, не просто вычитанные в книгах знания.

Живая память предков, семейные предания — вот что возвращает истории ее вкус, цвет, запах.

Снова и снова перебирал я старые бумаги в папках... Время от времени что-то заставляло прервать чтение, вызывало на раздумья. Какой-то случай... Штрих отцовского характера... Забавно, он тоже терпеть не мог кипяченое молоко... Смелый, отшатывался, чуть не вскрикивал, если на лицо или даже только на руку попадали нити паутины... Часто видел сны... Иногда их записывал. В дневник.

Отцовские сны... Приязни и неприязни... Вкусы... Сила и слабости... Неожиданные контрасты... Совпадения...

В морских баталиях на арзамасских прудах отец был «адмиралом». Он мечтал стать моряком. Но реализовалась мечта лишь в судьбе сына.

В двадцать четвертом среди ленинградских писателей, которые тепло встретили отца и помогли ему в первых литературных шагах, был Илья Иванович Садофьев.

В сорок четвертом Илья Иванович руководил литературным кружком в нашем военно-морском училище. Но я этих занятий не посещал, так как литератором стать не собирался. Да и в журналистику дорога для меня самого оказалась неожиданной.

Характер работы менялся постепенно, пока не выяснилось, что изменилась профессия.

Командир минно-артиллерийской боевой части подводной лодки. Слушатель военно-политической академии. Сотрудник отдела боевой подготовки газеты «Советский флот». Сотрудник военного отдела «Правды». Разъездной корреспондент секретариата «Правды»...

В таком качестве весной шестьдесят первого я отправился из Одессы в Гавану на борту сухогруза «Лесозаводск». Время для молодой революционной Кубы было напряженным. Вместо того, чтобы собирать, как планировалось, материал для очерков, мне пришлось диктовать по телефону репортажи о борьбе с диверсиями, о поджоге «Эль-Энканто», о воздушной бомбардировке Гаваны. Затем на южном побережье Кубы высадился крупный, вооруженный Соединенными Штатами десант. Сначала «Правда» опубликовала мои репортажи с места боев, а затем решила оставить меня в Гаване своим корреспондентом по Кубе и странам Латинской Америки.

Вспомнил те годы, и снова пришла мысль об обоснованности деталей в книгах отца и странности некоторых совпадений.

Осенью шестьдесят четвертого летел из Мехико в Коста-Рику. Полет над странами Центральной Америки похож на поездку в городском автобусе — то и дело остановка.

В аэропорту Сан-Хосе меня арестовали.

— Фальшивая виза. Поддельная,— сказал плечистый блондин в рубашке стального цвета и с кольтом на широком поясе. Он небрежно помахивал моим паспортом.— Ни один наш посол, ни один консул не мог ее поставить. Коста-Рика с вашей страной устанавливать отношения не собирается!

Он был прав и не прав, этот блондин, так славно изъяснявшийся на испанском и все же очень не похожий на костариканца. Дипломатических отношений Коста-Рика с Советским Союзом, как и с другими социалистическими странами, тогда еще не имела. Но виза у меня была самая настоящая.

Тем не менее меня проводили в маленькую комнату с зарешеченными окнами...

Далеко мы с вами забрались, читатель? Что ж, давайте сразу, отсюда вернемся к Аркадию Гайдару. Цитирую из повести «Школа»:

«В сумке у меня лежали перочинный ножик, кусок мыла, игла и подобранная где-то середина энциклопедического словаря Павленкова... Были там биографии монахов, рецепты лака, философские термины, история какого-то доселе неслыханного мной государства Коста-Рика...»

Тогда, в шестьдесят четвертом, сидя под арестом, я, конечно, об этом месте в отцовской повести не вспомнил. Внимание всецело привлекал пожилой, грузный полицейский. Сидя на табурете, опершись спиной о стену и спустив на самый нос форменную фуражку с затейливым гербом, он слегка похрапывал.



— Ойго, амиго! — сказал я.— Тенемос ке комер альго! Эс тьемпо пара альмуэрсо!

Слово «альмуэрсо» — «обед» произвело благоприятное впечатление. Через несколько мгновений в комнате появился мальчишка, получил от меня деньги, а от полицейского подробную инструкцию. Он вернулся с обедом на двоих и парой бутылок отличного чилийского вина.

— Ты не уходи далеко,— сказал полицейский мальчишке.— Может, еще придется сбегать.

Мы вкусно и неторопливо пообедали. Потом небрежно, как бы между прочим, я поинтересовался, откуда можно позвонить в город. Телефон оказался в соседней комнате.

Благодаря вмешательству влиятельного сенатора, кандидата на президентский пост, меня освободили быстро. Когда старенькое рыжее такси отъехало от здания аэропорта, я обернулся. Широкоплечий блондин, положив руку на кольт, провожал машину взглядом, а из-за его спины махал фуражкой мой славный, добродушный страж...

Теперь размышляю: почему в «Школе» отец упомянул именно Коста-Рику, а не какое-либо иное государство? И почему кунцевская пшенная каша с подсолнечным маслом называлась не «Фудзияма», не «Килиманджаро», которые повидать мне не довелось, а «Попокальтепек», четкими контурами которого любовался не раз?.. И вообще, отчего то и дело наталкиваюсь на неожиданные совпадения? Почему совпадений так много?

Наверное, их ни много ни мало, они просто бесконечны, как бесконечно сложна жизнь. Стоит в нее только чуть пристальнее вглядеться.

Вспоминается еще один случай.

В пятьдесят восьмом году вдвоем с Владимиром Ерофеевым, шофером геологической экспедиции, которую возглавлял академик Брод, мы заблудились в пустыне Каракумы.

Сначала, потеряв ориентировку, кружили довольно беззаботно на «уазике» по гладким, как асфальт, просторным коричневым такырам. Потом все-таки вроде определились, нашли на карте свое место. Двинулись через Узбой, старое русло Сырдарьи. Была середина мая, и по Узбою еще струились ручейки горькой воды. Один из таких узких и, как подумалось, мелких ручьев Володя решил проскочить с хода. «Уазик» резко наклонился, капот по ветровое стекло ушел в воду, задние колеса повисли в воздухе.

Поначалу, сгоряча, все показалось не таким уж серьезным. Выскочили из машины, взялись за лопаты, попробовали ковырять спекшуюся глину... Куда там!

— Как с водой? — спросил я.

— С водой порядок,— уверенно ответил Володя. Он начал открывать канистры. Их было четыре. Во всех оказался бензин.

— Попробуем из радиатора?

— Да разве достанешь?

Мы забрались в тень под задние колеса. Подсчитали запасы: плитка шоколада, два лимона. Расстелили карту. Решили идти на север, туда, где километрах в тридцати должна находиться стоянка геологов, которые исследовали засыпанную песками линзу пресной воды.

— Надень свитер,— сказал я.

— Да ты что... И так жарко!

Тридцать километров — если напрямик. А если следовать извивам Узбоя, то куда больше. Но едва мы углубились в барханы и начало скрываться из глаз глубокое мертвое ущелье, как, не сговариваясь, опять повернули к Узбою. Все-таки оно напоминало дорогу, какой-то путь... Очень серьезная штука — бескрайние сыпучие пески.

Вскоре нас стало трое. Появилась птица. Большая, темная, с длинной шеей без перьев, она поджидала, пока мы приблизимся. Лениво взмахнув крыльями, отлетала на пару сотен шагов, снова садилась на землю и ждала...

— Надень свитер,— снова сказал я Володе на этот раз уже сердито.— Так надо! Нельзя терять влагу!

Ерофеев послушался.

Шаг... шаг... шаг... Очень важно втянуться в движение, почувствовать его ритм. И важно, чтобы глупые мысли не лезли в голову.

«Правильно, сынок! — услышал я родной глуховатый голос.— Шаг ровный, быстрый, но не торопливый. Привалы делать редко, но такие, чтоб отдохнуть».

«Да, папка, да! Я помню! Ты уже мне говорил когда-то. Но когда это было?»



...Полуторка мчалась вдали, внизу за Узбоем, оставляя лисий хвост пыли. Мы сорвали рубахи, закрутили ими над головами. Несколько бесконечных мгновений машина шла в прежнем направлении, затем сбавила скорость и резко повернула в нашу сторону. С высокой кручи мы бросились вниз, упали, покатились по откосу...

Выручили нас рабочие противочумной экспедиции, которая отстреливает грызунов в Каракумах.

* * *

В июле тридцать первого года отец взял меня с собой в Крым, в пионерский лагерь «Артек». Он собирался закончить там повесть «Дальние страны».

В Москве мы тогда жили на Ордынке на первом этаже большого кирпичного дома. В коммунальной квартире у нас была одна комната, где почти впритык друг к другу стояли кровати, большая и маленькая, шкаф, тумбочка, заменявшая отцу письменный стол. На стене висел огромный портрет Буденного.

Отец купил его однажды в хорошем настроении, видимо, не соизмерив масштабы. Мы спали под копытами коня и взметенной саблей.

Отчего-то зиму, весну и часть лета, которые мы прожили на Ордынке, я помню хуже, чем кунцевские времена. С Кунцево — иначе. Стоит услышать или самому напеть «в движеньи мельник жизнь ведет, в движеньи...», а еще колыбельную «не шумите, сосны, не качайтесь, ели...», как густые лапы елей начинают слегка покачиваться... Это какая-то особая память. Видишь не события, не лица, не дом и сад, вернее, все это есть, но вместе, в единстве, будто веет издалека теплый ветер, и несет с собой запахи и звуки.

Дорогу из Москвы в Симферополь помню хорошо. Перед отъездом отец напевал «так быстрее мчите, кони, разгоните грусть-тоску...» Тоска, однако, не разгонялась.

Но тронулся поезд. Отец, рванув за ремни, опустил окно. Ворвался ветер с паровозным дымом, закрутил занавеску.

— Вперед, и горе Годунову! — сказал папка.

На злосчастие неведомому мне Годунову пошли в вагон-ресторан. Стучали колеса, между вагонами лязгали и терлись железные листы. Отец шел первым, распахивая двери, держался близко, но не оглядывался, не обижая меня излишней опекой.

В вагоне-ресторане было прохладно, на столиках цветы в вазах, пирожные и яблоки.

— Можно?

— Можно, но потом. Сначала борщ.

В жарком Симферополе на вокзальной площади многолюдно. Татары-извозчики зазывают седоков. Но пассажиры рвутся к автобусам. Таких раньше я не видел. Они похожи на легковые машины, только очень большие. С брезентовым откинутым верхом, сиденья тоже, как у легковых: от борта к борту поперек кузова.

Отец поднял меня над толпой, работая плечами, пробился к машине, опустил через борт на сиденье, забросил мешок, впрыгнул сам.

Вырвались из города, встречный ветер бил в лицо, но в горах меня все же немного укачало. Когда, после перевала, мотор вдруг зачихал, автобус задергался и остановился, я даже обрадовался. Шофер объявил, что дальше не поедем. Нужно ждать другую машину.

Мы двинулись пешком. Идти под уклон было легко и весело.

Море меня ошеломило. Сначала я не поверил, что все это открывшееся с высоты беспредельное сверкание — вода. Постепенно море начало терять свой блеск, полыхнуло багрянцем, угасло, а мы все шли и шли... Отец, казалось, не замечал моей усталости.

— Солдатский шаг ровный, широкий, в одном темпе. Быстрый, но без торопливости. Если переход большой, привалы делают редко, но такие, чтобы отдохнуть. Помогает от жажды щепотка соли. И песня помогает на марше.

— Какая?

— Хорошая. Чтобы душу веселила. Чтобы ритм был.

Мы пели, шагали молча, и отец опять запевал... Когда поздним вечером добрались до «Артека», шагать я уже не мог. Дремал на отцовском плече.

«Выехали из Москвы с Тимуром 16-го. Прибыли в «Артек» к ночи 18-го.



Аркадий Петрович, Лия Лазаревна, Тимур. 1930 год. Архангельск.

Шли пешком по берегу моря. Думали. Разговаривали. «У моря другого берега нет» (Тимур).

Шли, шли и пришли наконец.

В «Дальние страны».

Говорят, что «Дальние страны» — очень милая и грациозная повесть».

О том, как летом тридцать первого мы жили с отцом в «Артеке», о его работе, отношении к ребятам, в том числе и к своему сыну, лучше всего рассказывают строчки из дневника.

«У некоторых ребят попадаются мои книги. У одного «Обыкновенная биография» с моим портретом, где я снят в военной форме 11 лет назад. И они ходили за мной и рассматривали».

«Тимур в отряде. Он уверен, что я записал его в пионеры. Он спит в общей палате, становится на линейку — и вообще ведет себя, как гордый своим званием образцовый пионер... Он самый маленький и забавный».

«Физкультурник. Опытен, но опыт построен на изучении до тонкости техники воздействия на ребят, но не на понимании самих ребят. Похож на тореодора и на бывшего офицера».

«Попросил перевести Тимуренка за хулиганство в другую палату».

Доканчиваю «Дальние страны». Петька. Стог сена. Усталость. (Сказать или не сказать) Иван Михайлович. Песня Еромолая. А ведь это Еромолай убил Егора...».

«Море, скала, шторм. Мы с Тимуром на берегу. Кидали камни и хохотали, когда брызги долетали до лица».

«Все дни настроение было хорошее. А сегодня опять тревожно».

«Очень много работал над «Дальними странами» — с утра до ночи».

«Всю ночь мучили сны:

— И я разбил льдинку на тысячи мелких кусков, и она разлетелась на тысячи сверкающих льдинок. Но перед тем, как разбиться, она крикнула: «Глупый, когда взойдет теплое солнце, я опять сольюсь в одно целое!»

Теперь, читая отцовский дневник и зная, как все было дальше, ясно вижу, что он предчувствовал надвигающуюся беду. Но и тогда я, малыш, скорее всего по поведению отца, а может, и просто инстинктивно ощущал, как на светлую жизнь наползает туча.

Вот еще из дневника:

«Солнце. Золотая осень... Черкеска Тимура, его красная матросская бескозырка. Тревога... Нарастающая по часам, по минутам тревога... молчаливая, спрятанная внутрь, не видимая и не понятная никому, кроме моего родного мальченыша Тимуреныша.

— Папка! Ну, что ты все молчишь? То говорил, а то молчишь? Ну, папочка!»

* * *

Двухмачтовая с косыми парусами шхуна «Индига» бороздит восточные моря. С юга, от синей воды, от сладковатого запаха джунглей она поднимается в высокие широты. На подходе к Командорским островам ванты начинают белеть от инея. Острый, как шпага, бушприт пронизывает волны и пространство...

На страничках писем-сказок, писем-рассказов, которые приходили ко мне с Дальнего Востока, отец оставлял свободные от текста окошки, и художник «Тихоокеанской звезды» заполнял их рисунками.

В письмах вымысел переплетался с былью. Отец много ездил, выходил в море, побывал на границе с Маньчжурией, на озере Занко, отправлялся в тайгу...

Название шхуны тоже было придумано не случайно. В двадцать третьем году, когда Аркадий Голиков, получив первый шестимесячный отпуск для лечения, начал писать в Красноярске повесть «В дни поражений и побед», история шелестнула на Дальнем Востоке последней страничкой гражданской войны.

Белый генерал Пепеляев с большим отрядом, состоявшим главным образом из офицеров, продвигался к Якутску. Они заняли Охотск и Аян. Пепеляев хотел перебраться в Америку или при благоприятных обстоятельствах отсидеться в Якутске, получить там от США помощь.

Охотское море еще не освободилось полностью от льдов, когда отряд красноармейцев на двух стареньких пароходах отправился на север. Командовал отрядом Степан Вострецов. Аркадий Голиков встречался с ним в двадцатом на Западном фронте, где Вострецов командовал полком.

Пробравшись через льды и туманы, отряд Степана Вострецова неожиданно для белых высадился в Аяне. Белогвардейцы были разгромлены. Генерал Пепеляев взят в плен. За эту смелую операцию Степан Вострецов награжден четвертым орденом Красного Знамени. Потом он командовал прославленной 27-й Омской Краснознаменной стрелковой дивизией имени Итальянского пролетариата.

Один из пароходов, на котором отряд Вострецова пробился к Аяну, назывался «Индигирка»...

Иногда к письмам, рассказывавшим о приключении шхуны «Индига», отец добавлял схемы: «Вот здесь притаился капитан Дик с ружьем, здесь прошел тигр, а на этом дереве сидела предательница-сорока, которая все дело испортила...»

В дневнике отец записал:

«Получил письмо от Талки: «Я принесла твое письмо Тимуру уже поздно, когда он спал, и мы не стали будить его. Твое письмо к Тимуру прочла Лиля, и когда она читала его, то из глаз ее катились почему-то слезы. Очень странно».

Ничего странного нет. Жили все-таки долго, и есть о чем вспомнить...»

«Получил дней пять тому назад письмо от Лили и фотографии Тимура Гайдара... Он бережет мои «военные секретные» письма и крепко меня помнит».

Бесценные эти письма сгорели двадцать второго июля сорок первого года, когда фашисты впервые бомбили Москву.

* * *

Нынешней осенью я снова поднялся на склон Аю-Дага. Лежавший под ногами «Артек» был тих и безлюден. Летние смены закончились, ребята из первой зимней еще не приезжали. Трава пожелтела, приникла к каменистой земле. Ветер, который внизу едва рябил море, здесь на вершине дул резко, порывисто.

После тридцать первого года я побывал в «Артеке» еще раз, в тридцать шестом, один, без отца. За пять лет лагерь изменился. Стал наряднее. Появились новые, правда, тогда еще деревянные, корпуса. На аллеях стояли скульптуры.

Летняя смена тридцать шестого года была знаменитой. Тогда правительство наградило орденами большую группу пионеров за их помощь взрослым в труде. Все эти ребята-орденоносцы, в том числе и Мамлакат, награжденная орденом Ленина, были в «Артеке». Держались они просто и скромно, никто не задавался. Играли, шалили, занимались в кружках и, как обычные смертные, старались посидеть подольше в воде, хотя уже раздался свисток вожатого.

Но кое-какие перемены мне, честно говоря, не понравились.

Однажды вечером горнист сыграл «общий сбор». Отряды построились на костровой площадке. Нам объявили, что в лагерь приедет французский писатель Андре Жид. Он очень хороший, известный писатель. Его принимал, с ним беседовал сам товарищ Сталин. Андре Жид собирается написать книгу о нашей стране. Завтра он будет в «Артеке», и поэтому мы сейчас поучимся, как его приветствовать.

Замысел руководителей был такой. Тишина, покой, нарядные, благоухающие цветами аллеи, но — ни души. Андре Жид с сопровождающими товарищами спускается по лестнице. И вот тут навстречу ему дружной веселой толпой с цветами в руках вырывается загорелая, жизнерадостная советская детвора...

Все мы спрятались под большой деревянный причал, к которому швартуются артековские катера. По сигналу бежали к главной аллее. Промучились допоздна. То один отряд отставал, то другой вырывался вперед... Когда достигли слаженности, исчезли улыбки...

Книгу тогда Андре Жид написал про нас плохую. Поэтому на следующий год пригласили Лиона Фейхтвангера. Но он, кажется, в «Артек» не приезжал.

В тридцать первом году здесь было пять пионерских отрядов. Теперь и лагерей не счесть: «Горный», «Морской», «Кипарисный», «Озерный», «Лазурный»... Многоэтажные здания теснятся под Аю-Дагом. Поблескивают стены огромного плавательного бассейна... Но все так же пьет воду Черного моря Медведь-гора и никак не напьется, и убегают с вершины вниз к морю старые извилистые тропинки. Отсюда, с вершины, «Артек» рядом и — далеко. Вот так, наверное, видел его Аркадий Гайдар в Хабаровске, когда писал «Военную тайну».

Есть в его дальневосточном дневнике запись: «Отправил телеграмму: «Шлю Тимуру Гайдару крепкий военный дальневосточный привет». Интересно: как будет читать и понимать «Военную тайну»? Ведь Алька — это он сам».

Тревожно и печально было мне стоять на вершине над «Артеком», на том месте, где полсотни с лишним лет назад любовались мы с отцом морем, такие дружные и веселые. На этом же месте, как сказано в «Военной тайне»,— «на каменной площадке, высоко над синим морем, вырвали остатками динамита крепкую могилу».

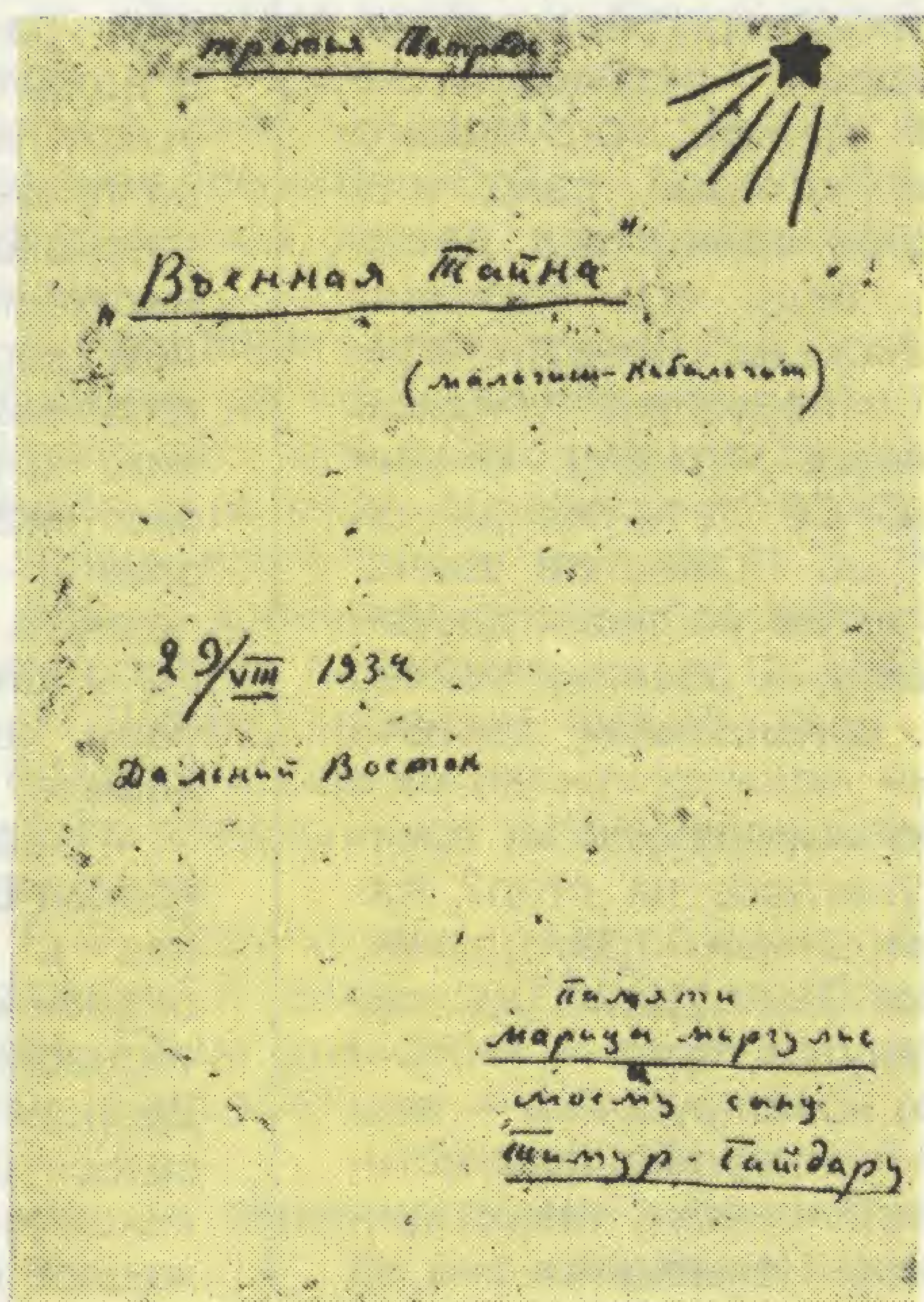
Даже в те далекие годы, когда я впервые читал «Военную тайну» и, укрывшись от всех, плакал над ее страницами, даже тогда понимал, что не только малыш Алька, но часть нашей жизни с отцом осталась навсегда в этой скале над «Артеком» и что, как бы дальше ни было, все равно так, как прежде, уже никогда не будет.

Теперь страницы повести, детские, полустершиеся воспоминания, старые тропинки и то, что было прожито и пережито после,— все это сплелось и перепуталось, оставляя на сердце какое-то странное чувство горечи и сладкой, щемящей печали.

С горы над «Артеком» видно пространство, с высоты десятилетий кинолентой разворачивается время. События, начавшиеся здесь в тридцать первом, простираются через тридцать седьмой, уходят в сорок первый, тянутся в нынешний день...

Вот белеет за кипарисами нарядный старинный дворец с колоннами. Теперь в нем методический кабинет главного управления «Артека»... В тридцать первом это был Дом отдыха ВЦИК. Его отдыхающие — старые большевики пришли в повести на пионерский костер артековцев...

«Музыканты ударили «Марш Буденного»... В строю по четыре, на колесных игрушечных ко-



нях выехал «Первый сводный октябрятский эскадрон имени мировой революции...»

Легко прикинуть: всадникам «октябрятского эскадрона» по девять-десять лет. К весне сорок первого года им по девятнадцать-двадцать. Значит, кому-то из них суждено в тот роковой предрассветный час двадцать второго июня проснуться в красноармейской казарме от грохота вражеских снарядов, скрежета танков, так и не услышав директивы Генштаба о переходе на повышенную боевую готовность, которую в ту ночь так тщательно обсуждали в Кремле.

Как хотелось Владику Дашевскому, одному из героев «Военной тайны», не допустить подобного. Он мечтал забраться с друзьями на самую высокую гору.

«Я бы стоял с винтовкой. Ты бы смотрел в подзорную трубу, а Толька сидел бы возле радиопередатчика. И чуть что — нажал ключ, и сразу искры, искры, искры... Тревога... тревога... тревога... Вставайте, товарищи!.. Тогда разом повсюду загудят гудки — паровозы, пароходы, сверкнут прожектора. Летчики — к самолетам. Кавалеристы — к коням. Пехотинцы — в поход. И рабочие бегут на заводы, и работницы бегут. Спокойней, товарищи! Нам не страшно!»

* * *

Что хотели найти, вскрывая могилы графов Клейнмихелей, не знаю. Но народа собралось много. Принесли ломы, лопаты. Сдвинули каменную плиту, начали копать. Лопаты легко врезались в промокшую весеннюю землю

В толпе возник спор. «Нельзя поднимать, рассыплется!» «Ну, да, толкуй, рассыплется... Он же свинцовый!»

Гроб оказался обычный, деревянный. Полусгнившие доски, табачного цвета трухлявая щепа, под крышкой какие-то мокрые полуистлевшие тряпки... Острое любопытство, заставившее меня, как и других мальчишек, протиснуться, несмотря на ворчание старших, к самому краю могилы, почему-то вдруг пропало. Пятясь, я выбрался из толпы и пошел домой.

Вечером не мог уснуть. За окнами комнаты темнели деревья запущенного парка и прорисовывался решетчатый, без железных листов купол золоченной церкви.

В дверь нашей квартиры постучали. Мама была на работе, и дверь отворила Варя, шестнадцатилетняя девушка из села Ивня, которая вела наше хозяйство.

— Здравствуйте, добрые люди! — услышал я за стеной знакомый голос.— Не примете ли на ночлег странника?

— Какие еще странники? — возмущенно ответила Варя.— Странники давно перевелись. А если вам ночевать негде, тогда...

Но тут прыжком из-за Вариной спины я бросился к «страннику» на шею и зарылся лицом в жесткое сукно его шинели.

Мы не виделись больше двух лет. Крепко истосковались. Теперь были счастливы. Снова, как в прежние времена, шагали рядом.

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

ТАЙНА РЕДАКЦИОННОГО ПОРТФЕЛЯ

Ну вот, пришло время снова открыть тебе, дорогой читатель, тайну нашего редакционного портфеля. Да, да, того самого портфеля, который рано или поздно свои тайны все равно раскроет, ведь его содержимое — рассказы, повести, стихи — ты обязательно увидишь на страницах журнала. Иными словами, СКОРО это уже тайной не будет, но ПОКА это тайна. А мы не хотим от своих друзей что-то таить и поэтому сейчас щелкнем волшебными застежками и...

Что это выпорхнуло из портфеля и улеглось на стол? Какой-то странный треугольник, чуть ли не Бермудский, да еще и буквы внутри горят — «НЛО»! Да это же новая рубрика — наш подарок любителям фантастики, приключений, таинственных гипотез! Называется она «В треугольнике НЛО» (Невероятных Литературных Открытий). А вот и первый пилот НЛО — писатель-фантаст Кир БУЛЫЧЕВ. Читайте в следующем номере его рассказ «Новости будущего века».

«Иван Васильевич вскинул карабин, и одновременно немецкий разведчик метнул нож. В долю секунды старый охотник успел поймать на мушку прицела голову противника и нажать спусковой крючок. Громыхнул выстрел... И в тот же миг тяжелый короткий кинжал, изготовленный специально для бросания, по рукоятку вошел в грудь охотника...» Этот драматичный эпизод — из приключенческой повести Виктора ПОТИЕВСКОГО «Логово», которую мы начинаем печатать со следующего номера.

«Первого сентября после уроков Вера Антоновна собрала нас в своем кабинете. Она объявила, что через клуб интернациональной дружбы во Дворце пионеров можно списаться с каким-нибудь классом какой-нибудь школы одной дружеской республики. Если мы хотим, конечно. Все, конечно, хотели, кто-то даже закричал «ура»— с этого приятного и совершенно мирного эпизода начинается повесть Бориса МИНАЕВА «Друг по переписке», события в которой, однако, принимают самый неожиданный поворот. Повесть будет напечатана в 6-м и 7-м номерах.

Писатель Сергей ИВАНОВ рассказывает в своей новой повести о захватывающих летних приключениях Тани Смелой, Алеши Пряникова, ДТ и других ребят. Эту историю вы прочтете в «Пионере» №№ 7 и 8.

Известный писатель Юрий КОВАЛЬ предпослал повести «Шамайка» эпиграф: «Господину Эрнесту Сетон-Томпсону и маэстро Ролану Быкову, живущим в разном времени и смысле, умудрился посвятить автор эту повесть». Дальнейшее, дорогой друг, ты поймешь из самой повести — веселой, необычной и... немножечко грустной. Она появится в №№ 8 и 9.

Итак, тайна редакционного портфеля открыта... А может, и нет. Может, теперь она стала еще более привлекательной?!

Узел связи

Р. С.! ХОЧУ ТЕБЕ ПОМОЧЬ

«Здравствуйте, мне тринадцать лет. Сейчас учусь в шестом классе. Раньше была хорошисткой, а сейчас съехала на тройки.

Наркотики я начала потреблять этим летом. Предложил попробовать один знакомый со двора. Сначала решила: ничего не будет плохого после первого раза. Но потом был второй, третий. Сейчас я привыкла к наркотику очень сильно.

Если кто-нибудь из моих родителей, друзей, одноклассников узнает об этом, мне никто и никогда не простит моего увлечения. Я — наркоманка.

Что же мне делать? Как дальше жить?

Р. С., г. Донецк, УССР».

Дорогая Р. С. Ты доверила листку бумаги свою беду. Ты отправила письмо в «Пионер». Спасибо. Я тоже буду с тобой откровенна, и мне хочется, чтобы ты хоть на минуту почувствовала во мне не строгого взрослого, советующего поступать только так и никак иначе, а сопереживающего тебе человека, друга.

Конечно, можно было бы написать тебе частное письмо. Но видишь ли, к сожалению, ты, Р. С., не одна. Тех, кто уже попробовал то или иное наркотическое средство, достаточно много. Пусть и они — эти мальчики и девочки с усложнившимися жизнями — прочитают мои размышления, обращенные к тебе, Р. С.

Ты категорично пишешь: «Я — наркоманка». Если начистоту, то мне не очень-то верится. Ты, видимо, только начинаешь привыкать к наркотику. Привыкание это проходит трудно и для тебя неестественно. Тебе вообще не нравится это занятие. Ведь так? Именно отсюда — твои вопросы, просьба о помощи.

У меня был один знакомый, который к наркотикам действительно привык. Он рассказывал о мучительных одиноких вечерах, о страхах, непонятно откуда являвшихся, о своем тяжелом душевном состоянии. «Мне жизнь не мила по вечерам»,— говорил мой знакомый.

Когда я прочитала твое письмо, Р. С., то целый день размышляла о нем. А дома достала с книжной полки сборник Михаила Булгакова, великого русского советского писателя. Ты еще не читала его рассказ «Морфий»? Сильный, страшный рассказ. Герой его в течение нескольких месяцев ведет дневник, в котором подробно описывает свое состояние — привыкание к наркотику. Описания героя правдивы, без прикрас: он — врач, поэтому пишет то, что есть на самом деле. Пишет правду. Булгаковский рассказ — история конченого человека, больного, несчастного. Морфий — вот единственный смысл его жизни.

Один мальчик, с которым я недавно познакомилась, рассказал мне не менее страшную историю. Про себя. Мальчик был так называемым «нюхачом». Наверное, слышала о таких? И он настолько привык нюхать всевозможную «химию», что уже без тряпки, смоченной в этой самой «химии», не мог спать. Так и поступал: ложился в кровать, а рядом клал тряпку. Однажды ему приснился сон: жизнь его — это гигантская железная воронка. Вот она надвигается, вот начинает скручиваться в спираль, вот... Мальчик вдруг понял, что, если увидит, как воронка вытянется в прямую линию, он умрет. В ужасе мальчик вскочил, заметался по комнате и... выпрыгнул с четвертого этажа. Да, он остался жив, он спасся, он больше не потребляет наркотики... Правда, ценой многих переломов, ценой великого душевного потрясения.

Дорогая Р. С., ты спрашиваешь, что же тебе делать? Для таких, как ты, ребят есть два выхода. Первый — если еще не привыкла к наркотикам,— **не прикасаться больше к ним никогда.** В данном случае поможет только **твое волевое усилие.** Так считаю не только я, так считают и врачи-наркологи.

Выход второй. Он для тех, кто серьезно привык к наркотикам, не может от них избавиться, кому уже трудно, почти невозможно волевым усилием себе помочь. Выход такой — **необходимо идти к врачу.** Пусть тебя, Р. С., не пугает этот мой прямой совет. Поверь, он необходим.

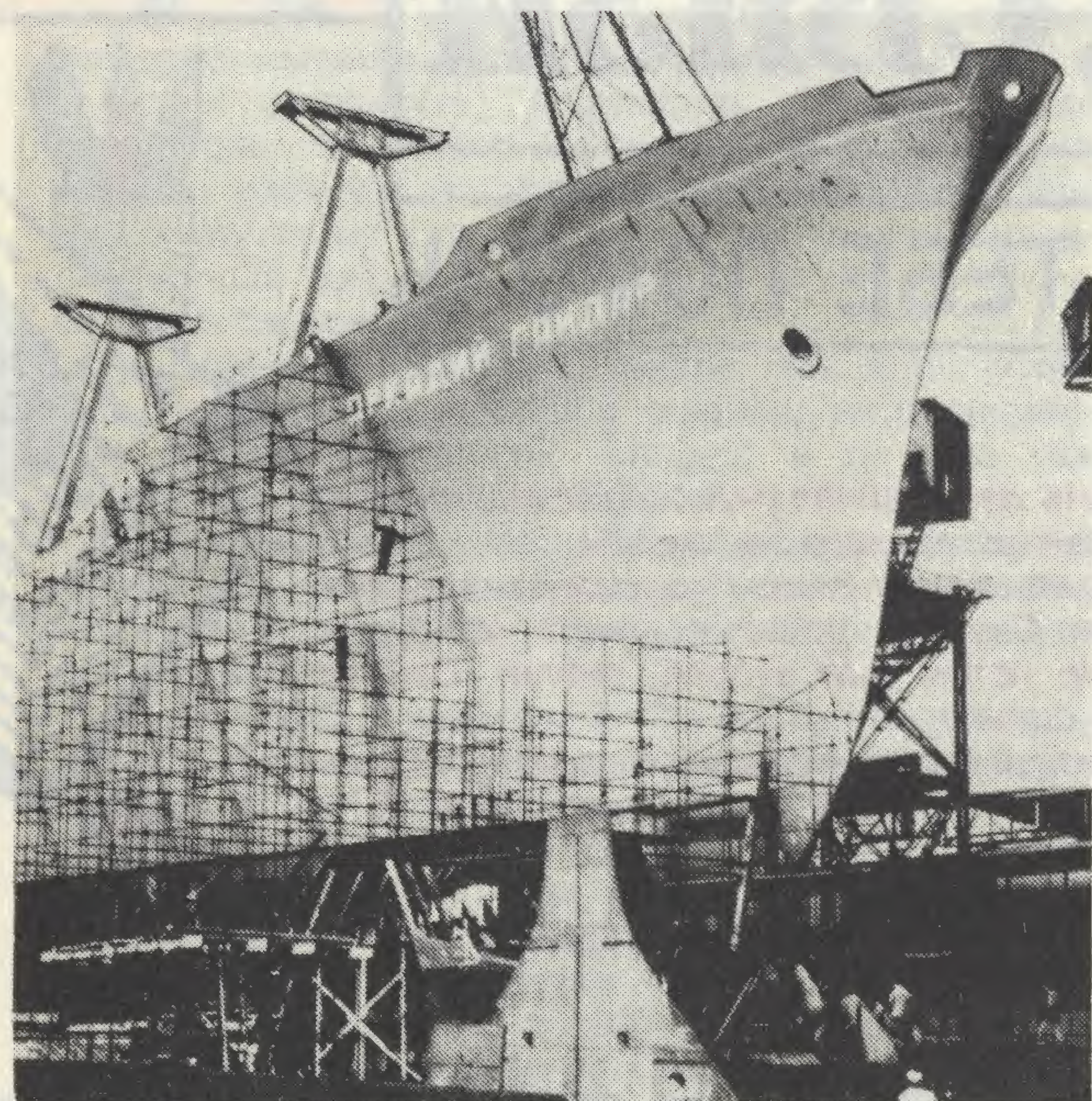
Но для того чтобы прийти к подобному выводу, надо без суеты, серьезно и много раз подумать о себе и своем состоянии. А хорошенько подумав, решить: «Врач — единственное спасение, единственная дорога к нормальной человеческой жизни».

В увлечении наркотиками, увы, однажды наступает рубеж, за которым без медицины не обойтись... Кстати, тот мой знакомый, которому жизнь была вечерами не мила, обратился за помощью к врачам, и теперь все с ним в порядке.

Как-то врачи-наркологи спросили своих несовершеннолетних пациентов: какие праздники они знают? Ребята назвали только два — Новый год и 8 Марта. И все. Их память исчезла, мысль исчезла. Ребята превратились в глупеньких маразматических старичков.

Р. С., если хочешь, этот разговор мы можем продолжить. Я даже думаю, его необходимо продолжить. Пиши мне, пиши в редакцию журнала «Пионер». Серьезно — я очень хочу тебе помочь.

Надежда Владимировна АЛЕНИНА,
редактор отдела писем и массовой работы
редакции журнала «Пионер».



А. ХАСИН

МЕСТО

Не каждый день почтальон приносит
в редакцию радиограммы с кораблей,
проходящих над Атлантидой.
Привычная почта: мешок-другой
писем от наших читателей,
перевязанная бечевкой бандероль
с рукописью неизвестного автора,
телеграмма Домовенку с мольбой
немедленно сообщить, как смастерить,
испечь, связать и т. д.
И вдруг — эта радиограмма:
НАХОЖУСЬ АТЛАНТИЧЕСКОМ ОКЕАНЕ
СЛЕДУЕМ БРАЗИЛИИ ЧЕРНОЕ МОРЕ
ПРИХОДОМ ОДЕССУ ПОСТАРАЮСЬ
ВЫСЛАТЬ ОБЕЩАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ
УВАЖЕНИЕМ-ХАСИН—
Значит, Аркадий Иосифович Хасин
вновь вдали от дома.
Впрочем, тут еще можно поспорить,
какой из двух «домов» следовало бы
поставить на первое место:
корабельную каюту или квартиру
на Дерибасовской.
С тех пор, как в послевоенном
сорок шестом он окончил мореходку,
его жизнь неразрывна с морем.
Последние восемнадцать лет
плавает старшим механиком
на теплоходе «Аркадий Гайдар».
Аркадию Иосифовичу
часто приходится отвечать
на письма пионеров из отрядов
и дружин имени А. П. Гайдара.
Каждый такой ответ —
маленький рассказ о дальних
странствиях корабля и его экипажа.
А может, эти рассказы
будут интересны и другим ребятам?
И Аркадий Иосифович
решил собрать их и предложить
читателям журнала «Пионер».

По курсу — Вьетнам

Когда я пришел на теплоход «Аркадий Гайдар», он работал на линии Одесса — Хайфон.

Было это в 1971 году.

Во Вьетнаме шла война. В результате израильской агрессии 1967 года против Египта Суэцкий канал был закрыт. Путь советских судов к вьетнамским берегам пролегал вокруг Африки: через два океана и много морей.

Это был долгий и опасный путь.

Но каждый день от причалов Одессы, Ильичевска, Новороссийска и других черноморских портов уходили на Вьетнам суда. Они везли продовольствие, медикаменты, тракторы, автомашины, лес — все, в чем нуждалась в то время эта страна.

...Уже за Сингапуром, в Южно-Китайском море, задолго до вьетнамских берегов, над мачтами наших судов с угрожающим ревом начинали носиться американские самолеты, а по ночам военные корабли Соединенных Штатов ощупывали прожекторами каждое торговое судно.

На фарватеры вьетнамских портов американцы сбрасывали на парашютах мины, бомбили и обстреливали из пулеметов стоявшие на рейдах и у причалов суда, охотились за рыбачьими джонками и лоцманскими катерами.

Швартуясь во вьетнамских портах, морякам приходилось постоянно быть начеку. По сигналу воздушной тревоги замирали судовые лебедки, вахтенные задраивали водонепроницаемые двери, надевали каски и на случай пожара раскатывали по палубе шланги. А когда судно содрогалось от близких взрывов, штурманы и механики спускались в отсеки и, посвечивая фонариками, проверяли, не появились ли на корпусе «слезящиеся» швы.

Но и когда объявлялся отбой, отдыхать не приходилось. Моряки торопились на берег — помогать вьетнамцам тушить пожары, вытаскивать из-под обломков разрушенных зданий раненых, успокаивать плачущих детей.

Порт Хайфон расположен в дельте реки Тхайбинь. Желтой эмалью отливают на солнце берега реки, и длинной вереницей тянутся к Хайфону тяжело груженные пароходы, самоходные баржи, рыбачьи джонки. По ночам река задумчива, тиха, и лишь блестками перламутра вспыхивают на темной воде отсветы луны.

Но в годы войны река днем и ночью была багровой от зарева пожаров, а на берегах чернели обугленные останки жилищ...

Однажды мы услышали на реке страшный взрыв. Налет американских самолетов был так неожидан, что в порту не успели объявить тревогу. Бомбардировщики пронеслись над портом, сбрасывая бомбы.

РАБОТЫ-ОКЕАН

РАССКАЗЫ О ТЕПЛОХОДЕ «АРКАДИЙ ГАЙДАР»

Вьетнамские зенитчики сбили один самолет. Вспыхнув, разламываясь на куски, он начал падать в реку. Но бомба, сброшенная самолетом, угодила в нефтехранилище.

Реку заносило дымом. А из дыма, словно бабочки с обожженными крыльями, выплывали рыбачьи джонки. Двигаясь мимо нас, они роняли на воду клочья обгоревших парусов.

Вдруг на корме одной из них мы увидели девочку лет десяти. Поравнявшись с «Аркадием Гайдаром», джонка начала тонуть. Загремел сигнал тревоги: «Человек за бортом!» Спасательный бот мгновенно был спущен на воду, и вскоре дрожавшую от страха девочку моряки доставили на борт.

До прихода портовых властей, которым капитан должен был передать спасенную девочку, ею занялась наша буфетчица Надежда Петровна Майстренко. Или, как называли ее моряки, «тетя Надя». Забрав девочку к себе, Надежда Петровна искупала ее, причесала и, завернув в шерстяную кофту, всхлипывая, побежала на камбуз, где повар наливал уже для нежданной гостьи горячий бульон.

Вечером двое вьетнамцев, поблагодарив капитана за спасение ребенка, сводили девочку по трапу. У борта выстроился весь экипаж. Не было только Надежды Петровны. Попрощавшись с девочкой у капитана, она закрылась в каюте.

От вьетнамцев мы узнали, что девочку зовут Тим, что родилась она на той самой джонке, которая утонула на наших глазах, что отец ее сражается в Южном Вьетнаме против сайгонских марионеток и их американских покровителей, а мать, уйдя утром на базар продавать рыбу, погибла при бомбежке. Девочку определили в интернат, который находится недалеко от порта.

В тот раз в Хайфоне мы стояли долго. Закончить выгрузку мешали частые налеты американской авиации.

В часы затишья приходила Тим. Она помогала Надежде Петровне мыть посуду, поливала в кают-компании цветы. А заметив на ком-нибудь из матросов разорванную куртку, показывала жестом: «Сними!» Бежала в каюту к Надежде Петровне и зашивала.

Незадолго до нашего ухода из Хайфона Тим пришла со своей новой воспитательницей. Звали ее Лиен. Девушка окончила в Москве педагогический институт и по-русски говорила как настоящая москвичка.

Узнав, что Тим спасли моряки теплохода «Аркадий Гайдар», Лиен достала для нее гайдаровскую «Военную тайну» на вьетнамском языке. А к нам пришла попросить Гайдара на русском.

Мы дали ей «Тимура и его команду». Ласково погладив книгу, Лиен спросила:

— А вы слышали историю этой повести, изданной несколько лет назад в Ханое?

Партизанскими тропами попала она в Южный Вьетнам.

На окраине Сайгона жил мальчик Ле Анх Туань. Отец его сидел в тюрьме за участие в антиамериканской демонстрации. Прочитав тайком «Тимура и его команду», тринадцатилетний Ле Анх Туань решил действовать так же смело, как и советский пионер. Он организовал своих товарищей в тимуровскую команду, и ребята начали заботиться о семьях бедняков, сыновья и мужья которых ушли в джунгли. Позже ребята стали помогать и партизанам, добывая для них ценные сведения.

Каратели выследили маленького храбреца. Но несмотря на пытки, Ле Анх Туань не выдал своих товарищей. За связь с партизанами его приговорили к расстрелу. И когда темной дождливой ночью вместе с другими приговоренными к смерти патриотами его поставили на краю братской могилы, он крикнул палачам:

— Я горжусь, что вы убиваете меня, как взрослого! Спасибо Тимуру! Он научил меня быть полезным своему народу! Да здравствует свободный Вьетнам!

Вот какую историю поведала нам Лиен.

Вы спросите, а что стало с Тим?..

Недавно, побывав в Хайфоне, мы узнали, что Тим учится в Ленинграде, в институте инженеров морского флота.

«Гайдар» на Миссисипи

«Аркадий Гайдар» шел за грузом в Новый Орлеан.

Утро ослепило алюминиевым блеском нефтехранилищ. По реке, гулко шлепая колесами, шли пароходы времен Марка Твена. Непонятно было, как дожили до нашего космического века эти старомодные суденышки. И только позже мы узнали, что их строят специально для туристов.

Ребята, побросав на палубу рабочие рукавицы, разглядывали Америку: стремительные лоцманские катера, мощные буксиры, толкающие длинные караваны барж, вертолет береговой охраны, летевший за панамским танкером и проверявший, не оставляет ли танкер за собой маслянистый след, стреноженную лошадь, мирно щипавшую траву возле нефтехранилищ, и показавшиеся вдалеке небоскребы Нового Орлеана.

Нас поставили в длинном ряду судов ожидать представителей хлебной инспекции. Теплоход был зафрахтован под перевозку соевой муки на Италию, и американцы должны были проверить нашу готовность к погрузке.

Приехавший вместе с таможенниками агент, который на время стоянки «Аркадия Гайдара» в Новом Орлеане должен был обеспечивать все наши нужды, прошел с капитаном по палубе, заглянул в каждый

трюм и озабоченно покачал головой. На переборках виднелась ржавчина.

Переход к берегам Соединенных Штатов был тяжелым, и мы не успели как следует подготовить трюмы.

В Атлантическом океане две недели бушевал шторм. Волны врывались на палубу, доставали брызгами до верхушек мачт. От стремительной качки в каютах срывало столы.

Ночью позвонили из машинного отделения:

— Задымил двигатель!

Я быстро спустился вниз. На одном из цилиндров прогорел выхлопной клапан. Дым ел глаза. На решетках стояли встревоженные мотористы.

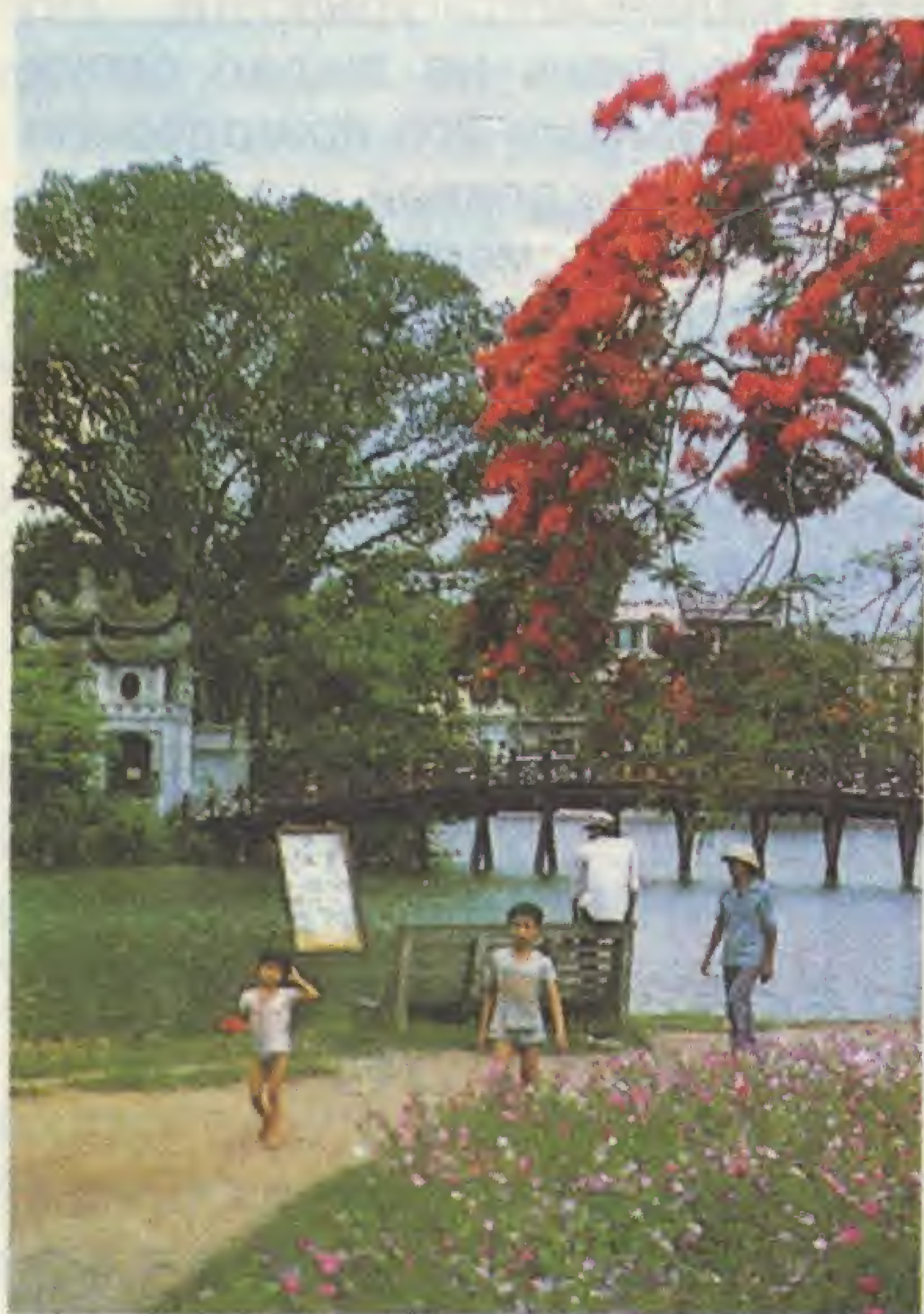
— Готовьте запасной, доложу капитану, и будем останавливаться!

Как только двигатель замолк, судно развернуло бортом к волне. На ногах невозможно было стоять. Но мотористы работали быстро и слаженно. Особенно старшие мотористы Анатолий Гаплик и Станислав Харитонов, награжденный перед уходом в этот рейс орденом Трудовой Славы III степени. И если заводские рабочие во время стоянки судна в порту меняют семисоткилограммовый выхлопной клапан за три часа, то наши ребята сменили его в штормовом океане за час! Двигатель заработал, наполнив машинное отделение веселым гулом, и теплоход лег на курс.

Обо всем этом капитан рассказал агенту, добавив: «Любые требования инспекции мы выполним».

В каюте капитана сидели четверо бородатых парней. Из карманов их комбинезонов торчали фонари. Разговор шел серьезный. Бородатые были представителями хлебной инспекции. Они уже успели осмо-

Стрелы кранов в хайфонском порту, красивейшая пещера близ Холонга, опрятные улицы городов и вездесущие мальчишки — все это Вьетнам.











Фотографии А. ЛИБЕРМАНА, А. МИНЕЕВА.

треть трюмы и пришли к капитану с заявлением: «Пока переборки не будут очищены до металла, погрузку не разрешат».

— Для ваших матросов,— сказал старший из них,— эта работа недели на две. Но вы можете обратиться за помощью к американской компании по зачистке трюмов. Вам все сделают дней за пять.

— Сколько это будет стоить? — спросил капитан.

— Примерно двадцать тысяч долларов.

— Я посоветуюсь с экипажем.

Собрание было коротким.

— Я уверен, что мы справимся раньше установленного американцами срока,— сказал председатель судового профсоюзного комитета Станислав Харитонов.— Только нужно, чтобы в трюмах работали все!

За это предложение проголосовали единогласно.

Зачистка «до металла» заняла пять дней. Это были трудные дни. Сменяясь с вахт, люди торопились в гулкую пустоту трюмов, освещаемых по вечерам переносными люстрами. Штурман и моторист, механик и матрос работали рядом. Один трюм вызывал на соревнование другой. Наблюдая за нашей дружной работой, агент увидел в одном из трюмов судового врача — Василия Михайловича Ковальчука, который накануне давал ему таблетки от головной боли. Врач вместе с матросами оббивал ржавчину.

— Странные вы все-таки люди,— сказал капитану американец.

— Не странные, а советские! — засмеялся капитан.

Когда трюмы были готовы, на борт снова поднялись представители хлебной инспекции. Внимательно осматривая переборки, заглядывая во все закоулки, они тщетно пытались найти хоть кусочек ржавчины. Наконец, старший из них вылез из последнего трюма и улыбнулся капитану:

— О'кей!

Отход под погрузку неожиданно задержался. К элеватору, где был приготовлен для нас груз, стало другое судно. Экипаж томился, поглядывая с палубы на близкий, но недосягаемый берег. И тогда капитан позвонил в советское посольство. На следующий день экипажу были выписаны пропуска, и наши матросы и мотористы веселой гурьбой отправились открывать для себя Америку!

...Автобус остановился возле уютного сквера. Ажурная решетка была увешана картинами уличных художников. В ослепительных красках юга блистал Новый Орлеан: улицы, мосты, небоскребы. Возле картин толпились туристы. Художники расхваливали свой товар.

Мы знакомились с «американским образом жизни». И многое в нем было для нас непривычным.

Мраморные ступени хирургической клиники. Массивная дубовая дверь. Золотистая кнопка звонка. Под звонком надпись: «В кредит не лечим». И тут же вывешен прейскурант цен за медицинские услуги: «Измерение температуры — 1 доллар. Измерение кровяного давления — 1 доллар 50 центов. Перевязка — 2 доллара 50 центов».

Объявление в большом универсальном магазине: «Требуется продавец. Возраст не более 25 лет. Мужчин старше просим предложениями не беспокоить».

На центральной улице Нового Орлеана Кэнэлстрит мы увидели книжный магазин. Решили заглянуть. Нас встретила симпатичная девушка, сияя улыбкой.

— У вас есть детские книги? — спросил я.

— Конечно!

И девушка выложила на прилавок гору комиксов.

— А Марк Твен, Стивенсон, Диккенс?

— Это там.

Она показала на лестницу, ведущую на второй этаж.

Поднявшись наверх, мы увидели любимые с детства книги. «Приключения Тома Сойера», «Остров сокровищ», «Оливер Твист». Покупателей не было. Залюбовавшись пылившимся на полках богатством, мы не заметили, как подошел продавец.

Разговорились. Продавца звали Боб. Было ему 25 лет. Он окончил университет, преподавал в школе. Но потом штат педагогов сократили, и он с трудом устроился продавцом в этот магазин. Боб никогда не видел советских людей, хотя слышит о них по радио и телевидению ежедневно. Он смотрел на нас с таким любопытством, словно мы были по меньшей мере прилетевшими из космоса марсианами! Он затеребил нас вопросами: «Правда, что у вас нет личной свободы? Правда, что вы хотите напасть на Америку? Правда ли...»

— Ну, а вы верите всему этому?

Боб как-то неуверенно ответил:

— Не-е-т...

Чувствовалось, что этот молодой американец имеет весьма смутное представление о нашей стране. И когда мы сказали, что книги, которые пылятся в его отделе, у нас раскупили бы в один миг, он быстро спросил:

— Они у вас запрещены?

Подавив улыбки, мы объяснили ему, что спрос на эти книги в нашей стране так велик, что их просто не хватает. И тогда он воскликнул с неподдельным отчаянием:

— Так покупайте их у нас!

Мы долго объясняли ему простые истины, известные любому советскому школьнику. А он нет-нет и возвращался к тревожившему его вопросу: «Правда ли, что Советский Союз собирается напасть на Америку?..»

Грузиться мы пошли вверх по реке, к элеватору, расположенному возле небольшого городка Бернсайд. Было раннее утро. За невысоким лесом, чуть тронутые солнцем, тянулись хлопковые плантации с черными фигурками людей.

Погрузка началась сразу, и теплоход заволокло густым облаком пыли. Грузчики, молодые парни, как мельники, запорошенные соевой мукой, вылезая из трюмов, торопились к нашему камбузу, где повар выставил для них холодный квас.

В обеденный перерыв грузчики окружали наших ребят. Нехватку слов заменяли жесты, а непонятный вопрос пояснялся рисунком на листке бумаги. Американских парней интересовало, есть ли у нас биржа труда, оплачивают ли рабочим отпуск и можно ли в Советском Союзе ездить из одного города в другой без пропуска?

— А правда, что у вас принудительный труд? — спросил один грузчик.

Принудительный труд, за который дают государственные награды!

— А ну, Слава, покажись!

Удивлению молодых американцев не было предела, когда они узнали, что стоящий перед ними моторист Слава Харитонов, их ровесник, простой парень в замасленной робе, с такими же, как у них, натруженными руками, награжден правительственной наградой. И не за воинский подвиг, за труд!..

На Миссисипи опустилась ночь. Но река не спала. Гудели в темноте пароходы, скрежетала невдалеке землечерпалка и, освещая прожекторами палубу «Аркадия Гайдара», пылил элеватор, заканчивая погрузку наших трюмов...





Такая разная Америка — приземистая и устремленная в небо.



Делегация пионеров из города Канева — на теплоходе «Аркадий Гайдар».



Фотографии В. МОЧАЛОВА, А. МОРОЗОВА.

Случай на маяке Джебель-Таир

Сначала никто у нас не придал особого значения этой истории. Мало ли что случается в затянувшемся на долгие месяцы плавании! Но вот недавно догнало нас запоздалое послание, которое заставило как бы заново «прокрутить» случившееся, и я снова увидел затерявшийся в Красном море небольшой остров...

В отделе кадров Черноморского пароходства нашему капитану вручили письмо с просьбой зачитать экипажу. Вот текст письма:

«Посольство СССР, Джибути.

Его Превосходительству господину Послу.

Ваше Превосходительство, в качестве Генерального директора компании Ред Си Лайтс (Джибути) хочу выразить глубокую благодарность врачу, капитану и его помощникам, а также всему экипажу советского теплохода «Аркадий Гайдар» за оказание медицинской помощи г-ну Муссе Мохамеду Али, помощнику смотрителя маяка на острове Джебель-Таир.

Приятно убедиться, что в мире, разделенном политическими, расовыми и религиозными предрассудками, по-прежнему существует старая традиция, согласно которой моряк всегда придет на помощь другому моряку, оказавшемуся в беде.

Остаюсь, Ваше Превосходительство, искренне Ваш.

Л. Дж. Хьюс, Генеральный директор компании Ред Си Лайтс (Джибути)».

Что же произошло на маяке?

Возвращаясь домой после долгого плавания, «Аркадий Гайдар» вошел в Красное море. Был обычный будничный день.

Вдруг по судовой трансляции раздался тревожный голос:

— Врачу срочно подняться на мостик!

В штурманской рубке Василий Михайлович Ко-

вальчук увидел склонившегося над картой капитана. Отложив циркуль, тот протянул врачу радиограмму:

— Получил из Джибути. На маяке Джебель-Таир человек умирает. Просят оказать помощь.

Подойдя к острову, теплоход лег в дрейф. Стать на якорь мешали большие глубины. А возле острова лоция указывала на коралловые рифы. С мостика было видно, как на рифах кипит прибой.

К берегу пошли на моторном боте. Несколько раз его днище ударилось о грунт, и если бы не умелое маневрирование сидевшего на руле второго помощника Костроменко, бот разнесло бы в щепы!

Наконец, улучив момент, Владимир Костроменко дал команду механику прибавить обороты и на полном ходу подошел к берегу. Моряки попрыгали за борт и быстро, как рыбачью шаланду, вытащили бот из воды.

На маяке жили пять человек: четверо темнокожих молодых парней из Джибути и смотритель, старик итальянец. Трое несли вахту у работавшего в моторном отсеке движка, возили на ослике из-под горы в канистрах солярку и воду, доставляемые с материка, а четвертый готовил еду. Старик следил по ночам за огнем маяка. Эту работу он не доверял никому.

Заболел моторист Мусса. Он лежал в углу слабо освещенного аккумуляторной лампочкой помещения и прерывисто дышал. Положение критическое. Нужно было немедленно поддержать работу сердца. Около четырех часов шла борьба за жизнь больного. Но вот на измученном лице Муссы появилась слабая улыбка. И тогда старый смотритель заплакал.

Когда больной задремал, старик пригласил моряков к себе. Жил он в соседнем помещении. Вся обстановка — грубо сколоченный стол, несколько расшатанных стульев и заправленная рваным одеялом кровать.

Старик был уверен, что сидевшие перед ним уставшие люди присланы из Джибути. Когда же он узнал, что мы советские моряки, радость его была безмерной.

— Москва? Москва? — то и дело переспрашивал старик.

Старый итальянец оказался коммунистом. Он лично знал боевого вождя Итальянской компартии Пальмиро Тольятти, сражался с гитлеровцами в рядах Сопротивления, после войны участвовал в стычках с неофашистами, был в первых рядах демонстрантов, протестовавших против размещения на итальянской земле американских военных баз и ядерных ракет. Но, попав в «черные списки», остался без работы, долго скитался по стране в поисках любого дела, чтобы заработать на кусок хлеба, и наконец был вынужден покинуть родину...

— О, мадонна! — восклицал старик, суетливо расставляя на столе скудную снедь.— Москва!

Уходили с маяка под утро. Старик проводил Василия Михайловича и его товарищей до выступа горы.

Помощники смотрителя помогли гайдаровцам столкнуть в воду мотобот и долго махали вслед.

К вечеру, когда «Аркадий Гайдар» был уже далеко от острова, из Джибути сообщили: «Мусса Мохамед Али доставлен вертолетом в госпиталь». А на следующее утро радист принял вторую радиограмму: «Больной оперирован, чувствует себя хорошо. Счастливого плавания, дорогие советские моряки».

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

АНОНС

ВСЕХ, ВСЕХ, ВСЕХ,

кто заметил отсутствие «ПЕРЕМЕНКИ» в 3-м номере «Пионера»,

ПОЗДРАВЛЯЕМ С ПЕРВЫМ АПРЕЛЯ!

Здорово мы вас напугали?

Обещаем, что впредь так шутить не будем.

Мы вообще шутить сейчас с вами не собираемся. И потому сообщаем вам совершенно серьезно:

в этом номере вам придется попрощаться с Большой «Переменкой». И впредь отдыхать на маленьких.

Зато с пятого номера журнала у нас появится «Сатирикончик». Что это такое и с чем его едят?

«Сатирикончик» ни с чем не едят. Его читают. Но от этого чтения у некоторых наших читателей может пропасть аппетит. Почему?

Потому что «Сатирикончик» ведет свое название от слова «сатира». А цель сатиры, говоря «высоким штилем»,— возбуждать и оживлять воспоминание о добре, истине, красоте, оскорбляемых глупостью, низостью и пороком. Но делать это, естественно, смешно. Вот таким «возбуждением и оживлением» мы и собираемся заняться в «Сатирикончике». И тут, понятно, некоторые могут потерять аппетит.

Надо еще сказать, что слово «Сатирикон» придумали до нас. То есть до нашей эры. Во втором веке. Римский писатель Петроний. Он в романе с таким названием древнюю римскую жизнь высмеивал. А потом, уже в нашем веке, и уже в нашей стране, но до революции, выходил журнал «Сатирикон». Теперь, совсем недавно, появился театр «Сатирикон».

Однако у нас не «Сатирикон», а «Сатирикончик». Но не потому, что «Сатирикончик» будет высмеивать меньшие недостатки, чем «Сатирикон», а потому что он сам маленький — всего на двух журнальных страничках.

И пусть тот, кто себя на этих страничках узнает,— потеряет аппетит.

А всем остальным: «Приятного аппетита!».



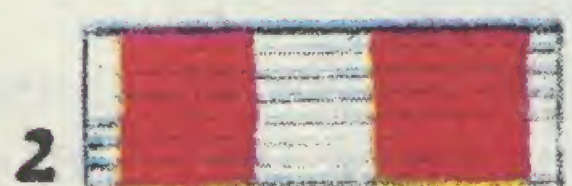
Апрель. Весна.

Для каждого из нас она созвучна с миром, радостью, каникулами, первыми цветами, травами. И еще — с войной. Той, которая закончилась сорок три года назад — 9 мая 1945 года.

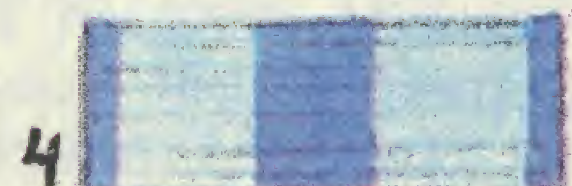
В ознаменование нынешней победной даты редакция журнала «Пионер» **проводит викторину**

«Ордена и медали Великой Отечественной войны»


1

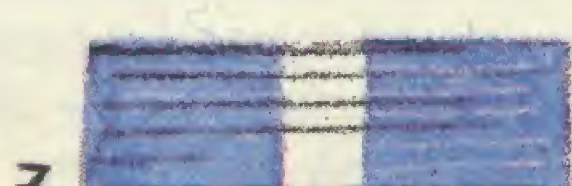

2


3

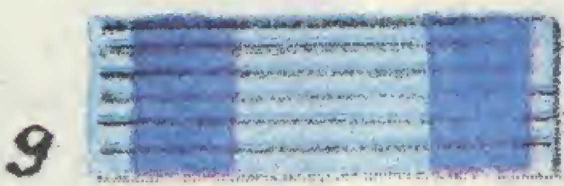

4


5


6


7


8


9

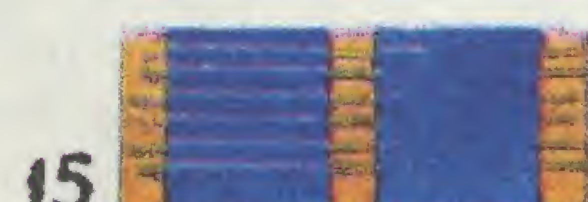

10


11


12


13


14


15


16


17


18


19

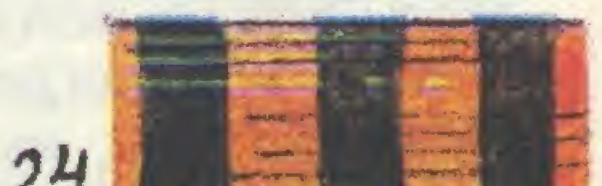

20

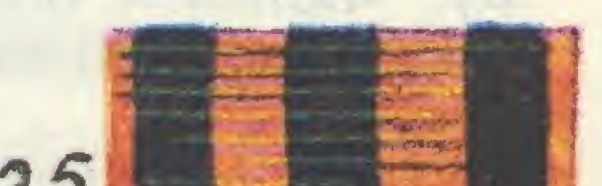

52


21


22


23


24


25



Задания викторины:

1. На рисунке ты видишь орденские планки. Каждая из них соответствует конкретному ордену, конкретной медали. Назови эти ордена и медали.
2. В каком году, месяце, в какой день были учреждены эти ордена и медали?
3. Кому и за какие подвиги вручались эти награды?
4. Расскажи подробно об известных тебе людях, заслуживших ту или иную военную награду. Чем она им памятна?
5. Если ты хочешь завоевать призовое место, оформи альбом и пришли в редакцию журнала «Пионер».

РАБОТЫ НАДО ВЫСЫЛАТЬ ДО 1 ИЮНЯ 1988 ГОДА.

ИТОГИ ЕЕ БУДУТ ОПУБЛИКОВАНЫ В № 11 ЗА 1988 ГОД.

Победители викторины получат призы — книги и фотоальбомы о Великой Отечественной войне.

53 31 38 45

32 39 46

26 33 40 47

27 34 41 48

28 35 42 49

29 36 43 50

30 37 44 51



НОВЫЕ ВАСЮКИ, 64

Таков был странный обратный адрес на толстом конверте, пришедшем в редакцию журнала «Пионер». «Наверное, в Новых Васюках нет улиц, одни дома под номерами»,— решили сотрудники редакции и вскрыли интригующий конверт.

«Наш шахматный клуб — кузница гроссмейстерских кадров,— сообщал в своем письме семиклассник Ося Б. из Новых Васюков.— Каждый год мы празднуем день рождения нашего клуба 22 июня 1927 года... Я тоже мечтаю стать гроссмейстером и пойти дальше своего знаменитого деда — шахматиста и комбинатора. Многие думают, что шахматы — это яркий, но короткий эпизод его неспокойной жизни. Нет. Мой дед серьезно увлекся шахматами. «Это одно из главных дел моей жизни»,— говорит он. Сейчас дед преподает в нашем шахматном клубе. Высылаю записи занятий в качестве обмена опытом».

Записи Оси Б. напомнили нам что-то общеизвестное, общелюбимое, всемирно-остроумное. Решено! — будем печатать их с продолжением.

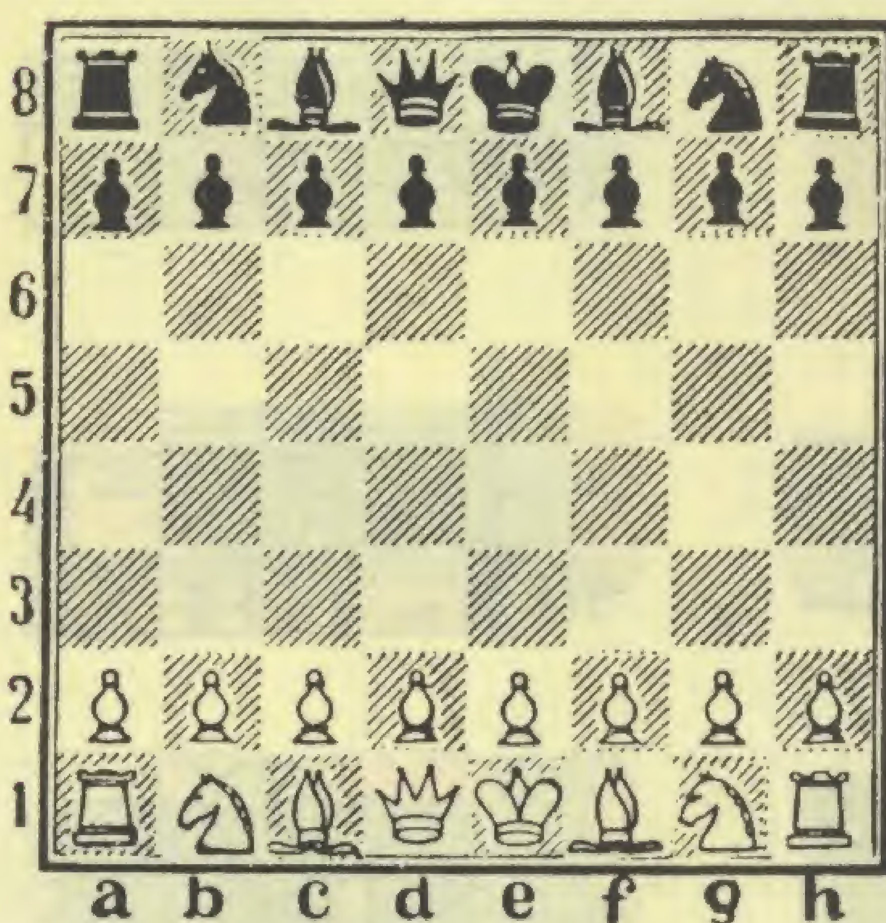
«Для начинающих у нас работает БЮРО ШАХМАТНОЙ ПОМОЩИ. Кто начинает заниматься в этом «Бюро», тот начинает играть в шахматы»— из письма Оси Б.

Поле боя и войска

В шахматы играют на квадратной (шахматной) доске, имеющей 64 поля, попеременно светлых и темных.

Армия каждого из играющих состоит из 16 фигур. Один из партнеров играет белыми, другой — черными фигурами.

Постройте шахматные войска лицом друг к другу так, как это показано на рисунке.



Такое изображение позиции называется диаграммой, и белые фигуры на ней всегда идут снизу вверх. Обратите внимание, что белое угловое поле должно быть справа от играющего.

На первой горизонтали белые фигуры расположены в таком порядке (слева направо): ладья, конь, слон, ферзь (заметьте, ферзь «любит» свой цвет), король, слон, конь и ладья. Восемь белых пешек занимают вторую горизонталь. Фигуры черных симметрично стоят на седьмой и восьмой горизонталях.

Перед началом игры фигуры всегда располагаются в таком порядке, и поэтому позиция на диаграмме называется начальной.

Шахматные «ноты»

Каждое слово состоит из букв, каждую мелодию музыкант может разыграть по нотам. У шахмат есть своя азбука, свои ноты, зная которые можно разыграть любую напечатанную партию, записать любое расположение фигур на доске.

Посмотрите снова на диаграмму: все горизонтали доски, начиная с ближайшей к белым, обозначаются цифрами от 1 до 8, вертикали — первыми буквами латинского алфавита — a, b, c, d, e, f, g, h (эти буквы произносятся так: а, бэ, цэ, дэ, е, эф, жэ, аш). Счет ведется со стороны белых снизу вверх и слева направо. Каждое поле обозначается сочетанием буквы и цифры. Например, поле пересечения четвертой горизонтали и вертикали «е» записывается так: е4. Для тех, кто играет в «морской бой», шахматная нотация не представляет никаких проблем.

При записи фигуры имеют сокращенные наименования, они обозначаются своими первыми буквами: король — Кр, ферзь —

Ф, ладья — Л, слон — С, конь — К, пешки — пп.

Теперь мы уже легко можем записать начальную позицию, приведенную на диаграмме:

Белые: Кре1, Фd1, Ла1, Лh1, Сc1, Сf1, Кb1, Кg1, пп. а2, b2, с2, d2, е2, f2, g2, h2.

Черные: Кре8, Фd8, Ла8, Лh8, Сc8, Сf8, Кb8, Кg8, пп. а7, b7, с7, d7, е7, f7, g7, h7.

В следующий раз мы узнаем, как шахматные фигуры передвигаются на доске.

«А те, кто умеет переставлять фигуры, кто твердо знает, что такое «е2—е4» и другое, кто уже имеет разряд, тот ходит в МАСТЕРСКУЮ БУДУЩИХ ГРОССМЕЙСТЕРОВ и повышает свое мастерство»— из письма Оси Б.

Красота атак

Во время первого в истории шахмат международного турнира (Лондон, 1851 г.) замечательный немецкий мастер А. Андерсен сыграл очень красивую партию, которая привлекла всеобщее внимание.

Андерсен — Кизерецкий
Королевский гамбит

1. е4 е5 2. f4 ef 3. Сс4 Фh4+ 4. Kpf1 b5 5. С: b5 Кf6 6. Кf3 Фh6 7. d3 Кh5 8. Кh4 Фg5 9. Кf5 с6 10. g4 Кf6 11. Лg1! Тонкая позиционная жертва фигуры. Белые выигрывают время для развития своих сил и получают для коня отличное поле **d5.**

11...cb 12. h4 Фg6 13. h5 Фg5 14. Фf3 Кg8 15. С:f4 Фf6 16. Кс3 Сс5 (надежнее 16... Сb7) **17. Кd5 Ф:b2 18. Сd6!** Белые предлагают в жертву любую ладью — на выбор!

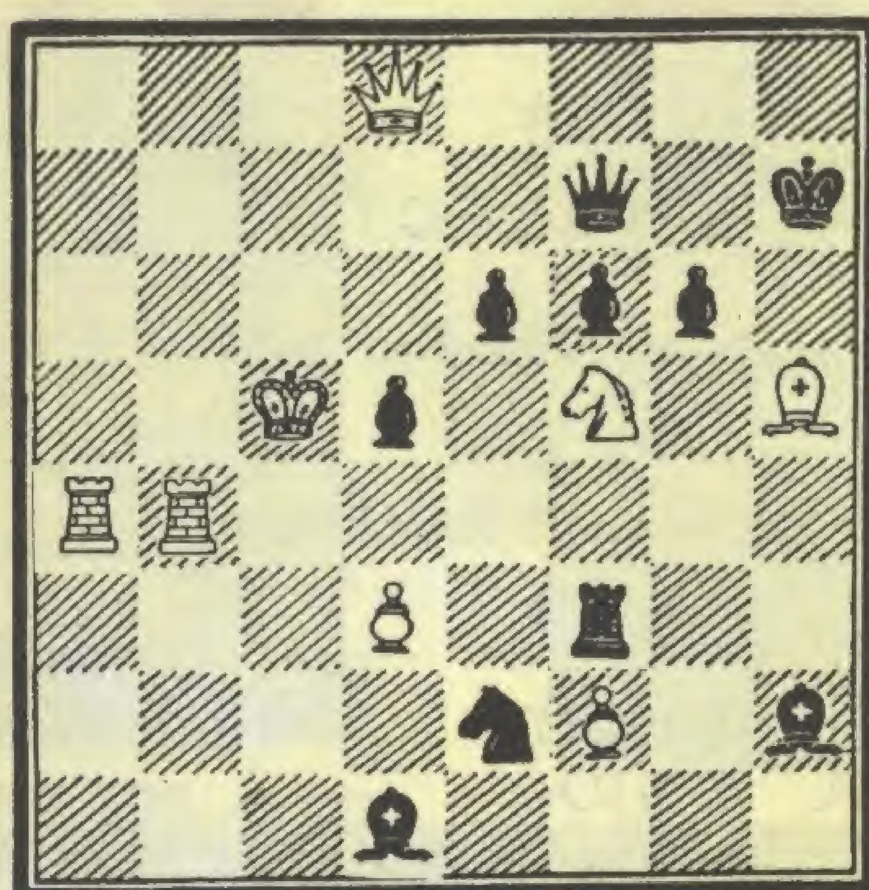
18...С:g1 (лучше было 18...Ф:а1+ 19. Кре2 Фb2!) 19.е5! Очень эффектно — белые отдают третью фигуру подряд.

19...Ф:а1+ 20. Кре2 Ка6 (упорнее было, но также не спасало 20...Са6) **21. К:g7+ Кpd8 22. Фf6+!** (чрезвычайно красивый финал с жертвой уже самого ферзя) **22...К:f6 23. Се7Х.**

Посмотрите эту партию повнимательнее — легче будет понять, почему в шахматной летописи она получила название «бессмертной».

Шахматные композиторы решили не отставать, и через несколько лет была составлена «бессмертная» задача.

К. Байер, 1856 г.



Белые начинают и дают мат в девять ходов.

Решение действительно чрезвычайно изящно — отдав все свои фигуры, белые ставят мат единственной оставшейся на доске пешкой.

1. Лb7 Ф:b7 2. С:g6+ Кр:g6 3. Фg8+ Кр:f5 4. Фg4+ Кре5 5. Фh5+ Лf5 6. f4+ С:f4 7. Ф:е2+ С:е2 8. Ле4+dе 9. d4Х.

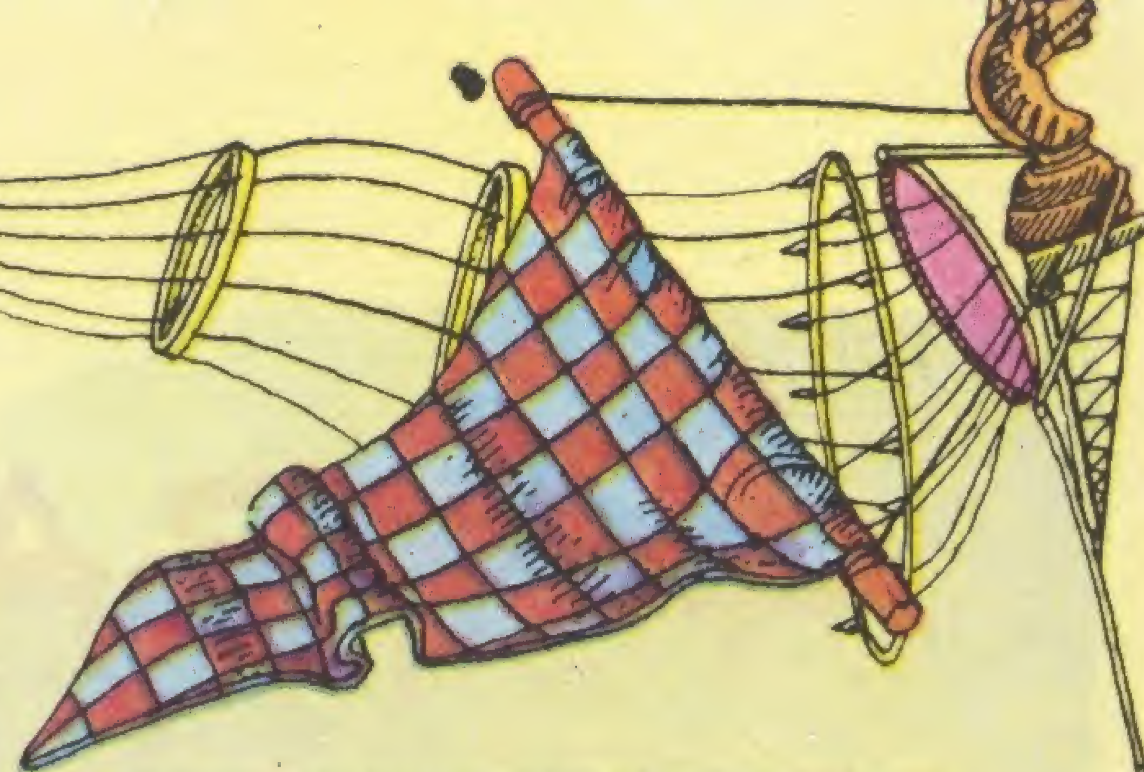
У шахматистов, играющих по переписке, нет своей официальной «бессмертной» партии. Но вот сравнительно недавно, в 1964 году, появился достойный претендент на это звание: события во встрече двух шведских мастеров развивались так необычно и красиво, что финальная матовая картина была даже зафиксирована на специальной почтовой марке.

А. Сундин — Э. Андерссон
Французская защита

1. d4 е6 2. е4 d5 3. Кс3 Сb4 4. е5 Фd7 5. Сd2 b6 6. Фg4 Ке7 7. Фg4 b6 8. Сb5 с6 9. Сd3 Са6 10. С:а6 К:а6 11. Фе2 Фb7 12. Кf3 Лb8 13. Кpf2 С:с3 14. bc с5 15. Фb5+Кс6 16. Лаb1 0—0 17. g4 Ка5 (гораздо сильнее было 17...f6) **18. f5 Кс4 19. f6 Кс7 20. Фb3 Фс6 21. Сh6 Лfс8 22. h4 а5 23. h5! а4 24. hg fg 25. Кg5! аb 26. f7+Кph8 27. К:h7 bc 28. Кf6 cbФ 29. f8Ф+ Л:f8 30. Сg7+ Кр:g7 31. Лh7Х.**

Настоящие калейдоскопы жертв во всех трех шахматных произведениях!

«В ПОДУМАЙ И РЕШИ все желающие шлифуют свое шахматное мастерство. Шлифуйте и вы, если хотите»— из письма Оси Б.



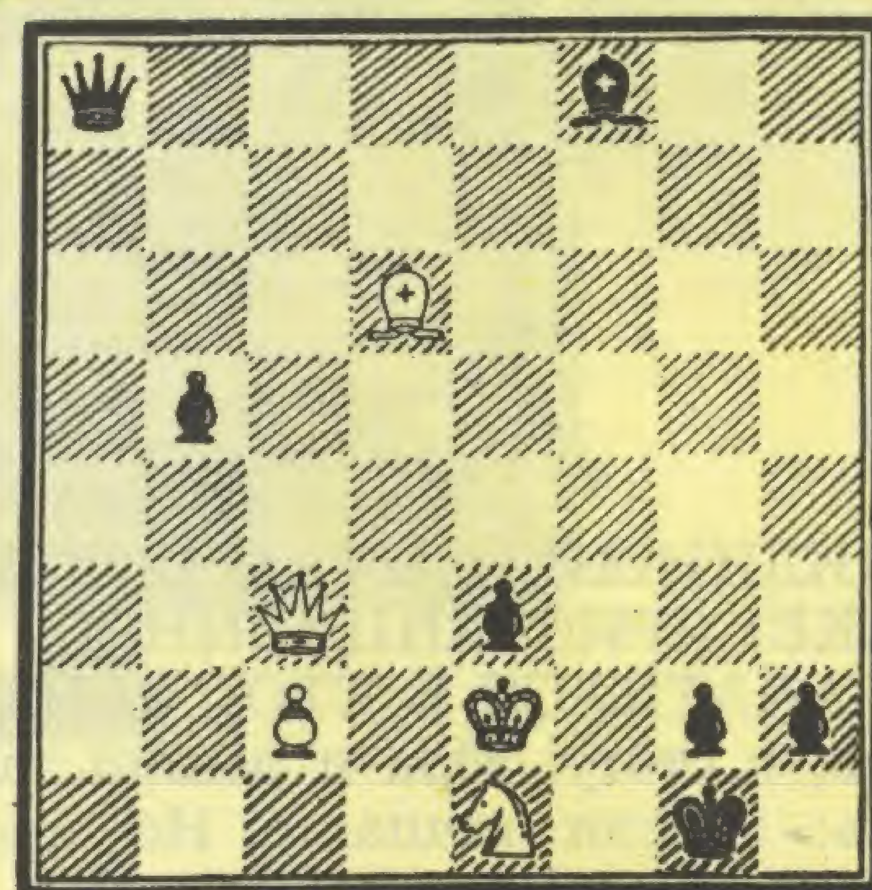


Диаграмма 3

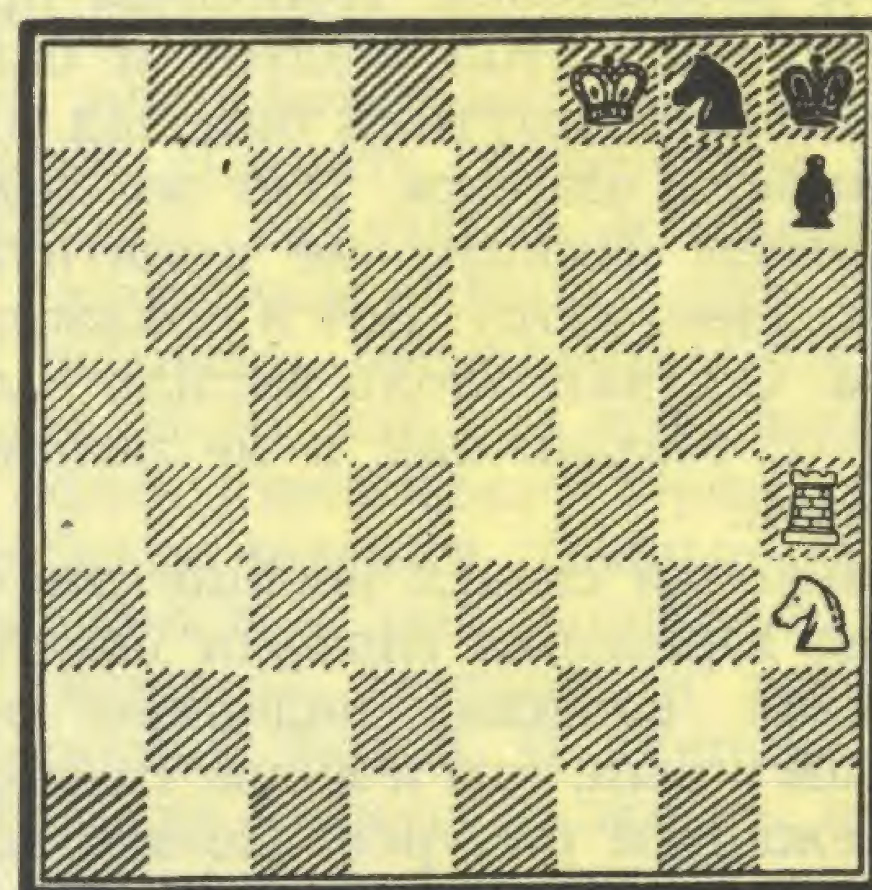


Диаграмма 4

«А еще у нас действует ШАХМАТНАЯ ГОСТИНАЯ, в которой дед рассказывает веселые шахматные истории»— из письма Оси Б.

Стоп! Веселые истории из «Шахматной гостиной» редакция «Пионера» поместит в следующем шахматном выпуске. А сейчас — **призыв на прощание.**

Ребята! Те, кто догадался, что нам напомнил Ося Б. из Н. Васюков, и те, кто решил принять участие в наших новых шахматных занятиях, пишите по адресу: 101459, Москва, Бумажный проезд, 14, журнал «Пионер», для Оси Б. из Новых Васюков, 64.

Рисунок А. БАЛДИНА.

Илья МОСКВИН

ФОРВАРД — В ЗАЩИТУ

ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в №№ 2,3.

Рисунки Л. ХАЧАТРЯНА.

НЕВИДИМЫЙ МЯЧ МЧАЛСЯ ПО ТЕМНОЙ ОПУШКЕ ПРИСТАНЦИОННОГО ЛЕСА, А ПОТОМ ЗАКАТИЛСЯ В СТОГ СЕНА.

Здесь, в стогу, Юра и решил заночевать. Но не спалось: мысли мешали. Но иногда он дремал и даже видел сны.

Снова пинг-понг. Он подал — р-раз! А шарик — хляск и развалился. Поползли прямо на шикарный ореховый стол желток и белок. Все кругом захохотали: подшутили они над ним — подсунули яйцо вместо шарика. Это за ложку. За то, что душу отвел. Никому не понятную и никому не нужную здесь душу. Вот и показал всем, откуда он и зачем. Ох, как плохо вышло с ложкой! А всего хуже — с тезкой: так и не поговорил, пришлось уматывать.

А имело ли смысл вообще говорить?

Перед Юриными глазами стали один за одним загораться снимки, виденные на капитанской даче. Там и сын, там и жена. Все четко, все в цвете, в надлежащем ракурсе. По-морскому, по-военному... Вспомнились совсем другие фотографии — смазанные, нечеткие, жалкие.

Нет, обойдемся без жалости.

Вот что: как бы там ни было, а Юрку Икса он свезет к родному отцу — пусть хоть познакомятся. Поворочался, поворочался Юра, да и вылез из стога. Встряхнулся — и бежать. Быстрее, быстрее — нельзя терять ни минуты. Светила луна, освещала тропинку. Бежал Юра по светлому пути. Вилась тропинка, впереди терялась. Терялась, терялась и вдруг вывела Юру на просторную лужайку. Будто лунный пруд перед ним открылся. А на том берегу — знакомая дача. Только ночью она совсем незнакомая. И лишь надпись все та же: «Лесная, 25».

Подбежал Юра к забору. Сейчас перемахнет — и... Нет, надо сначала все обдумать.

Бросился Юра обратно. А тропинка теперь не светлая, а, наоборот, темная. Луну как-то быстро закрыло. Не успел до стога добежать — дождь пошел. Побежал Юра к станции. Там и заночевал.

Утром заспанный Юра старательно считал мелочь. Негусто. И вдруг прямо над ухом:

— А ну-ка стой! Ты зачем здесь фигурироваешь?

Строгий голос. Оглянулся Юра — из газетного киоска высунулось смеющееся, подмигивающее лицо. Ну и ну. Отлегло.

— Здоров был, дядь Вась.

— Ну что, нашел Юрку?

— Ищу, дядя Вась, ищу.

— В соломе?

— Чего в соломе?

— Ищешь, говорю, в соломе?

— Почему это?

— А вот смотри,— сказал дядя Вася и вытащил из Юриных волос соломинку. Потом другую.

— А это...— начал было Юра.

— Ну, чего это?

— Как чего? Бабке помогал крышу чинить.

— Какую ж такую допотопную крышу? — изумился дядя Вася.

А тут еще Юра сестер увидел. Ольга Николаевна с сумкой и бидоном — значит, за продуктами, а Капа просто так. Увидели Юру — и к нему. Такие большие, а Юра почему-то их очень интересует. С одного бока киоск с дядей Васей, с другого сестры приближаются. Сейчас все втроем допрашивать начнут.

Подошли.

Капа как бы в задумчивости достала у Юры из-под воротника еще одну соломинку. А Ольга Николаевна сказала:

— Ты мне не поможешь? Я зайду в магазин, а ты постой за молоком.

Вскоре она вернулась, они взяли молоко и молча пошли в сторону дачи.

— Откуда ты дядю Васю знаешь? — начала она свой допрос.

— А по рыбному делу,— равнодушно соврал Юра сквозь зубы.

Юры Иксова мать замолчала. И вдруг:

— Я, кажется, знаю, зачем ты приехал.

Это не вопрос. Это просто фраза. На нее можно и промолчать. Нет, не умела эта женщина допрашивать — наверно, сама волновалась.

— Ты когда уезжаешь?

Всего-то!..

— Сегодня вечером,— ответил Юра раздраженно, досадуя на робость Ольги Николаевны: наделала делов, а теперь и не знает, что сказать.

— Сегодня вечером,— повторил он ожесточенно, помедлил и вдарил: — И уеду не один.— Остановился и с вызовом посмотрел на нее.

— С тезкой? — только и сказала она.

— Ну,— твердо ответил Юра.

Ольга Николаевна во все глаза смотрела на него.

— Ты один все это задумал? — спросила нерешительно.

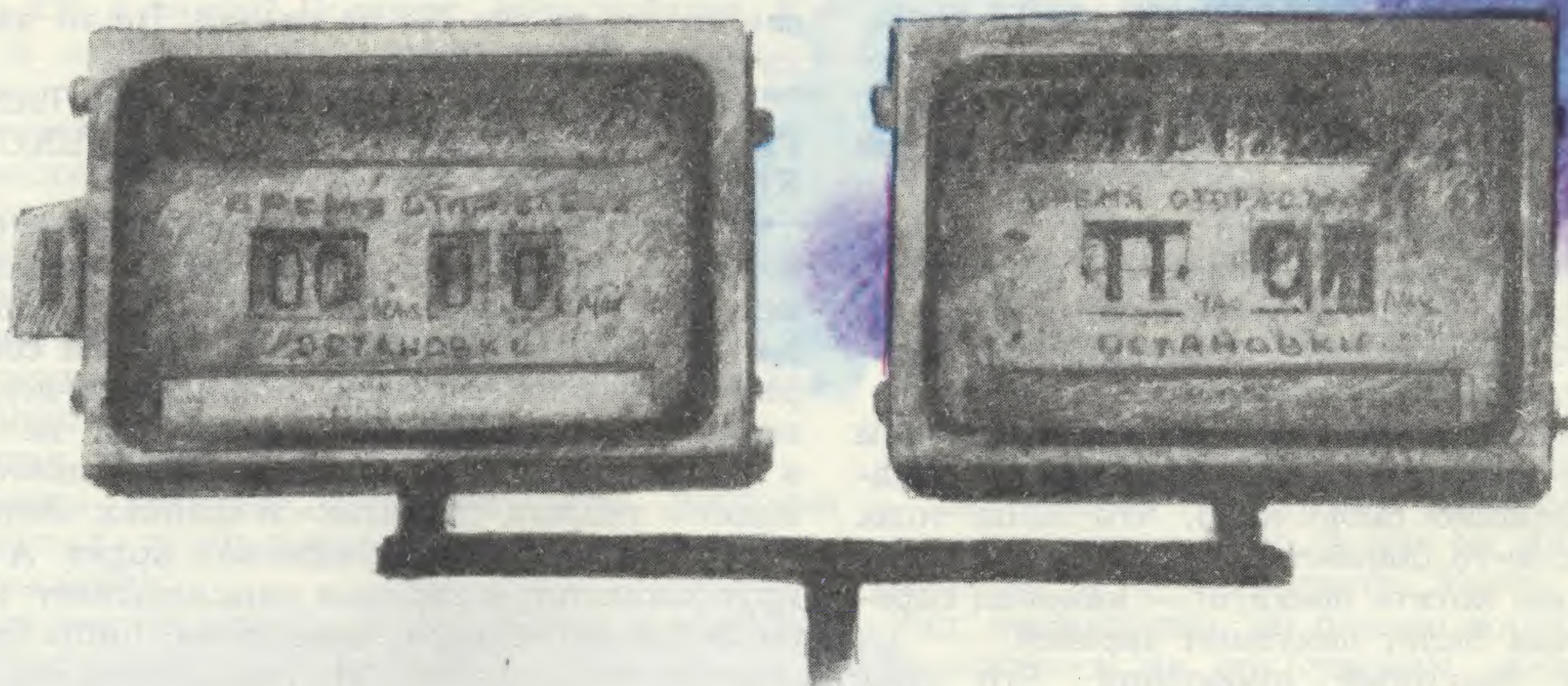
— Да! — вдруг закричал Юра.— Да! Один! Что. думаете, кто послал? Не дождетесь!

Она осторожно выговорила:

— А может, ты что-нибудь перепутал? Не туда заехал...

— Туда,— ответил он жестко, почти презрительно.— Я приехал за сыном Терновского. Константина Петровича Терновского.

Произнося эти слова, он как будто сбрасывал с души камень за камнем. И, наверно, сбрасывал их на ее душу.



Их догнала Капа. Она бесцеремонно отсортировала Юру от сестры.

— Ольга, иди домой. Тетушка, ты мне нужен. Пошли! ...Значит, никто тебя не посылал, сам приехал? — задиристо спрашивала Капа, не замедляя шаг.

— Представь себе,— отвечал Юра тоже задиристо и тоже на быстром ходу. Ему уже казалось, что он идет с каким-нибудь своим сверстником, и они того гляди перейдут на бег, чтобы успеть к очередной телесерии.

Но нет, он шел со взрослой женщиной — с очаровательной Капой, как сказала бы, например, образованная Матильда.

И именно это очаровательное обстоятельство вдруг взбесило Юру. Плевать он хотел на все эти «ромео и джульетты», «айлавью» и «рандеву» — таким нарочито случайным набором слов он привык мысленно называть бесконечные перепевы о любви и красоте. И то, что все эти слова были нерусские, еще более утверждало Юрину отстраненность от подобных явлений. Темные это были явления и враждебные — они почему-то всегда соседствовали с изменой, ссорами и предательством, губили хороших людей. В лучшем случае они только отягощали, засоряли жизнь или, сосредоточившись вот в такой «красивой», «очаровательной», «восхитительной», «обворожительной» Капе, заставляли Юру вдруг краснеть или растягивали его плотно сжатый мужественный рот в нескладную, конфузливую улыбку. А он так хотел быть сильным и не хотел быть мямлей. А ЮАГ в этом был с ним заодно.

Но Капа ничего этого не знала.

— Ой ли? — лукаво сощурилась она.— Так уж никто и не посылал?

Юра почувствовал, что его рот, становясь неу-

правляемым, начинает расплываться то ли в виноватую, то ли в смущенную, то ли еще в какую-нибудь «нежную» улыбку. И он, не помня себя, закричал:

— Сам! Сам! Понимаете?!! Сам!!! — Он услышал со стороны свой голос, звучавший резко, высоко и истерично, в приятном предчувствии срыва, при котором все дозволено: — Сам!!! Так вашей сестре и передайте. Слышите?!! У Кости полно невест... Его все уважают... Он лауреат... У него всего навалом... У него... Плевал он на таких... У него невеста — Таня Енакиева, чемпионка по художественной гимнастике... Слыхали?.. Он ненавидит предательство. Вы поняли?!

И вдруг замолчал, насмерть напуганный своим бредовым выступлением (а про Енакиеву — стыдто какой!). Странно было и то, что Капа тоже молчала. При ее-то бойкости...

— Как же вы хотите поехать? — наконец спросила она.— Ведь билет покупают заранее.

— У меня знакомый проводник. Его рейс в 21.35 с Курского вокзала,— немного оторопев от ее заботливого тона, ответил Юра.

И тут Капа сказала мягко:

— Пойдем к нам. Не бойся, все будет по-твоему.

Но тут же чего-то испугалась:

— Нет, знаешь, встретимся... Встретитесь,— поправилась она,— здесь, у газетного киоска, в 20.00. В 20.09 будет электричка.

Строго посмотрела на Юру и повторила:

— В 20.00.

Открыла сумку, достала десять рублей.

— Это приказ. Сейчас сядешь на электричку, доедешь до следующей станции. Там отличное кафе. Позавтракаешь, пообедаешь и так далее. Рядом «Промтовары». Купишь плавки — и на озеро. Там пляж лучше морского. Отдыхай. А в 20.00 — у киоска... Да! — Она усмехнулась.— Не падай в обморок, если вечером будут какие-нибудь неожиданности.

Сказала это, крепко обняла Юру за плечи и быстро ушла.

А Юра с деньгами в руках остался стоять. Стоял и еще, наверно, с минуту ошарашенно и глупо улыбался. «Как в кино,— думал он.— Сплошное рандеву». Но неожиданно вздрогнул и бросился за Капой.

Вон она, рыжая,— уже далеко впереди. «А, может, не надо? — забормотал не отстававший ЮАГ.— Капа хорошая. Она от души». «Разберемся потом»,— отмахивался Юра...

Вчера его плотно накормили, как какого-нибудь сироту несчастного. Потом соломинку из-под воротника вытащили — знаем, мол, где ты, правдолюб, ночевал. Хоть и заливал про какую-то дачу. А теперь вот и десятку дали — поешь, голодненький, холодненький, бездомненький. Купи себе чего-нибудь. Отдыхай...

Нет, раз уже тебя «засветили», то тогда так: в стогу — так в стогу. Зайцем — так зайцем. Голодный — так голодный. Без денег — так без денег.

Догнать, догнать, хоть дух вон!

И вот они — удивленные глаза полуобернувшейся Капы. И вот они — чеканные Юрины слова:

— Как договорились, в 20.00. А десять рэ — это, наверно, вы по ошибке...

И почему она сказала — не падай в обморок?..

День заслуженного отдыха подходил к концу. Юра лежал на песке и смотрел на ребят, в кружок играющих в волейбол. Кто-то сказал (да отец — кто же еще!): у кого в голове шариков не хватает, тот эти самые шарики и любит — бильярд, пинг-понг, опять же волейбол и футбол. Стало быть, у него шариков не хватает... А ведь он тоже кое-что за родителями замечает — такое, чего бы он сам ну ни за что бы не сделал. Не то что глупые какие поступки, а так...

И ЮРА, ТЕПЕРЬ УЖЕ ЛЕЖА НА ТАХТЕ, ПОГНАЛ НЕВИДИМЫЙ МЯЧ В ДАЛЕКОЕ-ДАЛЕКОЕ ДЕТСТВО.

Лет девять ему тогда было. Прибегает он как-то домой с футбола, а у них сидит довольно-таки непонятный Юрин родственник — папин дядя. Кто он Юре — дядя или дедушка? Он совсем старый — Филипп Алексеич. Больше молчит, но когда скажет, то обязательно правду. И не в бровь, а в глаз. Например: зимой холодно, поэтому люди ходят в теплых «польтах» и шапках. Летом тепло, поэтому все в одних пиджаках ходят. А мать вокруг хлопочет, и варенья подкладывает, и чай как он любит — покрепче заваривает. Лишь бы угодить семейному мудрецу. И глаза широко откроет, и слушает, и все кивает. Отец Юре подмигивал: мол, не подавай вида, надо уважить старика.

Ах, милый папа! Раз уж ты подмигиваешь, значит, мы с тобой друг друга понимаем. Зачем же вы из дядьки потом клоуна сделали? Ведь что потом было: Филипп Алексеевич доел варенье, хитро подмигнул, поудобнее уселся и говорит: «В наше время, Юра, был такой анекдот. Я тебе его сейчас расскажу... Значит, так. У матери было три сына. Два умных, а третий — футболист». Все это старик проговорил с расстановкой, с одышкой и с предвкушением большого смеха.

И мать с отцом действительно как захохочут! Как будто и впрямь впервые услыхали этот древний анекдот. Ясно было, что смеялись они над рассказчиком, над его потешной старомодностью и расстановкой. А чтобы он не догадался, то, смеясь, смотрели на Юру. А Юра не смеялся — ему за родителей стыдно стало. Тут Филипп Алексеевич еще и добавил: «Ну, Юра,— говорит,— ты понял, в чем соль?» И серьезно так на него смотрит. Мать с отцом так и попадали от смеха. А Юра вскочил из-за стола и убежал.

Но отец так ничего и не понял. Решил, что Юра обиделся. Ты, говорит, на Филиппа Алексеевича не сердись. Он человек прямой, старого закала. Я, мол, не против футбола. Помню и сам...

Эх, батя, ничего ты не помнишь! Нечего тебе помнить. Не любите футбол, дорогие родители,— не любите. Только, пожалуйста, не подлаживайтесь вы под меня! А то и я подлаживаться буду. Уже подлаживаюсь. Поехал, видите ли, собирать гербарий, как Лелик Смородинцев. Что ж, вот я и нарвал вам этих самых ромашек-лютиков... И, кстати, в нарушение закона. Чтоб вы знали — гербарии собирать запрещено...

УДАР — И ДРИБЛИНГ УЖЕ ИДЕТ ВДОЛЬ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ПОЛОТНА. Недалеко — станция. На светящихся станционных часах — 19.42. На Юриных столько же. Поблескивают рельсы. Тихой милицейской трелью переговариваются вечерние насекомые. На станции, однако, оживленно. Но это там, метрах в ста отсюда. А здесь — тихое прибежище, последнее для Юры в это лето свидание-прощание с подмосковной природой. «Не забудь и ты эти летние...»

Притащилась откуда-то большая рыхлая туча, и наступили ранние, вялые сумерки. Ромашки-лютики чуть светлеют в траве. Ожегся Юра о невидимую крапиву и понял: хватит. Запихнул ро-

машки-лютики в портфель — и бегом к станции. Встал в условленном месте у киоска...

Простучали мимо, одна за одной две электрички на Москву. Может, быстро, туда-сюда, добежать до Лесной, 25? А зачем? Пошлют куда подалее. Наверно, и деньги совали затем, чтоб отвязался. Надо было не с дамочками, а с Юркой говорить. Разболтался, вот и объегорили...

На часах уже двадцать три минуты девятого.

Вообще-то не должны были обмануть. Как Капа его обняла — прямо будто в кино. Как самая что ни на есть положительная, добрая героиня.

...Капитан! Как же он забыл! Приплыл — и все карты спутал. Недаром Капа побоялась в последний момент пустить его на дачу.

Капитан. Точно...

Половина девятого. Пригромыхала, постояла и угромыхала прочь электричка противоположного направления.

Вот почему она сказала: «Не падай в обморок, если будут какие неожиданности».

Без двадцати пяти. Все. Пора ехать.

А на чем? Тихо-тихо кругом. Никакой электрички. Все они тут замерли до утра. Не слышны даже шорохи. Так будьте же вы прокляты, подмосковные вечера, со всеми вашими Лесными, 25!

И тут напротив Юры остановился «Москвич», и из него вылез... капитан. Он был в штатском, но Юра тут же понял, что это он.

— Садись,— сказал капитан, и Юра послушно спустился с платформы и сел в машину.

— На сегодня все отменяется. Я тебя подкину до Курского,— капитан включил зажигание.— Познакомишь меня с проводником! — полуобернувшись, стал разворачиваться.— Не беспокойся, в следующий вторник он к вам приедет.

Затем Юры Икса отчим замолчал и всецело отдался автовождению. А вел он, наверно, как чемпион мира по автоспорту. Умело обгонял, менял ряд, неожиданно, но плавно тормозил. Ничего не отражалось на его суровом океаническом лице. Действовали только руки, а в глазах покоилась неподвижная командирская сосредоточенность. Они доехали очень скоро, быстро нашли нужный поезд, нужный вагон и нужного человека — проводника Наполеона.

Наполеон «производил посадку». Увидел Юру и кивнул ему. Сдержанно кивнул, но явно обрадовался встрече. Теперь, проверяя билеты, он стал придавать своей речи нарочитый кавказский акцент. Юра еще раньше заметил, что Наполеон мог говорить совсем без акцента, с легким акцентом и с акцентом самым анекдотическим. И зачем ему это было нужно?

Потом Наполеон, кликнув своего напарника, неторопливо подошел к Юре и его спутнику. Капитан на Юру только посмотрел, ничего не сказал, а Юра уж понял, что следует отойти в сторону. Загадочная штука — власть над людьми: если б, например, голова его заупрямилась, ноги все равно бы



понесли его прочь... Наполеон, однако, был в форменной одежде и говорил с капитаном, одетым в штатское, так, словно капитаном был он,— довольно заносчиво. Возможно, речь шла и о Юре,— Наполеон поглядывал в его сторону. Наконец, Юра неведомым образом догадался, что пора подойти. Капитан пожал ему руку и сказал:

— Во вторник через неделю. Терновскому ничего не говорить.

Протянул руку Наполеону и выразил свою мысль чуть иначе:

— Как договорились, двадцать третьего этим же рейсом. На вас надеюсь.

И отбыл — немногословный, подтянутый и очень волевой.

Наполеон был весел.

— Ха! — сказал он и ткнул Юре пальцем под ребро.— В международном поедешь.

...Юра не знал, что в это время к проводнице общего вагона подбежал мальчик с преувеличенным выражением беды в глазах:

— Тетя! Я бабушку провожал и ключи от квартиры забыл у нее взять... Домой теперь не попаду...



— Давай, но чтоб быстро! Поезд отправляется.

А поезд и правда вскоре поехал, увозя нового пассажира в южном направлении...

И ВОТ ДРИБЛИНГ ВОСПОМИНАНИЙ СНОВА ПРИВЕЛ ЮРУ В ОПУСТЕЛЫЙ ВАГОН-РЕСТОРАН.

Наполеон и Юра ели суп харчо. В металлических загончиках подрагивала-позвякивала веселенькая «Фанта». Подошла симпатичная — не то что в прошлый рейс — официантка:

— Что будем на второе?

— Ха! Конечно, шашлык! — анекдотическим тоном отозвался Наполеон.

— К сожалению, баранина вся кончилась.

— А кто тебе сказал, что из баранины, а? — Наполеон начал раскручивать рулон своего юмора.— Зачем из баранины, а? Будем из зайчатины. Заяц налицо, ну а специи, я думаю, найдутся.

— Не пойму я вас! — засмеялась официантка и, предчувствуя веселый кавказский разговор, присела к ним за столик.

Наполеон доел суп. Внимательно посмотрев на Юру, он очень серьезно — так, что вышло даже немножко грустно, сказал:

— Нет, есть этого зайца никак нельзя. Его место в Красной книге.

— Это у тебя хобби такое — зайцем кататься, да? — обратилась к Юре официантка, бесконечно далекая от важности момента.

Наполеон посмотрел на нее и сказал:

— Нет, это не хобби. И даже не профессия. Это в тысячу, в миллион раз важнее. Ведь такой заяц...— Наполеон на секунду задумался и вдруг произнес:— Курьер своей совести.

«Ну и ну»,— смутился Юра. Казалось, в этот момент даже поезд от неожиданности то ли замедлил ход, то ли умерил стук своих колес — так непросто прозвучали Наполеоновы слова. «Капитан,— догадался Юра.— Наверно, капитан что-то рассказал...»

Наполеон величественным жестом приказал официантке открыть «Фанту». Налил всем, встал, поднял бокал и очень серьезно провозгласил:

— Выпьем за то, чтобы для таких зайцев, как Юра, на каждой станции была особая касса с бес-



платными билетами. Ведь у курьеров совести, как правило, не бывает денег...

Тут же вспомнил, что ему нужно наведаться в свой вагон,— и ушел.

— Странно. Совсем по-другому человек говорит,— сказал Юра.— Когда мы с ним познакомились, только и слышно было: «малчик», «панымаеш», «балной, а?» — передразнил Юра.— А он вон какой!

— Это он нарочно. Чтоб в душу не лезли,— неохотно сказала официантка.— У него сын погиб.

У Наполеона сын погиб.

Убили?.. Юра уже никогда не узнает, что случилось с этим безымянным армянским мальчиком. Вроде Гаги.

ГАГИ... ПАШКА... ТОЛИК...— ВСЕХ СВОИХ ДРУЗЕЙ ОБВОДИЛ ЮРА В МЫСЛЕННОМ ДРИБЛИНГЕ.

А этого не обведешь — Юра его никогда не видел и не увидит — его уже нет. Может, он был даже и не мальчик, а взрослый парень...

Необычная мысль пришла Юре в голову.

Вот он лежит в своей комнате. Где-то недалеко — в поле его зрения, в поле его мыслей находятся Гаги, Матильда, Евгеньич, конечно, папа с мамой, да мало ли еще кто? Славик со своей матерью, Пашка, Заза, Терновский, дядя-профессор — и так до бесконечности. Все они как бы населяют необъятный остров. Он, Юра, живет в центре острова, рядом — родители, а дальше, все дальше от него — другие люди. Чем дальше — тем меньше они ему знакомы.

А где-то совсем уж далеко, на самых берегах — теряющихся вдали, расплывчатых и зыбких — обитают люди, случайно встреченные, вроде Богданова, люди, известные понаслышке, и, пожалуй, люди еще незнакомые. Но любой из них может неожиданно оказаться рядом с ним, Юрой Головановым, и спросить: «Ну, друг, как дела?» Но может сказать и что-нибудь плохое, толкнуть, ударить. И он, Юра, может кого-нибудь толкнуть или ударить. А кто-нибудь может вообще спихнуть кого-нибудь с этого острова, с Острова Своих Современников. Спихнуть в воду, в никуда. Убить. Такое бывает. Наверно, это происходит потому, что каждый считает Остров Своих Современников собственным владением.

А он как считает?

Сам не заметил, как встал и оказался у окна. Вон оно — позорное пепелище. Отошел от окна, а оно там — за окном...

В голове, в глазах, в памяти.

Неумолимо, навязчиво наслаивается НА ДРИБЛИНГ ВОСПОМИНАНИЙ.

Наполеон отвел Юру в шикарный международный вагон — в одноместное купе. Юра мгновенно уснул, а когда проснулся, по окну хлестал серый предрассветный дождь. Болело горло, ныли спина и плечи. Тут же, тесня друг друга, заныли и мысли в голове: снова показалось, что съездил понапрасну. С тезкой, с тезкой надо было говорить, а не загорать на ихнем распрекрасном пляже!

Но, с другой стороны, капитан. Человек — уж куда надежнее. Успокоившись, как на мягкой подушке, на этой утешительной мысли, Юра снова уснул. Поезд подходил к Харькову...

И вот уже Юру будит Наполеон. Кажется, он говорил что-то веселое — про то, что можно все на свете проспать и в результате заехать в Индию или в Африку. Юра мычал, отнекивался и даже брыкался, словно ему было лет пять и перед ним был не Наполеон, а папа или мама. Наполеон стащил его с полки, поставил на пол, сунул в руку портфель и благополучно ссадил в родном городе.

...А с третьей полки общего вагона спрыгнул другой — совсем уж недисциплинированный — мальчик, ехавший не только вопреки установлениям МПС, но и воле старших. Спрыгнул с третьей полки, а потом и с поезда — тоже на перрон южного городка...

В полусонном-полубольном виде Юра заявился домой. Но, наверно, он все же не был так сильно болен, раз позволил себе уже известную выходку: достал из портфеля засохшие ромашки-лютики и, войдя в квартиру, прямо-таки упал на руки родителей ромашками-лютиками вперед. Мол, как бы ни был я болен, а долг свой все равно помню. Поехал собирать гербарий — вот вам, пожалуйста, гербарий. Как у Лелика Смородинцева...

ДРИБЛИНГ ВОСПОМИНАНИЙ ЗАВЕРШИЛСЯ. НЕВИДИМЫЙ МЯЧ ВЕРНУЛСЯ НА ТО САМОЕ МЕСТО, ОТКУДА ОН НАЧАЛ СВОЙ БЕГ.

III. ХЕТ-ТРИК

С улицы доносился знакомый вечерний шум — аккомпанементом к приятной мысли: вот я и дома. О плохом думать не хотелось.

Что там за окном — не видно, а догадаться можно.

С кем-то поздоровался Терновский — то ли куда-то пошел, то ли вернулся. Вернулся — хлопнула дверь. В неизвестном направлении двинул со своей мамашей Славик. Лихо он на нее покрикивает! Сосед сверху окликнул своего друга:

— Евгеньич, забьем?

— Забьем, Тургеньич.

Не видно, но почему-то ясно: Тургеньич только что вышел на балкон, причем в майке и с папиросой, а Евгеньич — тот уже давно сидит на балконе. Отдыхает — не вечно же «вино, кино и домино».

Матильда кричит свое:

— Бишка, фу!

— Ладно, батя, все путем.— Это Толик.

Снова подала голос Матильда — снизошла до кого-то. В словах, как всегда, изумление, что собеседник — круглый идиот, не понимает простых истин. И вдруг:

— Какой же ты трусишка!

Небывалая интонация. Необычная заботливость в голосе, а потом — сильное волнение:

— Эй, как тебя!.. Вернись, кому я сказала! Эй! Послушайте... Товарищ Черновский! — это она, наверно, уже Косте.

Юра быстро оделся и сбежал вниз. Матильда бросилась к нему:

— Здесь только что был сын Черновского.

— Терновского? — переспросил потрясенный Юра.

— Ну да. Робкий такой мальчик...

— А почему вы думаете, что это его сын?

— Ты что, полагаешь, что я сумасшедшая или слепая? Мальчик — копия отца.

«Никакая не копия,— подумал Юра.— Худенький, темный. А Костя — вон какой, и светлый. Разве что брови. Да ведь рано ему еще приехать. Да и вообще чепуха какая-то!..»

— А сам Терновский дома? — спросил Юра.

— Только что вернулся.

— Он что, сына видеть не захотел?

(«Какого сына! Что я говорю?..»)

— Еще бы не захотел! — возмутилась Матильда.— Да ведь они столько лет не виделись!

Вот как, оказывается, можно просто и вскользь говорить о таких важных вещах! Странно, что она про это знает. Юра-то думал, что она ничего дальше своего носа и носа своей таксы не видит.

— Почему же он ушел?

— Вот что, Юра! (Ничего себе, она мое имя знает!) — рассердилась вдруг Матильда.— Не морочь мне голову. Ты сам прекрасно знаешь этого мальчика. Он и о тебе спрашивал. Один идти к отцу то ли боялся, то ли стеснялся, я знаю? Постоял у двери и ушел.

Такая вот чепуха...

Вокруг уже понемножку собирался народ.

Им-то, им-то что — всем этим любопытствующим гражданам — здесь надо? Это же все его, Юры Голованова, заботы, его кровное дело. Они-то тут зачем?..

— Товарищи! Терновский пока ничего знать не должен. Не надо волновать человека. Мы обязаны найти его сына.

Эту проникновенную заботу выказал Евгеньич.



А Матильда — та вдруг вообще скомандовала:

— Всем оставаться на местах. Бишка, за мной! Во комики дают! Хоть посмеемся...

Вместе с таксой бравая Матильда скрылась в Костином подъезде. Наверно, поднялась, постояла у Костиной двери и дала обнюхать собаке какие-то следы... А еще через несколько минут все двинулись за Матильдой и Бишкой. Такса рыскала, обнюхивала разные попутные подробности, останавливалась, чтобы лучше исследовать столбы и углы домов. Иногда поднимала мордочку и смотрела на хозяйку.

Идущие следом разговаривали.

— Я как Вальку из окна увидела, сразу поняла — он!

— А мамаша-то приехать побоялась.

— А чего ей приезжать? У нее в Москве муж престижный.

— Это ж сколько ж он получает?

— Почем вы знаете? Может, она вместе с Валькой приехала.

Последнюю фразу произнес Евгеньич. Присутствовали в процессии и другие представители от доминошников, а также Славикова мама.

«Какой Валька? Почему Валька?» — теперь уже с настоящим ужасом думал Юра.

А Бишка вдруг замерла, радостно заскулила и метнулась в сторону, резко натянув поводок. Матильда поспешила за ней на своих каблуках, но тут же остановилась и, потянув собаку назад, строго прикрикнула:

— Фу! Ищи!

Мельком взглянула на одноэтажный дом через дорогу и пояснила:

— К Инге захотела. Они дружат. Славная девочка!

«Ничего себе девочка сорока лет»,— с раздражением подумал Юра, а Стефаненкова сказала:

— Какая экстравагантная дружба!

Инга, наверно, недавно прошла здесь, а теперь наигрывала в своем домишке романс «Только раз бывает в жизни встреча». Евгеньич стал подпевать совсем не подходящим для этого голосом. А такса снова рванулась, да так, что Матильде пришлось сделать небольшую пробежку на каблуках. Какая-то тетенька, а с нею и Юра нетактично засмеялись. Да и как тут удержишься!

Но замешательство было недолгим. Евгеньич умолк и оттащил Бишку назад — туда, где она еще обоняла первоначальный след. Матильда, поглаживая собаку, заставляла ее нюхать, нюхать и еще раз нюхать невидимый флюид, притаившийся где-то между автобусным билетом и чахлым кустиком травы. Но такса тоскливо смотрела в сторону Ингиного дома. Тогда собаку перенесли вперед — туда, где вряд ли могли уже пролегать Ингины следы, и опять заставили нюхать.

И Бишка смирилась — покладисто пошла дальше по длинной улице. Ее мордочка над асфальтом напоминала звукосниматель на пластинке...

Вдруг она сильно рванулась вперед, засеменила, заскулила, сдерживаемая поводком. Там, впереди, виднелся сквер не сквер, а несколько деревьев, между ними скамейка. На скамейке кто-то сидел. Заслышав голоса, этот человек — уже стало видно, что мальчик,— встал и повернулся. Это кто? Это не Юра Икс. Это... Да ведь это же чушь, абсурд! Это... Богданов.

Подмосковный Богданов в их городе...

Это что, сон? Как Матильда с ракеткой? Но ведь и Матильда — теперь не Матильда, а как бы Юрий Никулин. Не ровен час, закричит своей Бишке зычным мужским голосом: «Ко мне, Мухтар!» Неимоверно, ох, как неимоверно разворачивается жизнь!

А Богданов — лихой драчун, футболист — сразу к Юре.

— Слушай, парень, как тебя... Вратарь. Отведи меня к нему.

Юра стоял оглушенный.

— Валим отсюда! — скомандовал Богданов, злобно глядя на отряд жильцов с собакой. А жильцы уже тактично расходились, подчиняясь дирижерским мановениям Матильды.

Стефаненкова, однако, задержалась и делала вид, что читает афишу.

— Я не пойму,— начал, наконец, Юра.— Ты здесь зачем? А Юрка?.. Он что, не приедет?

— Дался тебе Юрка! — взорвался Богданов.— Со мной, понимаешь, со мной надо было говорить, раз ты такой умный. Миклуха-Маклай! Путешественник Амундсен! Я, понимаешь, я Терновского сын!

Вот это да-а-а...

— Тебя как звать? — неуверенно спросил Юра.

— Валентин, Валентин меня звать! — досадливо огрызнулся-снизошел Богданов.

— А Юрка кто?

— Брательник.

Брательник — и все тут. Вместо Юрки Икса наглый командир Богданов. Нет, это уж слишком!..

— Пошли прогуляемся,— в свою очередь, скомандовал Юра. Посмотрел на Стефаненкову: — В другую сторону.

Медленно пошли. Неимоверность происходящего постепенно тускнела.

А ведь Валентин — Костина копия. Родной сын... Стало быть, капитан Богданов живет на даче со своим родным сыном Юрой и с пасынком Валентином. Но откуда он, Юра Голованов, взял, что Костиного сына зовут Юрий?

Все. Кажется, догадался. Терновский, получив письмо от Ольги, был сам не свой, говорил сбивчиво. Он сказал: «Хороший у меня парень, Юра, вроде тебя». А я понял: «Юра — вроде тебя», будто его так зовут. Эх, надо было все толком уточнить, а потом ехать!

Нет, что-то все же не то...

— Ты чего это меня пасешь! — закричал вдруг Богданов.— Я не гулять сюда приехал.— И отдал новую команду: — Пойдем к Инге. Для начала порубаем.

— К Фоминой? — машинально переспросил Юра.

А Богданов — большой начальник — он даже не удивился, что Юра ее знает. Мол, городишко маленький,— это само собой. И лишь снисходительно пояснил:

— Матери лучшая подруга. Она часто к нам приезжает.

Валентин заметно повеселел: час свидания с отцом — час, которого он почему-то немного боялся,— откладывался. К тому же Инга была своим человеком в этом отдаленном городишке с унылыми, поросшими травой, потрескавшимися тротуарами. Он разговорился.

— Мы с мамашей сперва решили, что я с тобой поеду. Но я...— И на секунду замялся.— Словом, зря я тебе в глаз дал. Вот я и решил самостоятельно, да поскорей. Это ведь, знаешь, как? Через неделю, потом еще через неделю, а там мать вдруг передумает...

«Мы с мамашей решили, мать передумает...» — удивился Юра. Да, похоже, у них все тут уже обговорено и спланировано. И это не он за Богдановым поехал, а Богданов сам за ним, за Юрой поехал, чтоб тот с ним вместе к отцу сходил. Для моральной поддержки. Ну и ну! А что касается Валькиной матери, то... Передумает — это как понять? Значит, выходит, она тоже сюда надумала?

А что, если...

И ведь еще кто-то такое говорил. Кто? Да Евгеньич! Этот всегда все наперед знает. Говорят, он предсказал, что «Спартак» уделает «Металлиста» со счетом 7:0. Ему бы ученым работать или гадалкой. А он — «кино, вино и домино»! Но откуда у него, у Юры, такие мысли? От Евгеньича? Да нет! И насчет «Металлиста» — это, наверно, одна трепотня. Было ведь что-то еще. Но что?

Такса?

При чем тут такса?..

Нет, это все могло так и быть. На самолет — и сюда. В четыре прилетела, потом на такси. Сто километров... Так многие делают. В шесть, наверно, уже здесь была. Но почему он так решил?

И тут в Юриной голове сработала вдруг маленькая клеточка. Вроде маленькой комнатки, где, видимо, и занимались разгадкой данного обстоятельства. На двери комнатки — табличка «Отдел по



воссоединению семьи гр-на Терновского К. П.». И отдел этот вдруг выдал информацию:

ВАЛЬКИНА МАТЬ ПРИЛЕТЕЛА.

ВЗЯЛА ТАКСИ И ПОЕХАЛА ПРЯМО К КОСТЕ.

ЕВГЕНЬИЧ СТОЯЛ НА БАЛКОНЕ И ВПОЛНЕ МОГ ВИДЕТЬ ЕЕ.

НЕ ЗАСТАВ КОСТЮ, ОЛЬГА ПОШЛА К ФОМИНОЙ.

ТАКСА ШЛА ПО ОБОИМ СЛЕДАМ — МАТЕРИ И СЫНА.

ОБА ШЛИ ПО ОДНОМУ ПУТИ — В НАПРАВЛЕНИИ ДОМА ФОМИНОЙ.

ПОТОМ ОЛЬГА К НЕЙ СВЕРНУЛА.

У ЖЕНЩИН ДУХИ, У НИХ СЛЕД ЧЕТЧЕ.

ВОТ СОБАКА И ЗАБЕСПОКОИЛАСЬ.

Такая вот длинная, изломанная молния в Юриной голове сверкнула.

— Идем к Инге,— в свою очередь, скомандовал он.

Пошли.

Тут Юра и ухватил все ускользавшую от него

мысль — словно за конец порванной записи уцепился.

— Ты тоже разводишь рыб?

— На фиг мне это нужно,— презрительно ответил Валентин.

— Почему же твоя мать писала отцу, что и ты...

Валентин помрачнел. Какие-то вопросы, расспросы. Он ведь какой? Особенный. Есть у него над кем командовать, кому в морду сунуть, а друзей нет. Правда, вот этот Миклуха-вратарь...

«Нравишься ты мне чем-то,— начал Валентин подбирать слова для разговора с Юрой.— Наверно, тем, что на клоуна похож...»

— Ладно, слушай, так и быть,— сказал он вслух.— Это как военная хитрость. Чтоб с гарантией. Мол, сын тоже разводит рыб, весь в тебя пошел. Мать даже у Юрки узнавала насчет всяких лялиусов-шмалиусов, гори они синим пламенем.

«И сестру свою рыжую к этому делу подключила,— добавил про себя Юра, вспомнив Капины разговоры с племянником.— Ясненько... Ясненько, да не все. Не похож капитан на домашнего тирана. Не верится, что Валькина мать с ним расстаться хочет. Семья — уж куда крепче. Одни фотографии на стенах чего стоят! Спросить?..»

— А отчим твой — вроде нормальный мужик. Так мне показалось,— сказал Юра.

Валентин непонятно прикрыл глаза, медленно повернулся к Юре.

— Слушай, ты...— начал он со спокойной, обманной неторопливостью.— Инга говорила, тут про какого-то моего московского папу вякают. Так заруби: это все туфта и не твоего ума дело!

— Почему это не моего ума? — с выражением тонкой иронии на лице спросил Юра.

И тут Богданов ка-ак даст ему по выражению тонкой иронии! «Опять!» — мелькнула жалкая мысль и вдруг придала Юре негаданную силу. Устояв на ногах, он саданул Богданову апперкотом, да так, что тот, закрываясь, стал отходить и, наконец, сказал:

— Все, хватит. Квиты. Умеешь.

Дополнительное, теперь уж никому не нужное, а потому грустное открытие: у Богданова брови тоже чуть сросшиеся. Не такая уж это редкость среди человечества...

Двинулись дальше.

После удачной драки почему бы и не спросить:

— А чего это они... Твои. Чего они развелись?

— Вообще-то не твоего это ума.— Валентин замолчал, но вдруг бешено заорал — так, словно Юра давно: ежедневно, ежечасно, ежеминутно — пытал его этим вопросом, выматывал всю душу: — Не знаю!!! Понял?!! Не знаю!!!

А потом вдруг спросил, осененный веселой догадкой:

— Ты Юркиного отца, капитана, моим отчимом, что ли, считаешь?

— Ну да!

— Дурила! — впервые в жизни добродушно сказал Валентин.

Юра совсем растерялся и умолк — теперь уже окончательно.

Незаметно подошли к Ингиному дому. Валентин вдруг замер и невольным движением остановил Юру. И во все глаза смотрел вперед.

Калитка Ингиного дома открылась, из нее вышла пестрая компания. Какие-то женщины, Матильда и, наконец, такса. И среди них... КАПА!!!

— Мама! — резким, ломающимся от волнения голосом вскрикнул Валентин.

Капа — мать Валентина?!!

Потом Юра увидел в проеме калитки Константина Петровича. Они — эти трое — вдруг выкристаллизовались и выступили из окружающих монолитным треугольным кристаллом. Они — трое — были вершинами, а взгляды их, взволнованно обращенные друг на друга,— сторонами треугольника.

Отец и сын медленно двинулись навстречу друг другу.

Юра быстро пошел прочь.

— Юра! Постой! — закричала Капа и тем, наверно, уничтожила величие момента. Но она, видимо, считала, что никакого величия и никакой торжественности здесь и не нужно, бросилась догонять Юру...

Дома Юру уже давно ждали. Был накрыт стол.

— Садись, сын,— значительно сказал отец.

— Что, будете ругать? Врать — нехорошо? — усмехнулся Юра.

— Да, нехорошо,— вздохнул Голованов-старший.

— Вот, пожалуйста,— все еще хорохорился Юра, кивнув на увядшие ромашки-лютики, которые мать зачем-то поставила в банку с водой.— Гербарий.

— Да оставь ты свой гербарий! — в сердцах сказал отец.— Неужели ты думаешь, что мы не поняли бы тебя?

В тоне отца было что-то непростое — вроде бы обида и одновременно как бы грустное восхищение. Мать вытирала слезы.

— Я искупаюсь,— нарушил молчание Юра.— Все-таки чистота — залог здоровья. Это кроме шуток.

Юра скрылся в ванной, но тут же высунул голову.

— И вообще...— сказал он, покраснев.— Я по вас здорово соскучился.

Вот оно — долгожданное, заслуженное наслаждение — вытянуться в горячей, шевелящейся по дну ванны зеленоватыми извилистыми тенями, домашней, родной, «ванной» воде!

Это тебе не колючий, мрачный, пронзаемый всеми земными ветрами и шумами стог. Вспомнил — и замелькали вдруг цветные фотографии, виденные на капитанской даче. На них была Ольга. А на Костиных черно-белых — рыжая Капа. Только на них цвет ее волос не был виден.

И это последняя-распоследняя догадка. Все. Теперь и догадываться больше не о чем, и вспоминать больше нечего.

Разве что пятнадцать минут назад...

— Ну, спасибо тебе,— сказала Капа.— Чудо ты мое!

Она приблизила свое счастливое, смеющееся, сияющее всеми рыжими веснушками лицо к Юре и поцеловала его.

КОНЕЦ





ИГРЫ С ЧИПОМ





Бурная жизнь Фатландии





— Чип, давай во что-нибудь поиграем,— предложил Сережа своему другу,— только на этот раз давай играть по-честному!

— А я всегда играю честно! — возмутился Чип.— Жульничать умеет только очень большой компьютер, да и то с помощью программы искусственного интеллекта. А нам, маленьким машинкам, это просто не по силам.



— Ты только не обижайся, пожалуйста,— спохватился Сережа,— я просто имел в виду такую игру, где шансы у противников одинаковые. Помнишь, как мы с тобой играли в спички? Если один из игроков умеет пользоваться числами Фибоначчи, то он всегда выигрывает. И как только секрет разгадан, играть становится неинтересно.



— Понимаю, ты хочешь, чтобы я показал тебе игру без выигрышной стратегии?

— Да, что-нибудь вроде шахмат, шашек или крестиков-ноликов на бесконечном поле, только новенькое.



— Ну, для крестиков-ноликов выигрышная стратегия есть, при правильной игре всегда побеждает крестик. Только алгоритм не такой простой, как в игре со спичками или в игре «орел-решка». Он придуман в Японии, занимает три увесистых тома и состоит в переборе большого числа позиций. Это больше похоже на математическое доказательство, а не на руководство к действию.



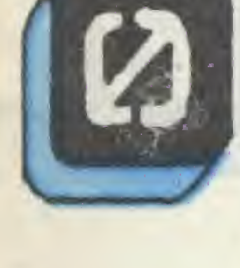
— А что за выигрышный алгоритм в игре «орел-решка»?

— Очень простой: не играть вообще.

— Чип, а есть машины, которые умеют играть в крестики-нолики по выигрышному алгоритму?



— Не знаю, но если у какого-нибудь трудолюбивого японца и хватит терпения запихнуть этот многотомный труд в программу, с таким компьютером никто не станет играть. Интересно иметь дело с противником, который играет немного лучше или немного хуже тебя, пускается в авантюры, выдает красивые идеи и вообще думает как-то по-человечески...



— Ну вот, Чип, опять ты сказки рассказываешь! Разве может машина придумать что-нибудь сама? Она знает только то, что есть в программе.

— Не совсем так. Например, для шашек уже существует программа, думающая, «как человек». Ее идея в том, чтобы компьютер все время учился:



после каждого хода сравнивал результаты своих прошлых прогнозов с тем, что на самом деле происходит, и в следующий раз делал более точные прогнозы. Такие прогнозы заменяют ему перебор ходов: он посмотрит несколько ходов вперед, а дальнейшие варианты предугадывает. После каждого хода он прогнозирует все лучше и лучше. Ему ничего не стоит хранить в памяти все сыгранные партии и извлекать из них уроки.

— А как он это делает? Ведь алгоритм прогноза надо было написать заранее?

— Что-то, конечно, надо было написать заранее, в этом и состоит искусство программиста, но можно сделать так, чтобы программа сама себя исправляла.

— Ладно, хватит, Чип, я устал от разговоров. Давай все-таки поиграем.

— Хорошо, давай сыграем в машинную игру под названием «Жизнь». Условия игры такие. Колония бактерий живет на бескрайних просторах Фатландии. Предположим, что эта страна разбита на клетки, как листок из тетради. В каждой клетке только одна бактерия. Соседями одной клетки считаются все клетки, расположенные рядом по горизонтали, вертикали и диагонали. Мерой времени у нас служит смена поколений бактерий, и колония будет жить по таким законам:

1. Если у клетки меньше двух соседей, то бактерия в ней гибнет от скуки.

2. Если у клетки больше трех соседей, то бактерия в ней гибнет от тесноты.

3. Если у пустой клетки ровно три соседа, то в ней рождается новая жизнь.

Только не применяй эти правила поочередно к каждой клетке, бактерии рождаются и гибнут по общему сигналу.

— Постой, постой, я не успеваю,— перебил его Сережа,— давай посмотрим историю жизни какой-нибудь одной колонии. Пусть у нас будет колония из трех бактерий

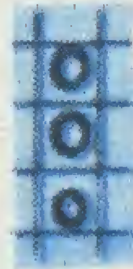


— Применяй наше правило. У самых крайних клеток по одному соседу, значит, они погибнут от скуки. У средней клетки два соседа, она не погибнет. Теперь рассмотрим те клетки, которые выше и ниже средней. У них по три соседа. Значит, в каждой из этих клеток в следующем поколении возникает по бактерии.

— Чип, постой. Я не понимаю. Ведь та клетка, которая была сбоку, умерла, значит, у верхней средней клетки нет трех соседей.

— Я же сказал, они умирают и рождаются только по общему сигналу, в Фатландии жесткий порядок. Ты сначала найди все возможные изменения в своей колонии, а потом уж разом меняй.

— Понял, понял. Тогда в следующем поколении наша колония станет такой:

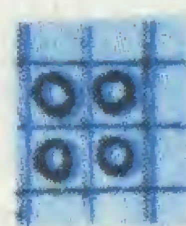


, а потом опять

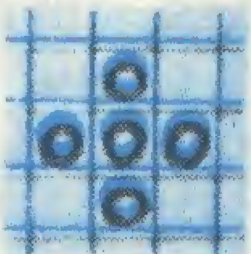


и так далее.

— Молодец! А колония



вообще никогда

не меняется, но в Фатландии случаются и более невероятные приключения. Поиграй, например, с обыкновенным крестиком  , если ты хорошо подумаешь, то поймешь, что через четыре хода он превратится в четыре таких же.

— Чип! А давай напишем программу для «жизни»!

— Давай, только пусть это будет не простой подсчет соседей, а программа, которая ищет игровые ситуации. Например, если колония зациклится (повторит прошлое состояние), то пусть программа на это отреагирует.

Сережа подумал и написал программу. И машина выдала по этой программе вот такую серию картинок.

ОТ РЕДАКЦИИ: Ребята! А вам такое задание: на листе бумаги в клеточку ноликами нарисуйте первую букву своего имени (такую форму будет иметь ваша колония бактерий) и продолжите историю развития этой колонии. Самую интересную историю мы напечатаем. На конверте поставьте девиз: «Жизнь».

Ведут профессор А. МИГДАЛ
и М. АГИШТЕЙН.



К 80-летию со дня рождения писателя Л. Э. Разгона

УМЕНИЕ ВИДЕТЬ

Большая часть жизни Льва Эммануиловича Разгона отдана детству. Один из первых вожатых и организаторов пионерского движения в СССР, посвятивший много лет теории и практике детского коммунистического движения, впоследствии стал известным детским писателем.

Любимые герои Льва Разгона — ученые, люди науки.

Физик Лебедев. Ботаник Тимирязев. Астроном Штернберг. Минералог Ферсман.

В своих книгах Лев Разгон рассказывает, как эти люди ищут и добывают новые истины.

Он любит повторять слова старого философа: нужно учить всех умению ВИДЕТЬ.

ВИДЕТЬ — великая наука и великое искусство; герои Льва Разгона глубоко, творчески постигли эту науку, были подлинными мастерами этого искусства.

Климент Аркадьевич Тимирязев больше сорока лет дружил с огромным дубом, росшим на дачной московской окраине. Ученый, случалось, всякий день приезжал к своему дубу, внимательно наблюдал за ним и ВИДЕЛ так много, что это увиденное помогло ему написать книгу о жизни растений.

А потом владельцы окрестных дач спилили старый дуб на дрова. В замечательном растении они увидели всего лишь несколько кубометров древесины, пригодной для того, чтобы вытопить печь, согреть дом, сварить мясо убитого животного.

Конечно, в доме должно быть тепло и обедать приходится ежедневно. Но жить только ради этого нельзя.

Лев Разгон хочет, чтобы его читатели умели ВИДЕТЬ мир, как видел Тимирязев, а не дачевладельцы.

Ученые открывают тайны Природы, ее законы, прежде людям неведомые.

Физик Лебедев исследовал давление света. И наше светило — Солнце — предстало совсем иным его проницательному взгляду. Каждая разгаданная тайна, которой Природа одаряет тех, кто умеет ВИДЕТЬ, помогает людям понять стройную красоту мироздания. Лебедев говорил, что в познании этой красоты для него — цель, смысл, радость, вся жизнь.

Только тот, для кого мир в самом деле ограничен штакетником дачного участка, не согласится с ним.

В книгах Льва Разгона великие ученые — непременно великие Поэты. И дело не в стихотворстве, которым многие из них и не владели, и не в истинно поэтических речах, произносимых Тимирязевым, когда говорит он о зеленом листе дерева, или Ферсманом, когда он говорит о камне. Дело опять же в умении ВИДЕТЬ — в умении не только неустанно и зорко обнаруживать закономерности Природы, но каждый раз заново удивляться ей и любоваться ею, и сердцем, равно как умом, чувствовать ее стройную красоту.

Но люди — и ученые тоже — живут среди других людей. Можно посвятить свою жизнь изучению галактик или мельчайших частиц атома, можно любоваться их красотой, находить поразительные связи между бесконечно великим и бесконечно малым, но личность ученого — это еще и его мысли, слова, поступки в мире людей.

В книгах Льва Разгона люди много говорят, спорят о политике, о ее месте в жизни. Политика в его книгах — это не почитать после сытного обеда газету, не потолковать с приятелем о событиях международных и внутренних, чтобы через полчаса забыть о них и снова заняться, что называется, «своими делами». Политика для героев Разгона и есть СВОЕ ДЕЛО, хотят они того или нет.

Физик Лебедев был долго убежден, что наука стоит над политикой, что если выбирать между наукой и политикой, то он, Лебедев, выбрал бы науку.

Но в жизни непременно наступает пора, когда надо выбирать — С КЕМ ТЫ: с людьми передовой мысли и революционного действия или с проповедниками мрака, жаждущими погасить свет в мире и в душах людей, не выдерживающими давления света.

Политика в книгах Льва Разгона — это нравственный выбор. Наука в них не существует вне политики — даже самые непроницаемые стены лаборатории не отгородят настоящего ученого от вопроса: кому и для чего хотел бы он вручить добытые истины?

И здесь — в решающую пору выбора — тоже очень важно быть Поэтом: именно Поэты раньше, острее, больнее других чувствуют страдания людей, насилие и несправедливость, они безошибочно выбирают место в рядах Добра, вступившего в борьбу со Злом.

Тимирязев назвал Октябрьскую революцию «великим и неотложным подвигом» народа и утверждал, что «самой верной и необходимой пособницей в этом творческом подвиге

должна быть истинная, а не показная и прислуживающая эксплуататорам народа наука».

Умение ВИДЕТЬ и здесь не изменило великому ученому: в жизни людей он так же умел видеть главное, как и в жизни растений.

Один из давних и любимейших героев Льва Разгона, астроном Штернберг, смотрит на звезды, но всего более занят силой земного притяжения. Открытая им линия притяжения («разрез Штернберга») проходит через Красную Пресню, где сам астроном в 1905 году сражался на баррикадах, через центр Москвы, где он боролся за окончательную победу революции в 1917-м.

Но «разрез Штернберга» — не только явление гравитации. В книгах Льва Разгона это (однажды были произнесены такие великие слова) та трещина мира, которая проходит через сердце подлинного Ученого, подлинного Поэта, независимо от того, пишет ли Поэт стихи, занимается ли астрономией, физикой, ботаникой, или пишет прозу, как Лев Разгон.

В. ПОРУДОМИНСКИЙ

Редакция «Пионера» присоединяется к тем теплым словам, которые сказаны В. И. Порудоминским, и от имени читателей журнала сердечно поздравляет Льва Эммануиловича со славным юбилеем!

Лев РАЗГОН

ВЗРЫВООПАСНО!

(РАССКАЗ ИЗ КНИГИ «ШЕСТАЯ СТАНЦИЯ»)

Лето и осень в тот год были жаркие, два месяца дождя не было. Уже август кончался, а все еще было по-летнему жарко, работали без рубах, в перерыв и после работы ребята с визгом залезали в холодную волховскую воду и ныряли под бревнами, хватая друг друга за пятки. Солнце с утра всходило в мареве и в мареве заходило, суля на следующий день такую же жару. Возвращаясь с работы, Гриша посмотрел на солнце, уже опустившееся к самому краю дальнего болота. Оно было краснее обычного, горизонт растворился в палевой дымке, и по всей стройке, по всему поселку тянуло щекотавшим в носу терпким дымком.

— Слыхал, комсомолист?— сказал ему, разуваясь, Федосов.— Торф горит. Не иначе — дезертиры подожгли... Пожар учинить — это у них первое дело.

...Утром Гриша, проснувшись, долго не мог понять, где он... Барак был наполнен едким дымом. Такой же дым стоял на Волховском проспекте. Он висел плотной пеленой над всем поселком, над всей Волховстройкой. До развода на работу было еще далеко, но барак уже весь проснулся, рабочие торопливо одевались.

Дверь барака распахнулась, вбежал Сапронов из рабочкома:

— Всем сейчас же к машинному складу за лопатами!— И тут же выбежал обратно.

Гриша кинулся к складу. Лопат уже не было. Люди хватали кирки, ломы, ведра — все, что было под руками. Цепочки размахивающих руками людей бежали все в одну сторону, к болоту, затянутому сплошным дымом. И сразу же сердце у Гриши учащенно забилось и противный холодок побежал по спине... Там стоял тот самый домик без окон, на котором висел картон с загадочной и грозной надписью: «Взрывоопасно!»

...Подобранной где-то лопатой Гриша копал, обливаясь потом, задыхаясь от дыма. Даже разгоряченное тело уже чувствовало другое тепло — жаркое, опасное, шедшее от горящего болота.

— Каюк, братцы! Бежать надо, сейчас как рванет — одна пыль от нас останется!— вскрикнул кто-то рядом...

— А ну, давай сюда! Ящики будем таскать!..

Перед ними был взрывник Макеич. Его черные усы повисли, мокрые от пота, запорошенные пылью и пеплом.

— Ну, чего вы?— ожесточенно крикнул Макеич.— Динамит надо перетаскивать, пока время есть!

Люди бросили лопаты и кирки. Они разогнулись, вытирали ладонями пот с лица, но никто не мог себя заставить сделать первый шаг. Гриша бросился вперед. Он больно укололся о проволоку забора, вырвал кол и оттащил проволоку в сторону. Дверь динамитного склада была раскрыта, несколько человек вытаскивали тяжелые ящики и складывали их на землю. Неподалеку стояла запряженная телега, на телеге лежали ящики с динамитом. Лошадь равнодушно отмахивалась хвостом от дыма, как от оводов. Ей было все равно, что возить: навоз или динамит... Обливаясь потом, Гриша вытаскивал из склада ящики и передавал их рабочим.

— А возчик где?— крикнул Макеич.— Куда возчик подевался? Эх, удрал-таки, заячья душонка!

Печатается в сокращении.

Заслабило!— Он повернул голову и увидел Гришу.— О! Комсомольский начальник из Тихвина! Берись-ка за вожжи и вези динамит к реке по нижней дороге. Вези потише, не трястись! Там разгрузят, и сразу же возвращайся!

...Позже Варенцов никак не мог вспомнить, сколько раз в этот день он ездил от склада к реке и от реки к складу. Назад, порожняком, он гнал лошадь, стоя в телеге и размахивая вожжами. Шел час за часом, в горле першило от пыли, дыма, от крика «н-но-о-о»... Только к вечеру Макеич дернул его за рубашку и сказал:


— Хватит! Кажись, уберегли склад...

Гриша осмотрелся. Дым еще по-прежнему стлался густой пеленой, но в нем уже не было страшного, нарастающего тепла. Вокруг склада тянулась глубокая черная траншея; она была как настоящий окоп, с землей, выброшенной на бровку. В глубине ее поблескивала вода. Люди уже не копали траншею, а затаптывали огонь, ставший уже бессильным, сникшим... Варенцов опустился на динамитный ящик и вытянул вдруг заболевшую хромую ногу... Лицо Макеича стало совсем грязным, уставшим.

— Вот видишь, тихвинец, как у нас бывает! Передохни, малец, немного. С утра начнем возить динамит обратно. А комсомолец ты, видать, настоящий. Я это еще по твоми галифе заприметил... Ну, быть тебе взрывником! Не сразу, конечно, а все же быть!

И через пяток дней пошел Гриша Варенцов во взрывную команду бурильщиком.

Рисунок А. БОРИСОВА.



МУЗЫКАЛЬНОЕ ЛОТО 2

Внимание!
Сегодня в «Музыкальном лото»!

Борис Минаев — Музыка для ног

Ваши вопросы — наши ответы

Татьяна Секридова — Кукушечки — мальчики и девочки



7

На сегодня известны уже три номера из шести нашего «Музыкального лото» — 7, 10 и 11.

Их отгадали — 1.200 читателей «Пионера».

Всего в «Музыкальное лото» с октября по 31 декабря 1987 года пришел 13.671 отклик.

В нашем следующем выпуске будут известны еще ДВА номера.

МУЗЫКА ДЛЯ НОГ



Какие только ругательства не звучали в его адрес!..

«Развратный», «циничный», «бешеный», «доводящий до исступления»... Требовали его запретить, упразднить, изъять. Вырвать с корнем, как самую пагубную заразу.

Правильно, речь о танце. Но о каком? Твисте, шейке, рок-н-ролле, брейк-дансе? Ничего подобного. Речь — о вальсе!

Да-да, именно такие жаркие споры кипели вокруг него полтора века назад... Впрочем, танго, и фокстрот, и самба тоже проникали на танцевальные площадки мира небезболезненно. И чем более решительными были противники новых ритмов, тем восторженнее — их сторонники. Новый танец всегда объявлялся чуть ли не вершиной прогресса, чудом цивилизации, последним достижением музыкального искусства. Но проходило всего несколько лет — и эти споры казались уже смешными.

В том-то и дело, что, когда модные прежде танцы становятся привычными, тут только и начинается их долгая и счастливая жизнь в музыкальной культуре! Примитивный регтайм вырастает в феноменальные импровизации джазовых виртуозов. Банальный рок-н-ролл — в загадочную и притягательную мелодику «Битлз».

И все же есть в истории музыки, пожалуй, самый яркий пример того, как танцевальная музыка становится основой гениального творения, «вырастает в шедевр».

Вырастает благодаря композитору.

...Таким композитором стал Фредерик Шопен.

Я ставлю на проигрыватель одну из любимых своих пластинок. На ней архивная запись — француз-



ский пианист Альфред Корто играет вальсы Шопена.

...Да, здесь почти ничего не осталось от привычного уху танцевального рисунка. Ритм вальса то слишком быстрый, бравурный, то слишком уж плавный, тягучий, и эти переходы возникают на каждом шагу. «Большой блестящий вальс» — так назвал Шопен сразу несколько своих вальсов (у меня на пластинке их три — номер 1, 3 и 4 из сочинений 18 и 34). Но как разительно отличается ля-минорный от ми-бемольного, первый от третьего! Как будто бы первый — о встрече двух близких людей, а третий — об их расставании. Как настойчиво входят в его и без того печальную, сжимающую сердце мелодию мрачные басовые раскаты! Будто стучит в дверь, настойчиво стучит посыльный в черном: «Господин Шопен, пора ехать!»

...Совсем юношей Шопен покинул родную Варшаву, жил в Париже и Лондоне, в самых дальних уголках Европы. Он быстро потерял здоровье, не нашел счастья в любви, не было у него дома и семьи, а короткие встречи с родными, которые приезжали к нему из Польши, запоминались на всю жизнь, ведь это были единственные дни, когда Шопен мог почувствовать себя дома.

Но вот снова торопится, летит, трепещет на ветру пронизанный солнцем, светом шопеновский вальс! И только иногда остановится — словно бы задумается, оглянется назад или гордо вскинет голову, расправит плечи царственная его осанка...

Концерты Шопена были чудесным открытием для современников. Ведь до него фортепьянные галопы и менуэты были лишь блестящими музыкальными поделками. Чем-то вроде забавных игрушек, ярко и безвкусно раскрашенных. А Шопен, используя танцевальную основу, привычную для уха форму, словно бы разбил ее на десятки причудливых отражений, сделав каждый вальс ареной для столкновения самых разных «персонажей»: тоски, страсти, нежности и печали.

Короткая форма, форма миниатюры (кроме вальсов, Шопен писал еще мазурки, экспромты, полонезы, баллады, этюды, прелюдии), открывала композитору новый путь в музыке. На смену строгим, классическим построениям в начале XIX века в музыку пришла вольная фантазия художника, фортепьянная импровизация, полутона, оттенки, летучие настроения, бурные вспышки эмоций.

В музыку пришел современный человек — романтик, мечтатель, сложный и противоречивый художник. Он открыл новые возможности музыкального инструмента и новые возможности музыкального творчества, сделав его более индивидуальным, подчинив его личностному, душевному началу.

...В этом, мне думается, и ответ на «странно» звучащий сегодня вопрос: почему Шопен писал вальсы?

Для того чтобы оценить этот смелый шаг, сделанный Шопеном, вам надо узнать многое о классической музыке, которая существовала до него,— о музыке Моцарта, Баха, Гайдна, Вивальди.

Ну, а пока попробуйте выполнить первое задание нашего конкурса: прослушайте пластинку с вальсами Шопена и дайте каждому вальсу СВОЕ НАЗВАНИЕ.

Может быть, это будет НАЗВАНИЕ ИЗ ОДНОГО СЛОВА, а может быть, ЦЕЛЫЙ РАССКАЗ или СТИХОТВОРЕНИЕ?

Главное — попытайтесь увидеть то, что переживал автор в каждой из своих коротких и очень наполненных эмоциями и мыслями пьес.

Выполнив задание, пришлите в «Музыкальное лото» письмо. Победителей нескольких туров конкурса ждут призы.

ВАШИ ВОПРОСЫ — НАШИ ОТВЕТЫ

ВСЕ ГОВОРЯТ: «СЛУШАЕШЬ МЕТАЛЛ? ЭТО ЖЕ НЕ НАША МУЗЫКА!» А ВЕДЬ ЕСТЬ И НАШИ АНСАМБЛИ, КОТОРЫЕ ИГРАЮТ В ТОМ ЖЕ СТИЛЕ. РАССКАЖИТЕ О НИХ. (Дима Кутяпин, Горький.)

— Верно, такие группы есть. Самые интересные из них: «Круиз», «Ария», «Черный кофе», ну и, наверное, «XX век». Есть хорошие исполнители, аранжировщики, есть и более или менее удачные вещи. Но говорить о том, что у наших коллективов в «тяжелом металле» свое, особое лицо, я бы пока не стал.

НЕУЖЕЛИ ПРАВДА, ЧТО НАШИ ГАЗЕТЫ РУГАЛИ ГАСТРОЛИ АНСАМБЛЯ «МОДЕРН ТОКИНГ»? ВЕДЬ ЭТО ЖЕ СУПЕРЗВЕЗДЫ! (Коля М., Москва.)

— По-моему, рецензии были объективные. Писали, что музыка «Модерн токинг» давно вышла из списков популярности — и это правда. Писали, что вряд ли стоит приглашать неполный состав — ведь Томас Андерс приехал один... Все правильно!

ПОЧЕМУ ФИРМА «МЕЛОДИЯ» НЕ ВЫПУСКАЕТ ПЛАСТИНКИ С ЗАПИСЯМИ ЛУЧШИХ ЗАПАДНЫХ ГРУПП? (Юля Долгих, Хабаровский край.)

— У тебя, Юля, несколько устаревшие сведения. В прошлом году на фирме «Мелодия» вышло несколько довольно «свежих» дисков таких групп, как Ю-Би-40, Алан Парсонс, ну и несколько других. А главное, начался выпуск серии «Рок-архив» (конечно, ее будет очень трудно купить, так что следи!), где выйдут в свет лучшие произведения рок-музыки шестидесятых, семидесятых годов, например, «Дорз», «Роллинг-Стоунз».

Окончание на 4-й странице обложки.



Рисунки А. АРХУТИКА.

Игорь **ВОСТРЯКОВ**

Черти на шариках

Однажды мы с Васькой поехали на рыбалку. Когда стемнело, развели костер, сварили уху, потом разлеглись возле костра. Васька с одной стороны, а я с другой. Ночь была тихая, теплая. Вдруг Васька ни с того ни с сего принялся рассказывать страшные истории: о черной перчатке, которая залетает в форточки и душит людей; об оранжевом чемоданчике, приносящем несчастье; о «Пиковой даме», на правой ноге которой надет черный валенок, а на левой — белая перчатка. И о том, как эта дама утаскивает зазевавшихся людей в могилу; о зеленых человечках, прилетающих из космоса и обливающих зеленой жидкостью, после чего у некоторых мозги поворачиваются набекрень. Еще он рассказывал о чертях, летающих на шариках, и о многом другом.

Почти к самой воде подступал лес. В темноте он казался таинственным и страшным. Слушая Ваську, я поплотнее завернулся в куртку и не заметил, как уснул.

Среди ночи меня разбудил какой-то звук. Я прислушался. Совсем рядом треснул сучок. Я приподнялся. Костер не горел. Было очень темно. Протерев глаза, с трудом разглядел Ваську. Он спал, свернувшись калачиком. Вдруг от большого куста отделилась сгорбленная фигура и направилась в мою сторону. На левой ноге у нее белела перчатка, на правой чернел валенок.



— Пиковая дама! — едва не крикнул я.

К счастью, мне под руку попал пакет с сырыми яйцами. Не помня себя от страха, я швырнул яйцо в череп ужасной старухи. От неожиданности она повалилась на землю, потом поползла. Я принялся метать в нее оставшиеся яйца. Старуха остановилась, потом стала обходить меня с тыла. Тут я встретил ее градом вареной картошки. Не выдержав, она жалобно вскрикнула и пропала во тьме.

На всякий случай я зафинтилил ей вслед котелком из-под ухи. Потом завернулся в куртку, оставив лишь узкую щелку для глаз, и долго смотрел в пространство, как в амбразуру.

Разбудил меня Васька. Было светло.

— Ды-ды-дрыхнешь? — заикаясь спросил он.— А я гы-гы-глаз не сомкнул!

— Как это не сомкнул? — переспросил я, но осекся. Смутная догадка заставила прикусить язык. На траве, свернувшись калачиком, чернела его куртка.

— Ночью пошел за кустики,— хриплым шепотом сообщил Васька,— вдруг, откуда ни возьмись, зеленые человечки! Хлоп мне инопланетным контейнером по черепу. Я и упал. Чувствую, течет по щекам зеленая жидкость. Только поднял голову — сразу четыре удара. Один в глаз, другой в подбородок, третий в ухо, четвертый по зубам! Метнулся я в сторону, а там черти на шариках носятся. Удар за ударом, и все в меня! Кинулся в лес. Вдруг, откуда ни возьмись, вылетает самый главный черт. Врезал мне железным кулачищем по спине и в кусты! — голос у Васьки дрогнул.— Так что одевайся, Генка, в Академию наук поедем! Зря я, что ли, всю ночь промаялся?

Лицо, рубашка и руки у него были вымазаны чем-то желто-зеленым. В шевелюре белел обломок инопланетного контейнера. При ближайшем рассмотрении обломок оказался куском яичной скорлупы. Сомнения мои кончились.

— Идем, Вася, умываться,— мирно предложил я.

Васька встал в позу, надулся и стал кричать, что для науки согласен пойти на любые условия и жертвы и потому умываться не собирается.

— Как хочешь, Васенька,— ласково сказал я,— только ночью и на меня нападение было!

— Нападение! — удивился Васька.

— Ага. «Пиковая дама» напала. Еле зелеными человечками да чертями на шариках отбился, а потом пришлось ей вдогонку главного черта запустить. Уж такой чумазый, все руки об него вымазал! Вон под кустом валяется!

Потрясенный Васька проглотил язык. И долго, не мигая, смотрел на тяжелый рыбацкий котелок, лежащий под кустом. Наконец, сообразив что-то, почесал то место, куда он ему угодил, поежился и пошел умываться.

Рисунок Ю. КАРПОВОЙ.

В. Берестов

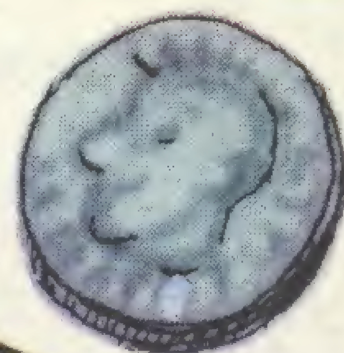




Если посмотреть подшивки «Пионера» за последние 20 лет, то вы найдете там много моих стихотворений. Почти все они, так сказать, написаны с натуры. Это картины детства, отрочества. Я их потом объединил в книгу «Школьная лирика». Но есть у меня и стихи совсем другого рода — фантастические, сказочные. Иногда я писал их как песенки к спектаклям, мультфильмам.

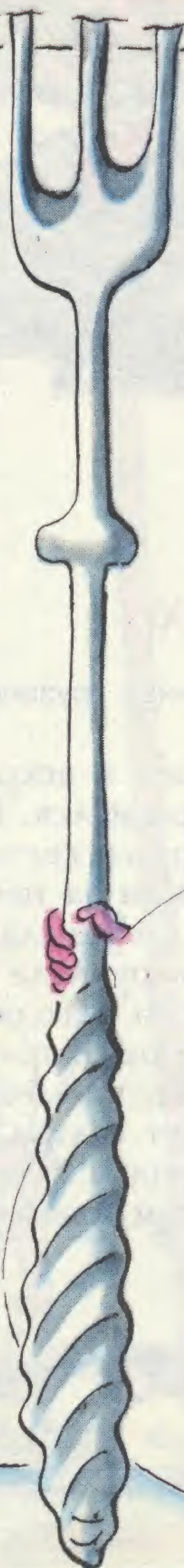
Есть здесь песенки к сказкам Гауфа «Карлик Нос» и «Халиф Аист». Я с особой радостью писал песенки, которые Якоб поет на базаре, появившись там сначала избалованным красивым ребенком, потом безобразным карликом и, наконец, юношей, сильным и умелым. Для меня это символы детства, отрочества и юности. Ведь в отрочестве многие ребята кажутся самим себе безобразными, а другим — безобразниками. Но как раз в этом возрасте они решают свою судьбу, выбирают будущую профессию и даже успевают очень многому научиться.







Сказочные песенки



Три песенки Якоба

1. Красивый мальчик

Как приятно, как приятно
Слышать мне со всех сторон:
«Ах, какой он стройный, статный!
Ах, какой красивый он!»
И служанка мне об этом,
И хозяйка говорит.
Кто конфетой, кто букетом,
Кто монетой наградит.

2. Карлик Нос

Как ужасно, как ужасно
Слышать мне со всех сторон:
«Ах, какой он безобразный!
До чего же он смешон!
Полюбуйтесь на уродца!» —
Раздается громкий крик.
Кто толкнет, кто посмеется,
Кто покажет мне язык.

3. Юноша

До чего же интересно
Слышать мне со всех сторон:
«Кто он, этот неизвестный,
И откуда прибыл он?»
Нет, друзья, я здесь родился,
Здесь я столько испытал.
Просто я переменился
И самим собою стал!





Герцог Обжора

Долой домашнее жаркое!
Мне сыр голландский надоел!
Мне дайте что-нибудь такое,
Чего я отроду не ел!
Ценю искусство поварское,
Разнообразное меню.
Мне дайте что-нибудь такое!
Не то я повара казню!

Заколдованные девушки



1. Гусыня

Ах, когда-то была я прекрасна, как фея!
Но волшебница злые шепнула слова,
И теперь у меня слишком длинная шея,
А на ней совершенно не та голова.
Мне отец мой, увы, не поможет отныне.
Он ведь добрый волшебник и мог бы помочь,
Но не знает, что толстой нескладной гусыней
Обернулась его ненаглядная дочь.

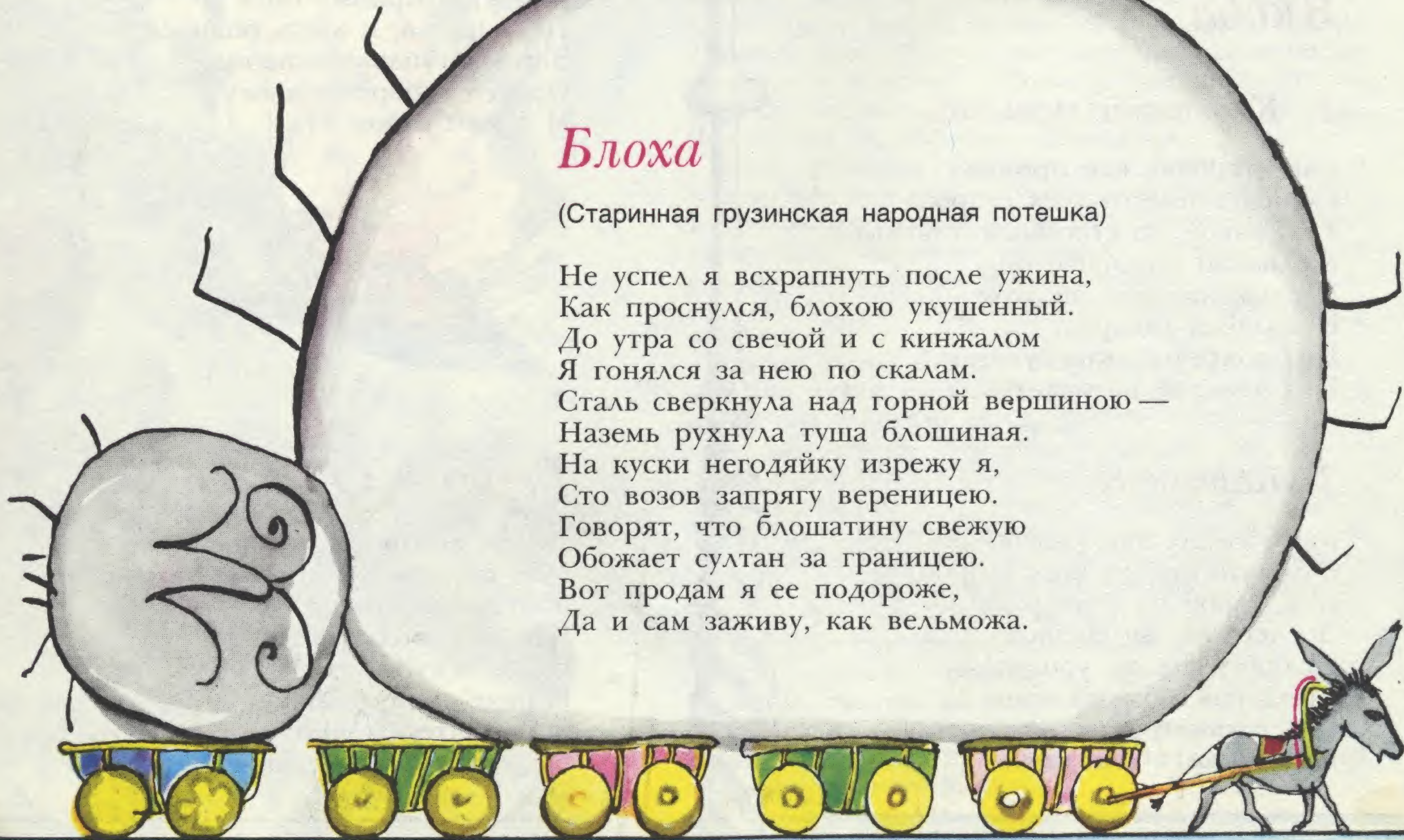
2. Сова

К сожаленью, не могли мы
Повстречаться с вами днем.
Свет дневной неумолимый
Ослеплял меня огнем.
Но гляжу во тьму ночную,
Пелена спадает с глаз,
И друзьям сказать могу я:
«Как я рада видеть вас!»

Бродячие торговцы

Чем богаты — тем и рады.
Что хотим, кому хотим,
То, что надо и не надо,
Мы охотно продадим.
То, что надо,— за дукаты,
Что не надо, то — за грош.
Покупай чего не надо,—
Вдруг что надо обретешь.





Блоха

(Старинная грузинская народная потешка)

Не успел я всхрапнуть после ужина,
Как проснулся, блохою укушенный.
До утра со свечой и с кинжалом
Я гонялся за нею по скалам.
Сталь сверкнула над горной вершиною —
Наземь рухнула туша блошиная.
На куски негодяйку изрежу я,
Сто возов запрягу вереницею.
Говорят, что блошатину свежую
Обожает султан за границею.
Вот продам я ее подороже,
Да и сам заживу, как вельможа.



Песня аистов

Есть у реки чудесный луг.
Там день и ночь кипит пирушка.
— Какой попался вкусный жук!
— Какая сладкая лягушка!

Подруге аист говорит:
— Я сто лягушек наловлю вам.
Она его благодарит,
Треща своим прелестным клювом.

Какой обед! Какой балет!
За парой пара выступает!
Какой изящный пируэт!
Как славно музыка играет!

Оловянные солдатики

— Кто часовой?
— Я — часовой!
— Пароль?— Игра!
А отзыв?— Бой!

Солдатики из олова —
Отчаянные головы.
К тому же оловянный меч
Не может голову отсечь!

До свиданья, сказка!

Мы подрастем, другими станем.
И, может быть, среди забот
Мы сказке верить перестанем.
Но сказка снова к нам придет.

И мы ее улыбкой встретим.
Пускай опять живет у нас!
И эту сказку нашим детям
Мы вновь расскажем в добрый час.

**Рисунки А. СКОРИКОВА
и Г. АЛЕКСАНДРОВОЙ.**

Переменка

Привычка

Когда до звонка оставалось всего пять минут, в класс влетел Дима Курочкин.

— А вот и Курица явилась! — обрадованно крикнула Оля.

— Опять! Да, опять! — возмутилась Галя.

— А что я такого сказала?

— Мы ведь на совете отряда решили отказаться от кличек. Они унижают человеческое достоинство. А ты «Курица, Курица»! Немедленно извиняйся.

— Да ладно. Я не обижаюсь,— улыбнулся Дима.

Галя грозно смерила его взглядом:

— А тебя, Курица, вообще не спрашивают!..

Н. Курбатова и М. Юсупова,
г. Златоуст.





Жизнь замечательных детей

По последним данным известных ученых, закон сохранения вещества на голову Никодима Мешочкина не распространяется. Все знания, вложенные в эту голову, пропадают неизвестно куда.

Если взять дневник Бори Г. и все полученные им двойки сложить с полученными им же тройками, то окажется, что пятерок у него больше, чем в дневнике отличницы Оли П.

Рисунки В. ШКАРБАНА.

Сёстры по разуму







В сочинении Мити Д. «Как я провел каникулы» везде вместо слов «Япа шол» следует читать «я пошел».





Логический практикум

В заповеднике зубрил

Григорий КРУЖКОВ

Раз в крещенский вечерок
Открывали вече
Крепостные казаки
В Запорожской сечи.

В междометии двух рек,
Тибра и Евфрата,
Древнеримские рабы
Жили небогато.

Но Ньютон врагов разбил,
Сбросил иго с трона
И везде установил
Свой закон Ньютона.

Веселитесь, города,
Веселитесь, страны!
Едет игрек на иксе
Из-за медианы.

Мономах фуражку снял,
Почесал макушку,
Электрический заряд
Забивает в пушку.

Тракторист картошку жнет,
Корень извлекает,
Из канала Волго-Дон
Волга вытекает.

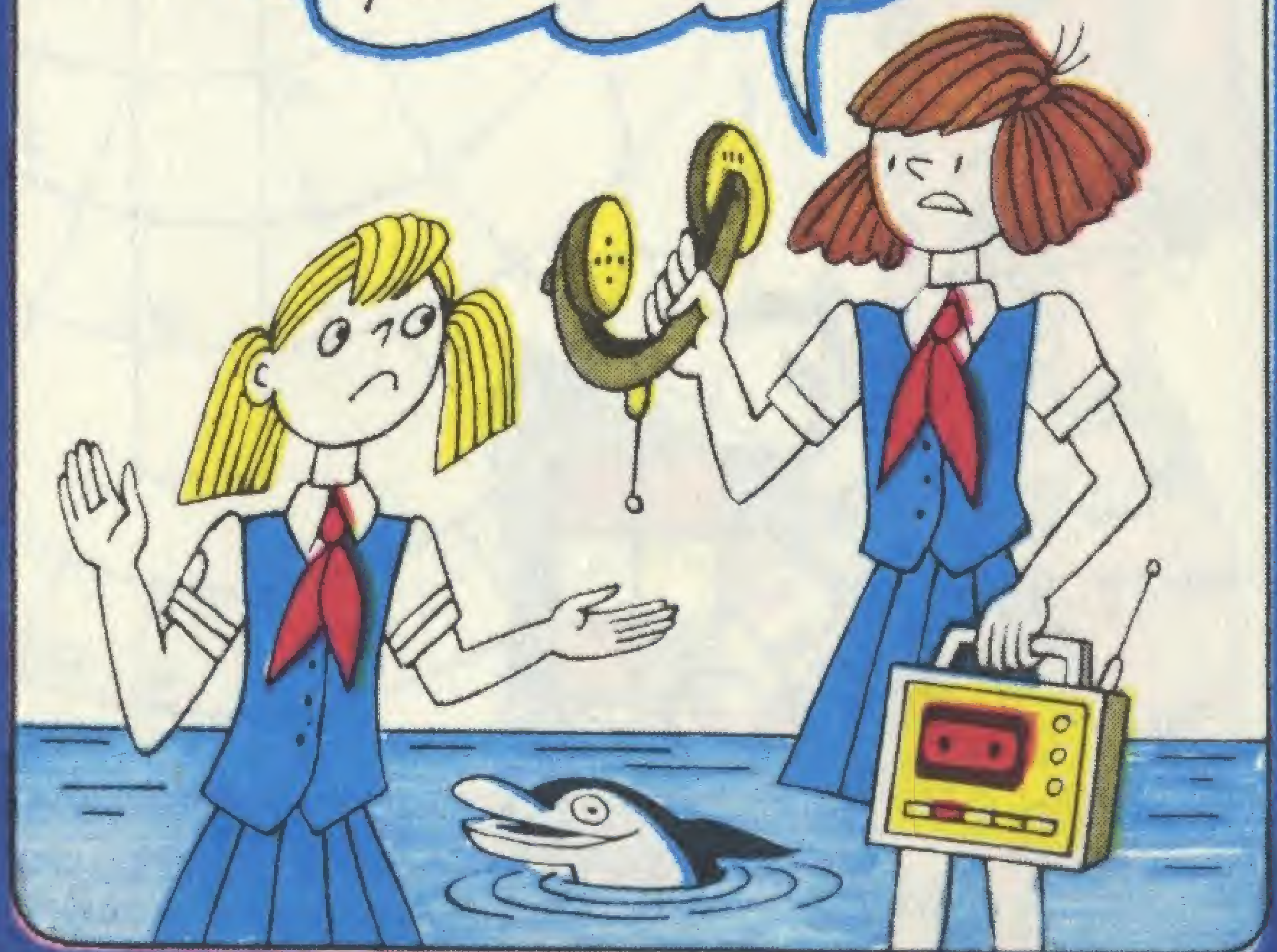
Есть у Лукоморья дуб,
Где фиорд норвежский.
Найден заповедный зуб
В пуще Беловежской.

...Вот какая ерунда —
И еще погуще —
В заповеднике зубрил,
В Запорожской чуще!

Тому, кто найдет в этом стихотворении не менее 15 ошибок, его автор — Григорий КРУЖКОВ — заочно проставляет «пятерки» по истории, физике, географии и литературе.

Заранее поздравляем вас с отличными отметками!





Придумали Б. Гуреев, В. Коняхин, Н. Ламм.



Имя ни при чем

Что у носорога есть рога — говорит само его имя. Если в их наличии кто-то сомневается, может убедиться, сходив в зоопарк или взглянув на фото. Рога эти — не просто украшение, а грозное оружие, крепость которого позволяет животному легко пронзать ими толстую доску. И тем не менее... И тем не менее это вовсе не рога. Нет у носорога рогов.

Что же у него тогда есть?

Волосы. Очень сильно сросшиеся волосы. Своеобразный жесткий хохолок на носу. Вот и все.



Нежные богатыри

Это только с виду грибы кажутся такими беззащитными, нежными, ранимыми. Но присмотрись к ним повнимательнее. Наши милые, аппетитные подосиновики, лисички или опята могут при случае таких дров наломать, что диву даешься. Они способны взламывать асфальт проходящего в лесу шоссе, двигать здоровенные камни, разрывать стволы деревьев. И удивляться тут нечему...

Дело в том, что в период бурного роста грибов их давление на окружающие предметы достигает огромной величины — семи атмосфер! Представить эти «атмосферы» проще всего так. Давление в автомобильных шинах, «поднимающих» на себе «Жигули», лишь около двух атмосфер. А вот для «подъема» 10-тонного самосвала в шинах требуется как раз «грибное» давление, то есть семь атмосфер. Стоит ли удивляться, что, когда в лезущих из земли грибах возникает такое давление, его не всякий асфальт выдерживает.



Чудеса удвоения

Многие слышали легенду об изобретателе шахмат, подшутившим над могущественным владыкой Индии. На вопрос владыки, как отблагодарить изобретателя за мудрую игру, тот ответил:

— Вели положить на первую клетку шахматной доски одно зернышко риса, на второе — два, на третье — четыре. И так на каждую следующую клетку, в два раза больше, чем на предыдущую. Рис на всех 64-х клетках и будет твоей благодарностью.

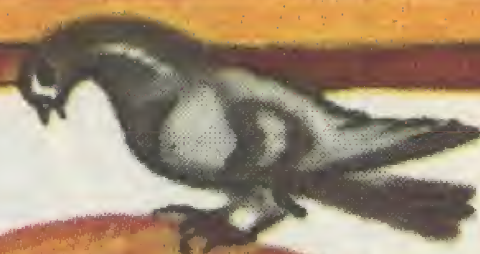
Владыка рассмеялся и приказал немедленно исполнить желание гостя. Не будем пересказывать в подробностях эту драматическую историю. Скажем только, что для 20-й клетки требовалось уже несколько мешков риса. А к 30-й клетке выяснилось, что для нее не хватит риса во всей Индии.

Да, закон удвоения неумолим. Но представить его в виде зернышек риса и шахматной доски не так-то просто. Поэтому предлагаем тебе простой и наглядный эксперимент, который познакомит тебя с «чудом удвоения» прямо там, где ты сейчас читаешь этот журнал.

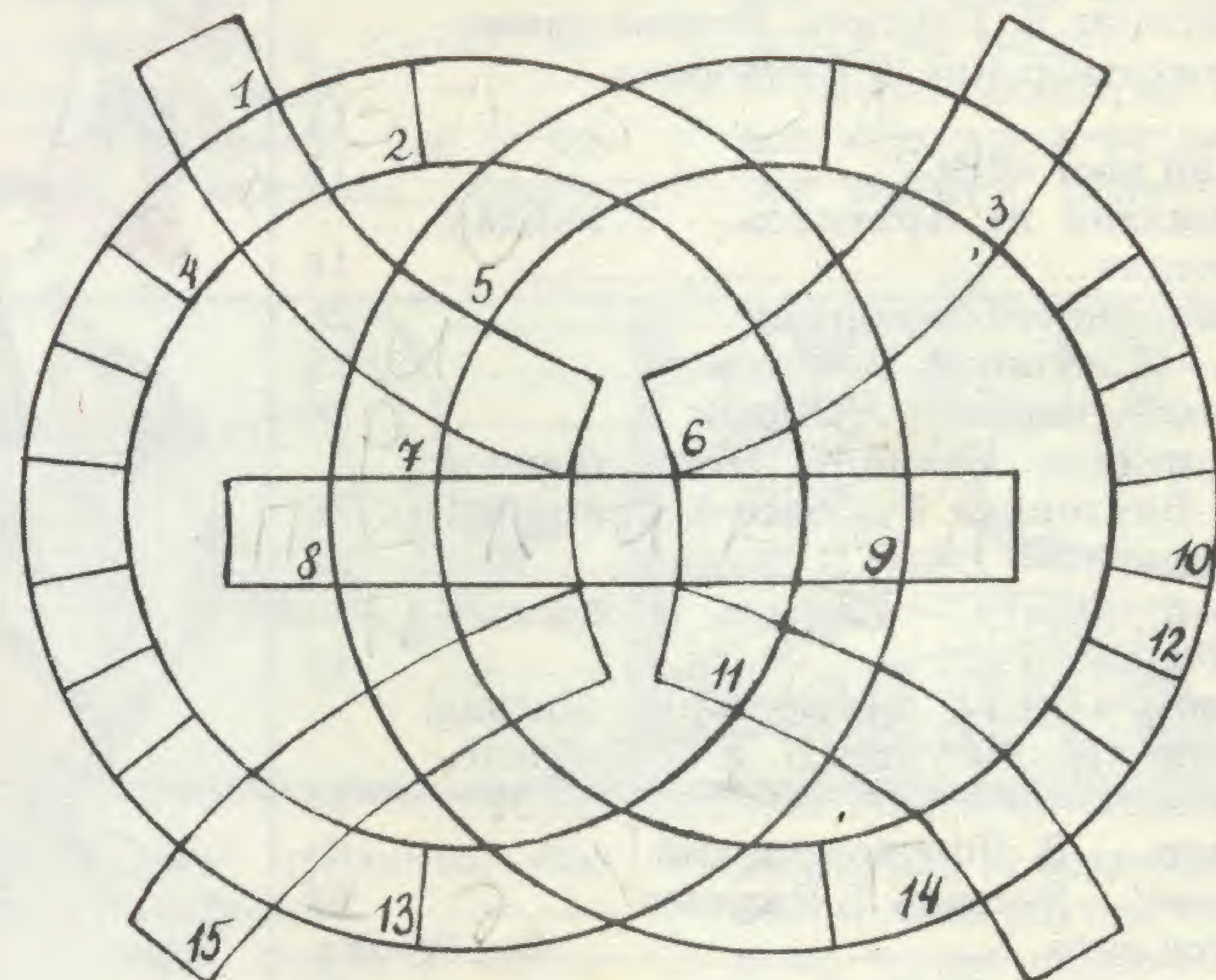
Возьми лист бумаги и сложи пополам, затем еще раз, еще, еще... После девятого раза или даже раньше ты выяснишь, что бумага больше «не складывается». Не беда, возьми лист побольше, например, целую газету, и все повтори сначала. К своему удивлению, после девятого перегиба ты обнаружишь, что и газета, как заколдованная, «не хочет» больше складываться. Конечно, ты можешь продолжать «эксперимент» и заняться складыванием большой географической карты или рулона обоев. Но, уверяю тебя, и их ты не сложишь больше тех же девяти раз. Почему? Да потому, что после девяти удвоений тебе придется сгибать уже 512 листов, а это не под силу даже чемпиону мира по тяжелой атлетике.

М. ЗАЛЕССКИЙ.





КРОССЧАЙНВОРД



Имей в виду: в круги слова вписываются по часовой стрелке, остальные — слева направо.

1. Столица европейского государства.

2. (Название игры.)



3. Имя героини повести Евгения Велтистова «Золотые весла времени, или «Уйди-уйди».

4. (Завод-изготовитель.)



5. День недели.

6. Окончание, заключительная часть.

7. (Распространенная здесь сельскохозяйственная культура.)



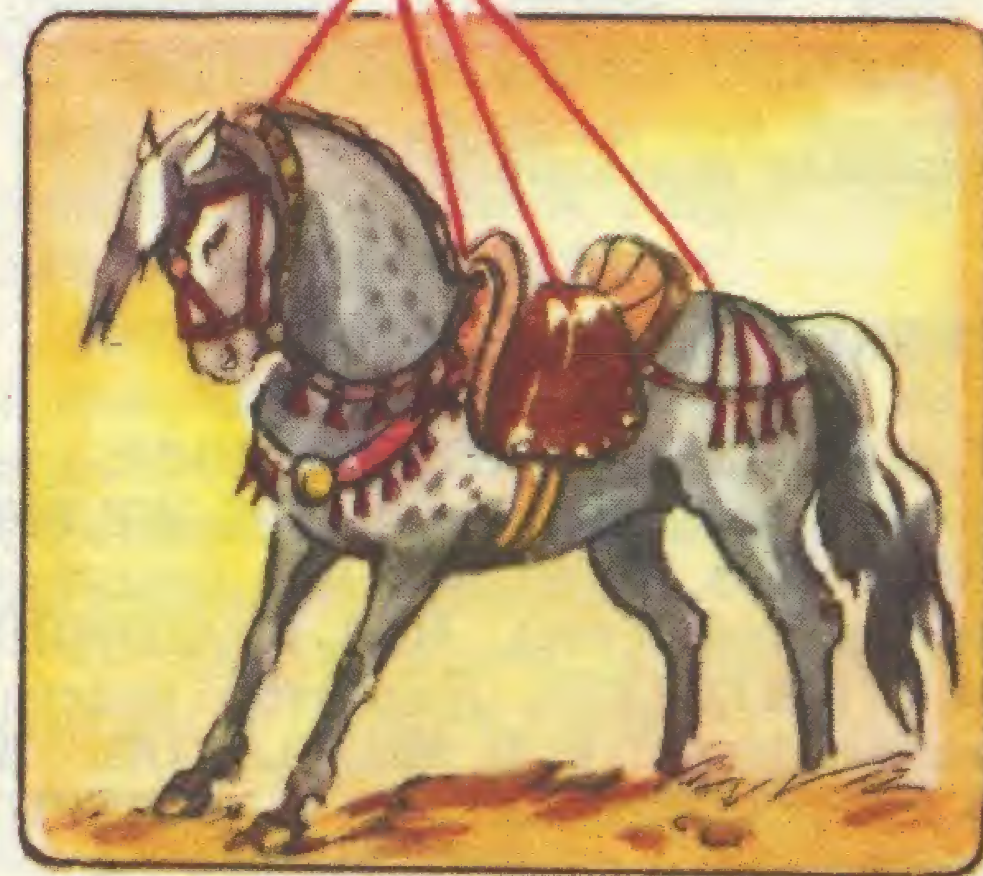
8. Водоплавающая птица (у нас обитает в зоопарках).

9.



10. Классный летчик.

11.



12. Старинное русское речное судно.

13. Великий советский ученый.

14. Вратарь.

15. Южный кустарник.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 2

По горизонтали: 3. Ротор. 6. Брак. 7. Омск. 10. Полка. 11. Зурна. 12. Знамя. 14. Бисер. 18. Срок. 19. Роба. 20. Посох.

По вертикали: 1. Сойка. 2. Повод. 4. Арык. 5. Псоу. 8. Тонна. 9. Антей. 13. Мари. 15. Изба. 16. Укроп. 17. Орион.

Рисунки Н. ФЕДОРОВОЙ.

Содержание

На обложке:
Рисунок И. Панкова.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 04.02.88.
Подписано к печати 19.02.88. А 10322. Формат 84×60⅛.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,16. Тираж 1 630 000 экз. Заказ № 1983.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.



Домовенок сидел на скамейке перед домом и, как подсолнух, тянулся лицом к солнышку. Его очень заботила собственная внешность... Вот он и ловил первые весенние солнечные лучи в надежде побыстрее загореть. Домовенку было тепло, он чувствовал, как вместе с солнечными лучами в него вливаются новые силы...

— Ой,— испуганно воскликнул Винни-Пух, который хотел примоститься рядом с другом.— Что с тобой?

— Ничего особенного,— лениво произнес Домовенок.— Витамин ловлю.

— У тебя вся физиономия в крапинку, вот что! — ответил Винни.

— Разве сегодня первое апреля? — не открывая глаз, спросил Домовенок.— Знаем мы это: у вас вся спина белая, теперь вот физиономия в крапинку...

— Правда, в крапинку! — убеждал его медвежонок.— Я тебе сейчас зеркало принесу, подожди!

И Винни в самом деле принес зеркальце. Оттуда на Домовенка глянуло что-то рыже-пятнистое. Тут ему пришлось поверить Винни-Пуху, он даже испугался: неужели заболел? И вдруг это заразно? Поэтому к обеду Домовенок вышел, обмотав лицо шарфом. На всякий случай.

Все встревожились. Белоснежка заставила Домовенка снять шарф и тут же рассмеялась.

— Я знаю, как называется твоя болезнь и как ее лечить,— заверила она.

Незапятнанное лицо

У Домовенка оказались веснушки обыкновенные. И это,

кстати, самый верный признак, что наступила весна. Волноваться по их поводу особенно не стоит. Подождать лет 15 — и они вовсе исчезнут. Как правило, у человека старше 30 лет веснушки не появляются!

Но если вам не хочется ждать так долго, то можно попробовать побороться с рыжими противниками.

Во-первых, можно использовать косметические средства. Чисто вымойте лицо и намажьте одним из кремов — «Мелан», «Молочай», «Ахромин». Посидите с кремом на лице сорок минут, потом лицо вытрите косметической салфеткой. Если в течение месяца каждый день делать такие маски, есть вероятность, что веснушки исчезнут.

Во-вторых, если нужных кремов под рукой нет, можно протирать лицо кислым молоком, кефиром, соками петрушки, редьки, репчатого лука. Обесцвечивает веснушки и трехпроцентный раствор перекиси водорода, продающийся в аптеке. Но пользоваться этим раствором следует с большой осторожностью. Если вы случайно коснетесь этим раствором ресниц или бровей, они у вас побелеют. А это в наши планы не входит!

Домовенок тут же спросил Матроскина, нет ли случайно у его Мурки кислого молочка. Матроскин чрезвычайно обиделся:

— Чтобы моя корова несвежий продукт давала?!

Домовенок принялся извиняться:

— Может быть, со вчерашнего дня осталось...

Но Матроскин был тверд.

— Ни капли не должно прокиснуть! Иначе что же я за хозяин — продукт выкидывать?! И так у нас слишком много продуктов расходуется.

Домовенок жалобно упрашивал Матроскина помочь ему с молочным продуктом. Матроскин поворчал для порядку, но все-таки принес пострадавшему товарищу стакан кефира. И Домовенок отправился в ванную комнату, чтобы приступить незамедлительно к кисломолочным процедурам.

Впрочем, у него это не получилось. До всех донеслось ворчание, снова появился Домовенок в прежнем виде. Только еще более расстроенный.

— Наверное, у меня что-нибудь и с глазами,— громко сказал он.— Я ничего не вижу в нашем зеркале. Ни веснушек, ни даже собственного носа.

Папа Карло поднялся с места:

— Может быть, что-то с лампочкой или с зеркалом? Пойдем, посмотрим.

Вернулся Папа Карло несколько смущенный.

— С Домовенком все в порядке. Но с зеркалом... Какое-то оно стало туманное, все в нем расплывается.

Белоснежка подлила масла в огонь:

— Вообще в ванной все разваливается! Веревки еле-еле натянуты, «плечики» повесить некуда...

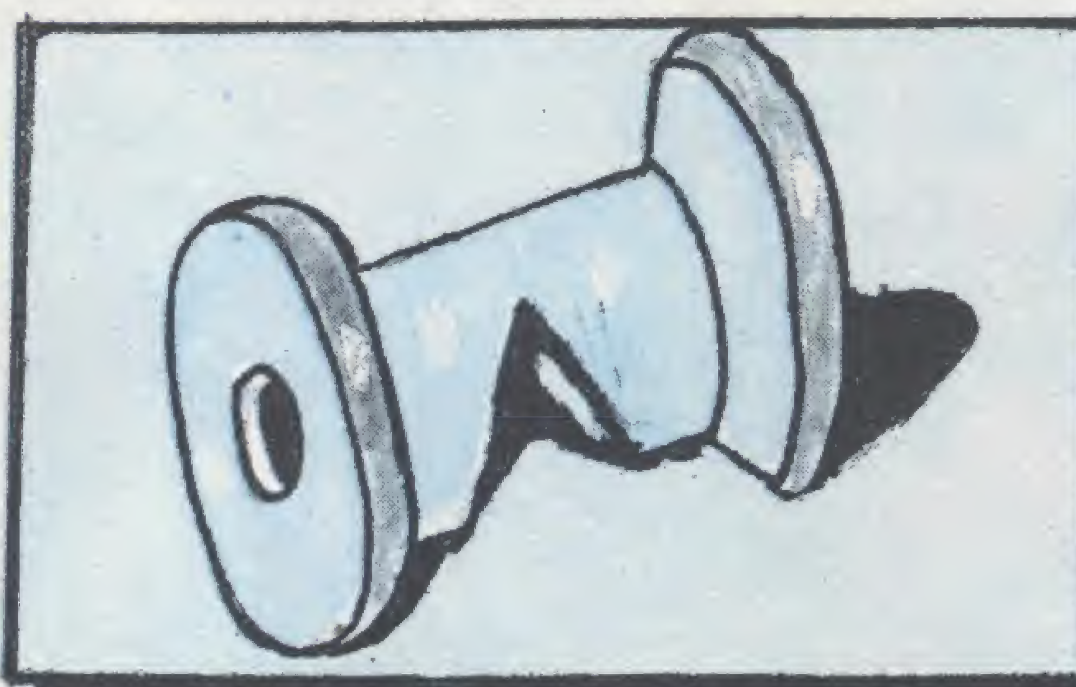
Папа Карло молча сидел и, казалось, что-то усиленно вспоминал. Наконец он обрадованно встал:

— В моей старой записной книжке должно быть кое-что для нашей ванной!

Из записной книжки папы Карло

Что же случилось с зеркалом? Обычная история: влага разрушила амальгаму — зеркальное покрытие стекла. И, уж если отображение в зеркале совсем не соответствует действительности, его, конечно, надо менять. Но на будущее учесть: чтобы амальгама держалась стойко, надо обклеить зеркало по обрезу липкой лентой или обмазать тонким слоем пластилина.

А вот что можно сделать с веревками. Прежде чем закреплять концы на стенках, предусмотрим зафиксированное место для «плечиков». В обыкновенной пустой катушке из-под ниток пропилите треугольный вырез посредине (как показано на рисунке). Катушку наденьте на веревку. Смело цепляйте вешалку за веревку под катушкой — плечики не будут скользить и не упадут.





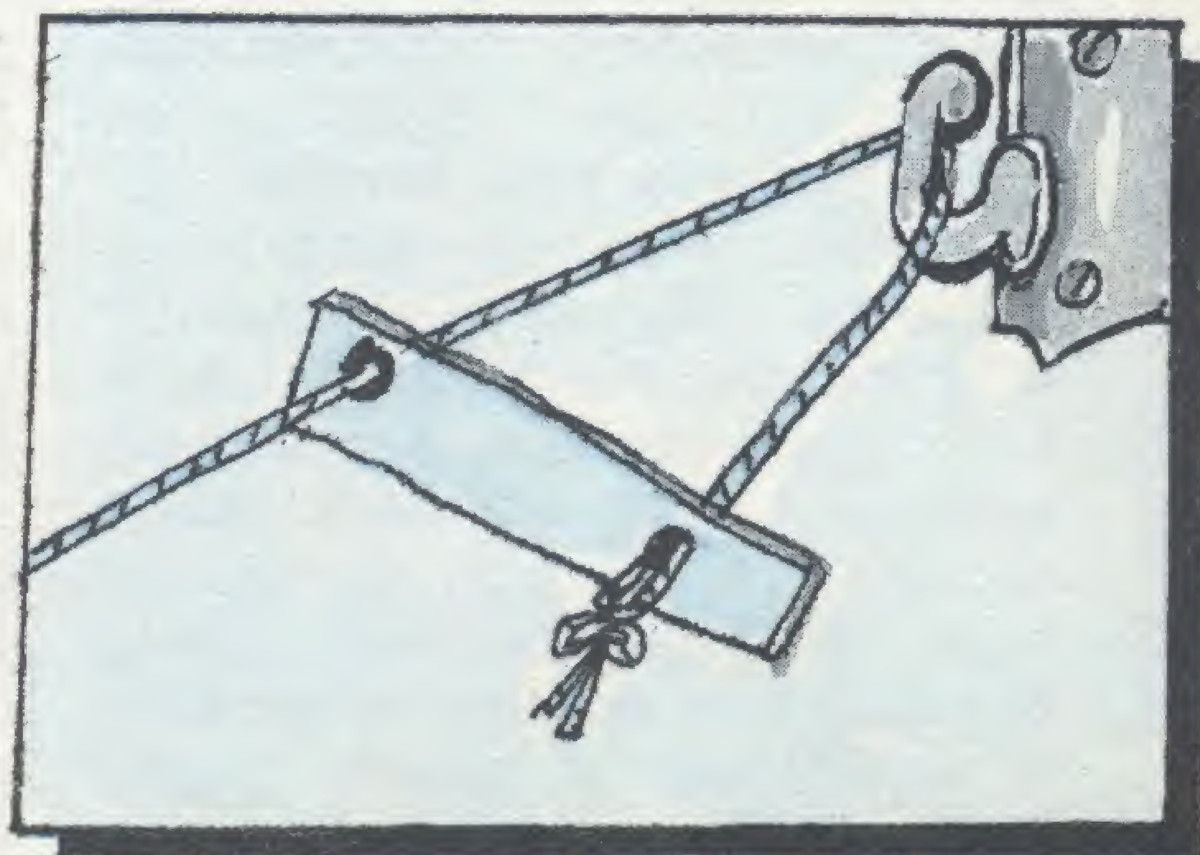
Теперь посмотрим на провисшие под тяжестью мокрого белья веревки. Кажется, вот-вот оборвутся! И ведь как часто на самом деле рвутся. Но и против этого можно применить небольшую хитрость.

В деревянном стержне просверлите два небольших отверстия на равном расстоянии от краев. Продерните через дырки веревку и завяжите узлом. (Смотрите рисунок.) В стенку вбейте крюки. К одному из них привяжите веревку обычным способом, а к другому — как показано на рисунке. Потяните деревянный стержень на себя до полного натяжения веревки. Теперь, если даже на ней будет много выстиранных вещей, она все равно не провиснет.

Папа Карло с удовольствием прочитал вслух страничку из своей записной книжки. Колобок заметил там еще множество исписанных страниц.

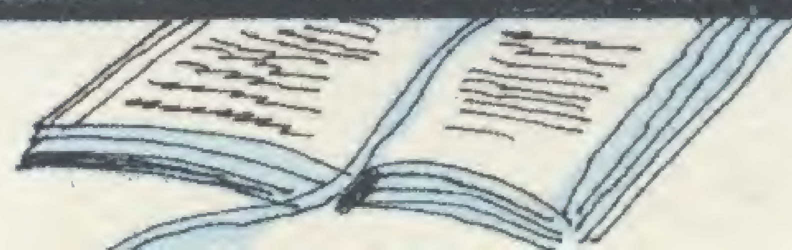
— Дай почитать, а? — попросил он у Папы Карло.

— Читать эту книжку, любезный Колобок, мало. Надо все ДЕЛАТЬ, как тут записано,— сказал Папа Карло и отправился в мастерскую за инструментами и подручным материалом.











ЗНАКОМЬТЕСЬ!

КУКУШЕЧКИ — МАЛЬЧИКИ И ДЕВОЧКИ

«Поп-группой» называет маэстро Паулс в шутку этот коллектив. Но ведь в шутке есть и немалая доля правды — «Кукушечка» стала сегодня настолько популярной как среди детей, так и среди взрослых, что ее охотно включают в самые разнообразные концертные программы, проходящие на самых престижных сценах, снимают в самых популярных программах Центрального телевидения.

В 1986 году ансамбль «Кукушечка» уже праздновал свое пятнадцатилетие.

Однажды на репетиции в студии звукозаписи радио малыши настолько расшалились, что Дайла Мартинсоне, руководитель ансамбля, «выставила» троицу самых буйных за дверь — пусть, мол, остынут, успокоятся... И продолжала репетировать. Обычно уже через минуту они виновато заглядывали в студию и просили разрешения вернуться. Тут же пять минут прошло, десять, а за дверью царила мертвая тишина. Дайла выглянула в коридор и застыла в изумлении: в кресле сидел Раймонд Паулс, а у него на коленях — наказанная троица, и мило, и весело они о чем-то беседовали...

— С детьми Раймонд совсем не строг, а они обожают его и слушают каждое слово,— говорит Д. Мартинсоне.

— Давно вы сотрудничаете с Паулсом-композитором?

— Накануне празднования десятилетия ансамбля попросили Раймонда и поэта Яниса Петерса написать для нас гимн, так появилась песенка «Кукушечки — девочки и мальчики». А если сегодня собрать все песни, созданные для нас Паулсом, то получится около трех часов чистой музыки.

— Каким образом вы подбираете солистов в свой ансамбль?

— С помощью конкурсов. Минувшим сентябрем провели очередной набор. Вскоре их всех вы увидите в новой концертной программе.

— Ну, а что будет с Агнесой и Мартиньшом, они ведь уже школьники, пионеры?

— Да, сейчас им уже по 10, а поют в «Кукушечке» с трехлетнего возраста. И стоит заговорить о расставании, как у них на глазах слезы. Ну и недавно с помощью Раймонда Паулса добились того, о чем мечтали долгие годы,— на радио будет создана вокальная группа из детей пионерского возраста.

А теперь слово композитору:

— Для многих мое увлечение детскими песенками показалось странным. «Это хобби?» — недоуменно спрашивали они. Нет, не хобби. Я с огромным удовольствием пишу для детей и работаю с ними на репетициях, выступаю в концертных залах. Все время замечаю, что детской музыки и песен у нас слишком мало. А ведь дети, когда песня приходится им по душе, очень любят петь. Кстати, в Москве, на моих творческих вечерах, «кукушечки» уже на третий день освоили весь репертуар взрослых участников программы и устраивали нам за кулисами незабываемые концерты, подражая старшим. Это их веселое баловство еще больше утвердило меня в мысли, что хороших эстрадных певцов надо искать и готовить с юного возраста.

Цена 30 коп. Индекс 70694.